

Humanitas

ЭОН

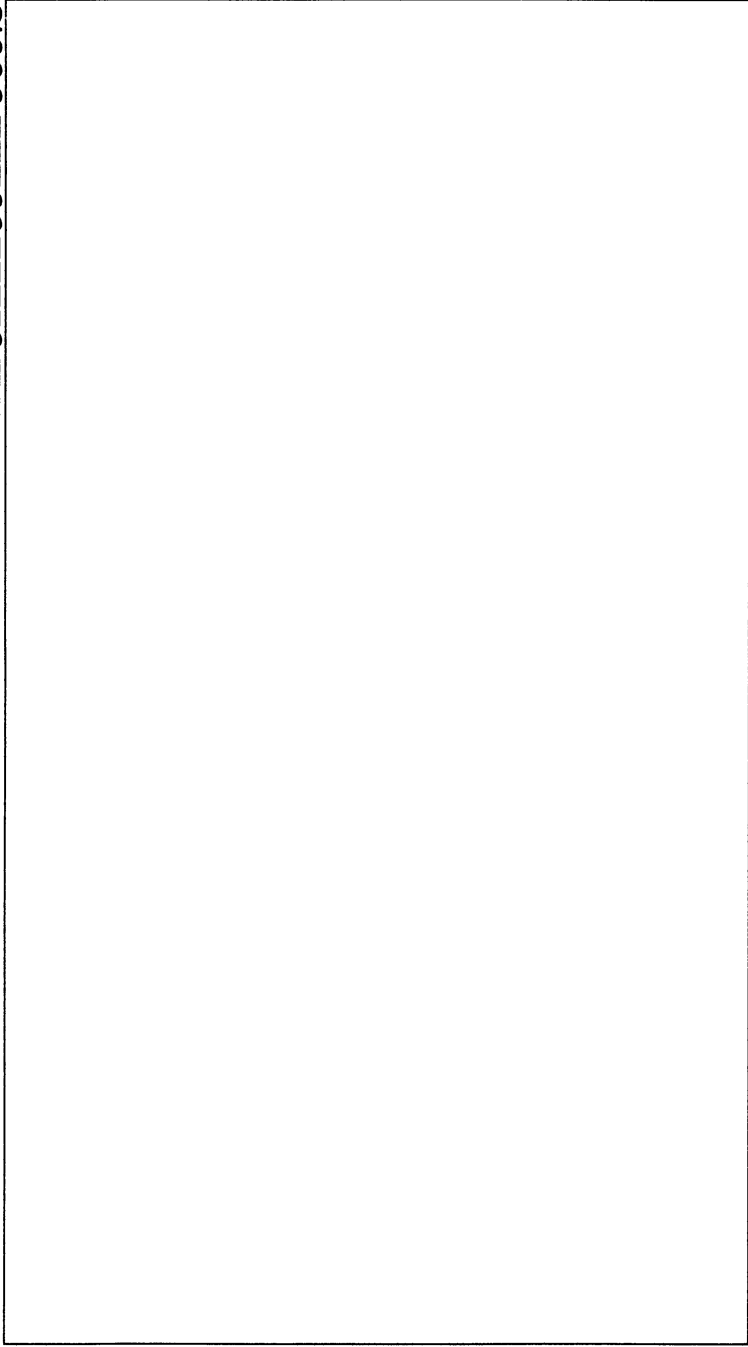
Альманах

старой и новой культуры

Семейное окружение Пушкина
в последний период его жизни
и после смерти

Humanitas

Серия основана в 1999 г.

В подготовке серии принимали участие ведущие специалисты
Института научной информации по общественным наукам,
Института философии
Института российской истории
Российской академии наук

Российская академия наук
Институт научной информации по общественным наукам

ЭОН

Альманах
старой и новой культуры

**Семейное окружение Пушкина
в последний период его жизни
и после смерти**

Центр гуманитарных инициатив
Москва–Санкт-Петербург
2022

УДК 82.09
ББК 83.3(2=411.2)
Э 69

Главный редактор и автор проекта «Humanitas» С.Я. Левит
Заместитель главного редактора И.А. Осиновская

Редакционная коллегия серии:

Л.В. Скворцов (председатель), Е.Н. Балашова, В.Д. Губин,
Б.Л. Губман, А.Л. Доброхотов, Д.В. Ефременко, Г.И. Зверева,
А.Н. Кожановский, И.В. Кондаков, М.П. Крыжановская, Л.А. Микешина,
Ю.С. Пивоваров, И.И. Ремезова, А.К. Сорокин,
П.В. Соснов, Г.В. Хлебников

Ответственный редактор-составитель Гальцева Р.А.

Редактор М.П. Крыжановская

Серийное оформление: П.П. Ефремов

Э 69 **Эон. Альманах старой и новой культуры: Семейное окружение Пушкина в последний период его жизни и после смерти.** — М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2022. — 228 с. (Серия «Humanitas»)

Альманах старой и новой культуры в течение долгих лет выходил в ИНИОН РАН, издано 14 томов. Данный выпуск, подготовленный Отделом философии ИНИОН, посвящен новым изысканиям зарубежных исследователей творческого пути и жизненных обстоятельств поэта, чья гибель остается незаживающей раной для русской души. В подготовке выпуска принимали участие филолог, литературовед, переводчик, исследователь Серебряного века М.В. Ломовская — автор тематического обзора материалов и новых архивных изысканий об окружении А.С. Пушкина перед его кончиной (рассказывающего о судьбе старшей свояченицы А.С. Пушкина Е.Н. Гончаровой — жене Дантеса); пушкинист, автор многих книг и исследований о Пушкине В.М. Есипов (Вогман), в работах которого рассматриваются сложные отношения между императором и поэтом: «Пушкин и Николай I», а также известный культур-философ Р.А. Гальцева, автор работ о Пушкине «По следам гения», «Пушкин и свобода». Альманах предназначен для широкого круга читателей.

УДК 82.09
ББК 83.3(2=411.2)

ISBN 978-5-98712-281-5

© С.Я. Левит, автор проекта «Humanitas»,
составитель серии, 2022
© Р.А. Гальцева, 2022
© Центр гуманитарных инициатив, 2022

Часть I

Марина Ломовская

**Тематический обзор материалов
и новые архивные изыскания
об окружении А.С. Пушкина
перед его кончиной**

Предисловие

Не одно поколение пушкинистов пыталось получить доступ в архив барона Клода де Геккерна-Дантеса (1919–1996) – правнука Екатерины Николаевны Гончаровой (1809–1843) и Жоржа Шарля Дантеса (1812–1895). Кто-то тщетно, кто-то успешно. Таким образом, отдельные документы из него, с разного рода толкованиями и комментариями публикаторов, появлялись в печати, вызывая, соответственно, и различные по степени чувства – от восторженной благодарности и одобрения до разочарования и полного недоверия.

В середине 1960-х годов этот семейный архив, находящийся тогда еще в Сульце (Верхний Рейн, Франция), родовом имении Геккернов-Дантесов, был любезно предоставлен французскому слависту Андре Менье (1910–1968). Его внимание, наряду с другими документами, привлекли два альбома, заполненные стихами русских поэтов рукой их владелицы – Екатерины Николаевны Гончаровой.

В 1967 году Андре Менье опубликовал небольшую статью: «К изучению распространения литературы в русском обществе первой трети XIX века» с подзаголовком: «Описание двух альбомов, принадлежавших Екатерине Гончаровой»¹.

Французский исследователь представил в статье только свои первые впечатления, собираясь в дальнейшем тщательно изучить состав альбомов и прийти к определенным выводам. Не успев выполнить намеченное исследование для будущей аналитической статьи, Андре Менье умер² вскоре после публикации данного материала.

¹ *Meynieux André*. Notule II. Contribution à l'étude de la circulation de la littérature dans la société russe du premier tiers du dix-neuvième siècle: description de deux albums ayant appartenu à Catherine Gončarova. In : Revue des études slaves, tome 46, fascicule 1–4, 1967, p. 22–25. http://www.persee.fr/doc/slave_0080-2557_1967_num_46_1_1942

² «15 ноября 1968 г. в г. Лилле безвременно скончался Андре Менье, выдающийся французский пушкиновед, большую часть своей жизни посвятивший изучению и популяризации Пушкина во Франции. Он был хорошо известен и в Советском Союзе, куда он приезжал неоднократно и где напечатаны были (в русских переводах) некоторые из его научных работ». – *Алексеев М. П.* Андре Менье: [Некролог] // Временник Пушкинской комиссии, 1967–1968 / АН СССР. ОЛЯ. Пушкин. комис. Л.: Наука, 1970. С. 126–135.

URL: <http://feb-web.ru/feb/pushkin/serial/v70/v70-126-.htm>

Краткое указание на эти два альбома имеется в одной из книг И. Ободовской и М. Дементьева, где отмечается: «Мы не имеем возможности подробнее остановиться на этих альбомах, несомненно, заслуживающих специального изучения»³. К сожалению, в ссылочном примечании⁴ дан неверный заголовок статьи: «Альбомы Екатерины Гончаровой» [!] и неполные библиографические данные: «Revue des Etudes Slaves», т. 46. Paris, 1967. с. 22–25.

К материалам того же архива, но уже в Париже (поскольку имение в Сульце было продано наследниками городу в 1984 году) получил доступ Е. Терновский⁵. В интервью журналисту Андрею Лебедеву он, говоря о своих «пушкинских штудиях», в частности отметил, что Екатерина Николаевна «заполнила два эlegantных альбома многочисленными стихотворениями современных ей поэтов и даже потрудились переписать “Домик в Коломне”»⁶.

Заинтересовавшись другими материалами архива, Терновский опубликовал некоторые из них в своей книге «Pouchkine et la tribu Gontcharoff»⁷, которая никогда не переводилась на русский язык, но о ней было известно некоторым исследователям-пушкинистам. В частности, ссылка на это издание приводится как в библиографии⁸ книги, написанной Вадимом Старком совместно с Сереной Витале⁹, так и упоминается в исследовании Н.П. Прожогина¹⁰, произвольно озаглавившего по-русски книгу Терновского «Пушкин и племя Гончаровых»¹¹.

Автор данного исследования, тщательно изучив опубликованные ранее Андре Менье (1967) и Евгением Терновским (1993) во Франции материалы, непосредственно касающиеся Е.Н. Гончаровой, включила

³ Ободовская И., Дементьев М. После смерти Пушкина: Неизвестные письма. М.: Сов. Россия, 1980. С. 251.

⁴ Там же. С. 370.

⁵ Терновский Евгений Самойлович – русский писатель третьей волны эмиграции, переводчик и литературовед.

URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Терновский,_Евгений_Самойлович

⁶ Терновский Е., Лебедев А. Встречи на рю Данкерк. Книга-интервью. Франкфурт-на-Майне: Мосты, 2011. С. 126.

⁷ Ternovskij E. Pouchkine et la tribu Gontcharoff. Paris: Klincksieck, 1993.

⁸ Имя автора приводится как: Ternovskij, год изд.: 1992. В самом деле, на обороте тит. л. возле знака © проставлено 1992, тогда как на последней стр. вслед за информацией об окончании печати стоит дата 1993. По соврем. франц. правилам библиогр. описания последняя дата является преимущественной.

⁹ Витале С., Старк В. Черная речка: до и после. К истории дуэли Пушкина. Письма Дантеса // Звезда. 2000. С. 226.

¹⁰ Прожогин Н.П. Письма Дантеса: История дуэли в интерпретации итальянской исследовательницы // Московский пушкинист: Ежегод. сб. / РАН. ИМЛИ им. А.М. Горького. Пушкин. комис. М.: Наследие. 1997. Вып. IV. С. 319.

¹¹ Журналист А. Лебедев в беседе с Е. Терновским (см. ссылку 6) называет данную книгу «Пушкин и род Гончаровых».

их, впервые переведя на русский язык и сопроводив необходимыми комментариями, в свое документальное повествование о судьбе старшей свояченицы Пушкина.

Без упоминания ее имени не обходится ни одно исследование, посвященное изучению причин трагической гибели первого русского поэта в конце января 1837 года, но до сих пор не было ни одного отдельного материала, посвященного именно ей.

Не только свидетели-современники, но и последующие исследователи дуэльной истории называли Екатерину «сводницей», «ширмой», «игрушкой в руках баронов», подозревали в добрачной связи с будущим мужем. На нее, обвенчавшуюся с Дантесом за полмесяца до дуэли, легло клеймо жены убийцы поэта. Изрядно проигрывая в красоте своей младшей сестре, она и в этом отношении заслужила нелестное мнение: «посредственная живопись», «некрасивая, черная и бедная», «дылда, похожая на ручку от метлы» — это только то небольшое, что дошло до нас от пересудов стоустой молвы после официального объявления ее помолвки с Дантесом 17 ноября 1836 года.

Уже будучи баронессой Геккерн Екатерина Николаевна написала как-то брату, явно исходя из своего опыта: «если только любишь кого-нибудь, какое может быть дело до мнения света». И не было такой жертвы, которую бы она не принесла на алтарь своей любви к Дантесу — долгожданной, единственной, безоглядной и безграничной.

Предлагаемое исследование — попытка непредвзятого подхода к созданию живого женского портрета на фоне бытовавших в обществе первой трети XIX века устоев и традиций. Главным подспорьем в работе послужили, во-первых, опубликованные И. Ободовской и М. Дементьевым¹² письма сестер Гончаровых, а во-вторых, как указывалось выше, два, ранее не изученных, рукописных альбома со стихами — плод упорных трудов Екатерины Николаевны периода их с Александрой Николаевной «трехгодичного заточения» в Полотняном Заводе (1831—1833). Другие привлеченные автором многочисленные документы помогают глубже понять силу и слабость натуры Катрин Гончаровой, объяснить психологические мотивы ее поступков.

Взяв в качестве эпиграфа к повествованию слова Д.С. Лихачева: «Нет четких границ между литературой и реальностью!», автор сопоставляет ситуации, характеры, модели поведения участников описываемых событий с им подобными в произведениях А.С. Грибоедова, А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Проспера Мериме, Шодерло де Лакло.

¹² *Ободовская И., Дементьев М.* Вокруг Пушкина: Неизвестные письма Н.Н. Пушкиной и ее сестер Е.Н. и А.Н. Гончаровых. М.: Сов. Россия, 1975. См. также ссылку³.

Рассказывается также о жизни баронессы Катрин Геккерн-Дантес во Франции, об ее усилиях по сохранению связей с родными в России.

Отрывки из писем ее сестер на французском языке из семейного архива барона Клода де Геккерн-Дантеса, опубликованные в книге Евгения Терновского¹³, приводятся в переводе автора. Как и объемное подробное письмо доктора Веста барону де Геккерну от 19 октября 1843 года о последних днях жизни и о смерти Екатерины Николаевны.

Несколько заключительных страниц посвящены карьере овдовевшего Дантеса, судьбе их с Катрин четырех детей.

¹³См. ссылку ⁷.

Марина Ломовская

Счастливая бедная Катя

*Нет четких границ между
литературой и реальностью!*

Д.С. Лихачев

*Фактов я не трогаю никогда,
я их только — толкую.*

М.И. Цветаева

Вот уже больше 180 лет, прошедших со дня смерти Пушкина, как о ней никто доброго слова не сказал. Понятно почему: во всех событиях, предшествовавших и неизбежно ведущих к дуэли, роль ее незавидная — сводница, ширма, игрушка в руках баронов, шпион в доме Пушкина, жена убийцы поэта.

Да и до дуэли ей в жизни не особенно везло. Родившись весной 1809 года второй среди шестерых детей Натальи Ивановны и Николая Афанасьевича Гончаровых, Екатерина была самой старшей и не самой красивой из трех сестер-бесприданниц.

«Три девицы под окном пряли поздно вечерком...» Не особо родовитые, но благородные девицы Гончаровы не пряли, конечно, как простые крестьянки. У них для этого было достаточно крепостных прях, ткачих и поварих. Хотя в домотканом ходить им не пристало: материю для платьев приходилось покупать в магазинах или лавках, а сэкономить можно было только на шитье по модной картинке, поручив какой-нибудь Авдотье или Федосье из своих, под началом у которой были кружевницы и вышивальщицы.

Сами же сестры тоже умели держать иголку в руках, чтобы, сидя за пальцами, вышивать бисером, например, модные в ту пору кошельки, и даже славились этим — особенно старшая Катя и младшая Таша.

А средняя Саша зато больше любила музыку и, раздобыв ноты нового вальса или оперной арии, чудесно играла на фортепиано¹⁴.

Барышни, как полагалось в 20–30-х годах XIX века молодым дворянкам, получили приличное домашнее образование. Нанятые гувернеры и гувернантки, приставленные к ним как в Москве, так и в деревенских имениях, обучили их русской грамоте, иностранным языкам, главным из которых, разумеется, был французский, «и танцам! и пенью! и нежностям! и вздохам!». «Чему-нибудь» по истории, «как-нибудь» по географии. Отличались они и похвальной привычкой к чтению, тем более что в городском доме и в поместьях имелись уставленные книгами полки. В образовании, главной целью которого являлось создание из девушки к семнадцати годам привлекательной невесты, они вполне преуспели. «В Москву, на ярманку невест», где с осени до Троицы, за исключением постов, устраивались балы-смотрины, далеко ехать было не надо — они жили на Никитской, и от их дома до Благородного собрания, где «Шум, хохот, беготня, поклоны, / Галоп, мазурка, вальс...», было рукой подать. А вот дома было неблагополучно: больной полусумасшедший отец, проживавший в отдельном флигеле под надзором камердинера, властная капризная маменька... Ни о каких раутах и тем более балах в этом доме не могло быть и речи, хотя по определенным дням принимали, конечно, родственников и знакомых, как тогда водилось. Но — ни уютного светского салона с роем модной молодежи, ни танцев, ни шарад, ни живых картин, ни лстящих стихов известных поэтов, ни акварелей модных художников в личных альбомах¹⁵.

В свое время сначала старшую Катю (или Коко), а чуть позже и Сашу (или Ази), которая была младше на два года, начали вывозить в свет: они под присмотром маменьки отправлялись в гости, в театр, на балы или на музыкальные вечера в Благородное собрание. К зиме 1828/1829 года, когда наступило время вывозить младшую сестру — 16-летнюю красавицу Наталью — еще никто не просватал годом стар-

¹⁴О серьезных занятиях и любви Александры Николаевны к музыке свидетельствует принадлежащий ей рукописный альбом, заполненный многочисленными песнями, романсами, ариями из опер русских и зарубежных композиторов, хранящийся в РГБ: *Фризенгоф А.Н. (1811–1891)*. Альбом Александры Николаевны Гончаровой с записями музыкальных произведений, стихотворений, высказываний и с рисунками [Рукопись] / рукой А.Н. Гончаровой и неустановленных лиц. — с. Ярополец, 1810-е. — 86 [1+85, из них 6 чист.] л.; 4° (19,5 x 12,0).

URL: [https://search.rsl.ru/ru/search#p=2&q=title%3A\(альбомы%20гончаровых\)](https://search.rsl.ru/ru/search#p=2&q=title%3A(альбомы%20гончаровых))

¹⁵Каждый из членов семейства Гончаровых, следуя традиции дворянского быта того времени, вел собственный альбом со стихотворениями, записями, рисунками. В РГБ хранятся несколько таких альбомов, принадлежащих братьям Д.Н. и И.Н. Гончаровым, а также их матери Н.И. Гончаровой.

URL: [https://search.rsl.ru/ru/search#q=title%3A\(альбомы%20гончаровых\)](https://search.rsl.ru/ru/search#q=title%3A(альбомы%20гончаровых)).

шую ее Александру, и никто не попросил руки Екатерины, которой шел двадцатый год. В конце апреля 1829 года к младшей, красота которой все больше вызывала толки по Москве и — соответственно — привлекала поклонников, сам Пушкин свата шлет. Слава, о желании которой поэт заявил в известном стихотворении 1825 года, усилиями многочисленных горячих почитателей и друзей поэта, а также явных врагов и хулителей, в это время достигла зенита. Сват его, граф Ф.И. Толстой по прозвищу Американец, тоже был по-своему знаменит. Маменька, ссылаясь на молодость дочери, ласкаясь надеждой привлечь жениха поблагонадежней и побогаче, дает поэту неопределенный ответ. Только через год, в Пасхальное воскресенье 6 апреля 1830 года, вторичное предложение было принято благосклонно. Однако и на свадьбе Натали с Пушкиным, которая из-за многочисленных хлопот, неблагоприятных стечений разного рода обстоятельств, маменькиных проволочек с приданым не раз откладывалась и состоялась только в феврале 1831 года, старшие сестры присутствовали незамужними девицами. Любя младшую сестру, будучи хорошо воспитанными, они за нее, конечно, были рады. Но какие чувства примешивались к радости, когда стояли они во время свадебной церемонии в приходской церкви Гончаровых и сидели позже за свадебным столом в доме на Арбате? В обществе было принято, чтобы сестры выходили замуж последовательно от старшей к младшей, таким образом, более ранняя свадьба младшей нанесла дополнительный урон репутации засидевшихся старших. «И завидуют оне Государевой жене...» Счастливая Таша — ей удалось выскользнуть из-под маменькиной опеки и зажить со своим знаменитым мужем совсем другой жизнью, хоть маменька — от Никитской до Арбата, где поселились молодые, путь короткий — продолжает регулярно свои наставления. До свадьбы ей непременно хотелось, чтобы дочь ее была с приданым, и Пушкин выдал теще 11 000 для выкупа заложенных бриллиантов и изумрудов; в самый день свадьбы прислала сказать жениху, что за неимением денег на карету венчание отложить, мол, придется... Пушкин послал и на карету. Однако после свадьбы «еще пуше старуха бранится» и Пушкину пришлось уже из Царского Села объяснять теще их с женой преждевременный отъезд: «Я был вынужден уехать из Москвы во избежание неприятностей, которые под конец могли лишить меня не только покоя; меня расписывали моей жене как человека гнусного, алчного, как презренного ростовщика, ей говорили: ты глупа, позволяя мужу и т.д. Согласитесь, что это значило проповедовать развод. Жена не может, сохраняя приличие, позволить говорить себе, что муж ее бесчестный человек, а обязанность моей жены — подчиняться тому, что я себе позволю. Не восемнадцатилетней женщине управлять мужчиной, которому 32 года. Я проявил большое

терпение и мягкость, но, по-видимому, и то и другое было напрасно. Я ценю свой покой и сумею его себе обеспечить»¹⁶.

И вот новоиспеченная мадам Пушкина, которая, по мнению маменьки, должна мужем «управлять», а, по мнению мужа, подчиняясь ему вполне, «elle est appelée à briller, à s'amuser» (10, 279), то есть «призвана блистать, развлекаться», не прожив и трех месяцев на Арбате, отправляется в мае в Петербург на манер свадебного путешествия. По приезде — необходимые визиты ближайшим друзьям мужа, свекру со свекровью, и даже пришлось отказаться от очень лестного приглашения Елизаветы Михайловны Хитрово отпраздновать день рождения Пушкина у нее, потому что, увы, Пушкин очень торопился выехать из Петербурга.

Пока в благословенном для Александра Сергеевича Царском Селе, в садах которого он юношей «безмятежно расцветал», в семи комнатах уютного домика Китаевой чета Пушкиных устраивалась, чтобы, наконец, зажить, как он мечтал, «потихоньку без тещи... и без сплетен», «припеваючи, независимо и не думая о том, что скажет Марья Алексевна» (10, 333), сестер отправили на лето, как это было и раньше, к деду в Полотняный Завод. Какое-то время и маменька там с ними побывала, успев отвадить знакомого Пушкина — Александра Юрьевича Поливанова¹⁷, который посватался к Александре Николаевне. Он показался Пушкину очень влюбленным, когда заходил к молодоженам еще в Петербурге до их отъезда в Царское Село.

Вероятно, Сашенька ему приглянулась раньше, когда он видел сестер Гончаровых в Москве или в Калуге, и вот одна из них, самая юная и красивая, стала женой поэта. Даже если Пушкин и не повторил Поливанову вслух те слова, что написал он через неделю после свадьбы близкому другу Плетневу: «Я женат — и счастлив; одно желание мое, чтоб ничего в жизни моей не изменилось — лучшего не дождусь» (10, 340), но сам исходящий от Пушкина свет счастья и двойная доброжелательность молодых супругов были так заразительны, что и он, вдохновленный их примером, решил той же дорогой пойти навстречу своему счастью.

¹⁶ Пушкин А.С. Полное собрание сочинений в 10 томах. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950—1951. Т. 10. С. 358; пер. с франц. С. 832. В дальнейшем ссылки на это издание даются в скобках внутри текста: первая цифра — том, вторая — страница.

¹⁷ Александр Юрьевич Поливанов (1795 — не ранее 1846), поступил в Кавалергардский полк в 1814 году, уволен по болезни в 1823 году подполковником. Женат не был. Сборник биографий кавалергардов. [1724—1899]: По случаю столетнего юбилея Кавалергардского ея величества государыни имп. Марии Федоровны полка / сост. под ред. С. Панчулидзева. Экспедиция заготовления гос. бумаг, 1901—1908. 4 т. [Т. 3]. СПб., 1801—1826. 1906. С. 285. В дальнейшем: СБК, указ соч. с номером тома в кв. скобках, г. изд., стр. и ссылки на электронный ресурс. URL: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01003966999#?page=296>.

Посему успели его представить и рекомендовать тетке жены, фрейлине Екатерине Ивановне Загрязской, как будущего племянника. Сообщили в письме и дедушке Афанасию Николаевичу о намерениях г-на Поливанова. «Что-то будет с Александром Юрьевичем? — благодушно задается вопросом Пушкин в письме к П. В. Нащокину. — Воображаю его в Заводах en tête-à-tête с глухим стариком, а Наталью Ивановну, ходуном ходящую около дочерей, крепко-накрепко заключенных. Что Александр Юрьевич? остыл али нет?» (10, 356–357).

Через несколько дней вопрос разрешился — Наталья Николаевна получила от маменьки, возмущенной, что не с ней первой посоветовались, очень сердитое письмо, мол, поведение твоего мужа «делает ему мало чести». Пришлось Пушкину снова, вооружась терпением, объяснять письменно теще, которая «не понимает», «бранит... да и только» (10, 380), что выражение ее оскорбительно и что он «никоим образом его не заслужил» (10, 358; пер. с франц. 10, 832).

В самом деле, как мог 35-летний старший брат осужденного и умершего в 1826 году декабриста Ивана Поливанова¹⁸ выглядеть в глазах Натальи Ивановны благонадежным человеком? Да и мог ли этот отставной подполковник представляться завидным женихом для дочери, если его имущество (пополам с покойным братом) в селе Никольском Малоярославского уезда Калужской губернии состояло всего-навсего из 180 душ, заложенных в Опекунском совете? Как сама Александра Николаевна отнеслась к объявившемуся жениху, история умалчивает.

Если Наталья Николаевна получила в приданое от деда заложенное имение и медную статую Екатерины II, а от матери — закладные квитанции на бриллианты и изумруды, то сестрам и подавно от родных ждать было нечего.

Мать после этого неудачного сватовства, в очередной раз на всех осердясь, не видя по отношению к себе должного уважения, испытывая огромное желание, чтобы старшие дочери оставили ее в покое, поспешила удалиться на продолжительный срок в свое любимое поместье Ярополец. Запереть дочерей в Полотняном Заводе было куда менее накладно, чем содержать в московском доме, и куда спокойней, чем жить с ними вместе в Яропольце. Время от времени они все же виделись, обмениваясь редкими поездками друг к другу через Москву. Делать нечего, пришлось сестрам коротать лето 1831 года в деревне при скупом деде, потом и осень, и зиму, и новую весну, и снова лето...

¹⁸ Иван Юрьевич Поливанов (1798 или 1799–1826) — декабрист, отставной полковник лейб-гвардии Кавалергардского полка.

* * *

Пушкин осенью 1831 года в ожидании прибавления семейства («Наталья Николаевна брюхата — в мае родит») (10, 388), при всей очевидности неудержимо растущих расходов («женюсь, я думал издерживать втрое против прежнего, вышло вдесятеро») (10, 385), утрачивая последние надежды на получение от деда обещанных в приданое внучке денег, жаловался в письмах Нащокину: «Дедушка свинья; он выдает свою третью наложницу замуж с 10 000 приданого, а не может заплатить мне моих 12 000 — и ничего своей внучке не дает» (10, 388).

Дедушка Афанасий Николаевич, «в прошедшем веке запоздалый», любил жить на широкую ногу и с большим вкусом тратил нажитое его собственным делом — основателем Заводов Афанасием Абрамовичем. И так поистратился, что в мае 1832 года он, разменяв восьмой десяток, решается ехать в Петербург подавать царю прошение о субсидии для поправки дел на Заводах, а то и хлопотать о продаже своего майората, который по специальному указу 1778 года не мог продаваться, а только переходить по наследству старшему в роде.

Ко времени отъезда дедушки в Петербург относятся опубликованные ранее (в основном в переводе с французского на русский) письма Александры Николаевны и Екатерины Николаевны¹⁹ к старшему брату Дмитрию Николаевичу в Петербург, где он тогда служил. Из них доносятся до нас их вопрошающие голоса: позаботятся ли о них? Что с ними собираются делать? Нельзя ли их вытащить из пропасти, к которой они сидят? Сестры чувствуют себя брошенными на волю Божию, забытыми своей семьей и никому не нужными. С дедом они продолжают, раз он их покинул, косвенные заочные стычки и расчеты. Тем более что младшая сестра, с которой дед регулярно видится, дает сестрам знать о его столичном образе жизни, вызывая справедливые упреки в июльских письмах Александры Николаевны: «Таша пишет в своем письме, что его совершенно напрасно ждут здесь, так как ему чрезвычайно нравится в Петербурге. Это не трудно, и я прекрасно сумела бы делать то же, если бы он дал мне хоть половину того, что сам уже истратил. Куда не пристало старику дурачиться! А потом он на зиму бросит нас как сумасшедших, на Заводе или в Яропольце. А это совсем не по мне»²⁰; «Таша

¹⁹ *Ободовская И., Дементьев М.* Вокруг Пушкина: Неизвестные письма Н.Н. Пушкиной и ее сестер Е.Н. и А.Н. Гончаровых. М.: Сов. Россия, 1975. В дальнейшем: Вокруг Пушкина.

²⁰ Там же. С. 245.

пишет, что он там веселится, как молодой человек. Чем тратить так деньги в его возрасте, лучше бы он подумал, как нас вывезти отсюда и как дать нам возможность жить в городе»²¹. В августовском письме новые обиды на деда, изложенные с привычной иронией: «Любезный Дедушка предполагает заставить нас провести вторую зиму здесь? Он как нельзя более мил. Уверяет, что у него нет денег: что ж, это Святой Дух дает ему их, чтобы посылать сюда подарки своей красотке и сопливой Груше: шали, шубы и Бог знает, что еще, а что касается нас, то когда он истратит 160 рублей, можно подумать, что он разорился»²².

Не зная толком, о чем именно дед поехал хлопотать в столицу и едва услышав от брата о возможной продаже, сестры не на шутку взволновались: «У нас только и есть — коротко и ясно описывает их положение Екатерина Николаевна — сколько-нибудь верный кусок хлеба — Завод, и потом, как жаль продавать такую фабрику, как у Дедушки хватило духу сбыть ее с рук. Ради Бога, дорогой Митинька, постарайся узнать, что происходит, и уведоми нас, так как мы очень беспокоимся»²³.

Но все же не всегда им «тошно и скучно», как написала Сашенька в трудную минуту. Бывают и развлечения: случается, они гостят у соседей, где их хорошо встретили и где они так приятно проводили время, что не хотелось думать об отъезде. В Полотняном Заводе был большой парк — даже три: регулярный, разделенный огромной липовой аллеей с Большим садом, а Нижний сад с прудами был устроен на другом берегу реки Суходрев, окружавшей все обширное имение.

В распоряжении брата был конный двор, а у барышень — манеж, где они упражнялись в верховой езде на любимых лошадях. Чувствуя себя прекрасными амазонками, они великолепно умели держаться в седле. Когда соседями устраивались кавалькады, сестры были их неизменными участницами, охотно принимали приглашения на охоту — тут тоже можно было покрасоваться на лошадях перед знакомыми или приглашенными новыми молодыми людьми. Бывали редкие праздники с ярмарками, и сестры бегали по магазинам, которые были построены на территории их усадьбы, чтобы что-то себе купить, хоть денег на личные расходы им выдавали всегда в обрез. «Поздно вечером», как только наступало 9 часов, они, обыкновенно, велели принести лампу и тогда одна из них, скорее всего, музицировала, другая вышивала, обе много читали, хотя достойных книг было

²¹ Вокруг Пушкина. С. 248.

²² Там же. С. 252.

²³ Там же. С. 251.

мало²⁴, раз Пушкин просил жену в 1834 году: «в деревне не читай скверных книг дединой библиотеки, не марай себе воображения» (10, 475). Поэтому сестры интересуются новинками: «...не будет ли он так добр, — спрашивает Александра Николаевна через брата про Пушкина, — прислать мне третий том его собрания стихотворений. Я буду ему за это чрезвычайно признательна»²⁵.

«Воспитанные на чистом воздухе, — писал Пушкин об уездных барышнях, — в тени своих садовых яблонь, они знание света и жизни почерпают из книжек. Уединение, свобода и чтение рано в них развивают чувства и страсти, неизвестные рассеянным нашим красавицам. Для барышни звон колокольчика есть уже приключение, поездка в ближний город полагается эпохой в жизни, и посещение гостя оставляет долгое, иногда и вечное воспоминание» (6, 147–148).

Имея, верно, виды на богатого молодого соседа Семена Семеновича Хлюстина (годом младше Кати и годом старше Саши), они обижаются, что он «пробыл здесь две с половиной недели, не удостоив... визитом»²⁶. Они не могут дождаться, когда он должен вернуться из Москвы, и совсем по-Татьянински сами отправляются к Хлюстиным: «Вчера мы были у них в именье, где видели их дворецкого Захара, которого я узнала первая и который в прошлом году вернулся из-за границы. Он показал нам весь дом, где у Семена прелестная библиотека. Я умирала от желания украсть у него некоторые из его прекрасных книг. Мы видели также портрет Настасьи²⁷ вместе с матерью, писанный маслом, когда она находилась в Колизее в Риме. Портрет действительно великолепен»²⁸. Анастасия, старшая сестра Семена, получившая очень хорошее образование, была знакома и довольно дружна с сестрами еще

²⁴ Книги из библиотеки дома Гончаровых наряду с большей частью обстановки были вывезены в Калугу в 1921 году и хранились в краеведческом музее. В годы оккупации из этого здания, где находилась немецкая полицейская управа, многие музейные экспонаты были выброшены на улицу. Все ценное, что удалось найти и сохранить, находится сейчас в краеведческом и художественном музеях города.

Козан Г.Ф. Полотняный Завод // Пушкин: Исследования и материалы / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. Т. 2. С. 487–488.

<http://feb-web.ru/feb/pushkin/serial/is2/is2-487-.htm> [Электронный ресурс]

На сайте Калужского областного краеведческого музея в подразделе «Документы и редкие книги» отдела «Фонды» сообщается: «В музейном собрании хранятся русские и западноевропейские рукописные, старопечатные и печатные книги и документы XVI – начала XX вв. из коллекций Гончаровых... и др.»

<http://kokm.ru/ru/assets/dokumenty/> [Электронный ресурс]

²⁵ Вокруг Пушкина. С. 246.

²⁶ Там же.

²⁷ Сиркур Анастасия Семеновна, урожд. Хлюстина (Anastasia Christine, comtesse de Circourt, née Klustine), 1808–1863.

²⁸ Вокруг Пушкина. С. 246–247.

в Москве. Уже в 1826 году она с матерью уехала за границу, в одном из парижских салонов познакомилась со своим будущим мужем — графом Адольфом де Сиркуром (Adolphe de Circourt), с которым они, избегая оставаться в революционной Франции, обвенчались в 1830 году в Швейцарии и там, наряду с Италией и Германией, провели несколько лет. Конечно, девицы Гончаровы — не чета Анастасии Хлюстиной, счастье которой составилось в том возрасте, когда обыкновенно выходят замуж, и сестры отдают себе в этом печальный отчет. «Тебе следовало бы, — шутит с братом сквозь слезы Саша, — умолчать о доброте, блеске и свежести, эти качества уже не свойственны нашему возрасту; я совсем старая, удалилась от света и хочу отныне думать только о спасении души. <...> Как хотела бы я знать свою судьбу; если бы ты мог, дорогой друг, прислать мне по почте какую-нибудь старую колдунью, я была бы тебе очень признательна, потому что, если мне предстоит остаться старой девой и быть заживо похороненной здесь, я в конце концов получу такое отвращение к жизни, что тогда лучше умереть²⁹».

И все же они строят планы оказаться грядущей зимой по крайней мере в Москве, если просят брата для вероятных выходов в свет прислать им из Петербурга косу и узел Аполлона цвета волос Саши и букли цвета волос Кати. Но, как описал Пушкин свои впечатления того времени от «старой столицы», на Москву надежды мало: «Куда девались балы, пиры, чудаки и проказники — все исчезло: остались одни невесты, к которым нельзя по крайней мере применить грубую поговорку “*vielles comme les gues*”³⁰»: московские улицы, благодаря 1812 году, моложе московских красавиц, все еще *цветущих розами!* Ныне в присмирившей Москве огромные боярские дома стоят печально между широким двором, заросшим травой, и садом, запущенным и одичалым. <...> Московские балы... Увы! Посмотрите на эти домашние прически, на эти белые башмачки, искусно забеленные мелом... Кавалеры набраны кое-где — и что за кавалеры!» (7, 273–274).

Поэтому сестры лелеют свою мечту о Петербурге и этим далеко идущим планом они начали интриговать брата, чтобы он переговорил с маменькой, но родные явно не принимают их во внимание и не доводят дело даже до обсуждения.

В начале осени 1832 года дедушка, никак не преуспев в своих хлопотах, нагулявшись по Петербургу, слег и 8 сентября умер. Его тело перевезли и похоронили в Полотняном Заводе. Начались хлопоты по опеке над душевнобольным отцом и передаче управления майоратом старшему в семье брату Дмитрию Николаевичу. Пока сын хлопочет,

²⁹ Вокруг Пушкина. С. 252–253.

³⁰ Стары, как улицы (фр.).

маменька временно поселилась в Заводах. Астрономические суммы долгов, оставшиеся после дедушки, превзошли самые худшие опасения, так что брату ничего не оставалось, как навести еще более строгую экономию. Младшая сестра в Петербурге, ставшая летом 1833 года уже матерью семейства с двумя детьми, старшим сердечно сочувствует, пытается обсуждать их печальное положение с мужем, который ими дружески интересуется: «...и что Катерина Николаевна, будет к нам или нет?» (10, 453) — спрашивает Пушкин жену в октябре 1833 года в письме из Болдина, тем самым проявляя готовность предоставить свояченице свой кров. Тетка-фрейлина Загряжская тоже готова была начать хлопоты и принять участие в устройстве сестер, старшей по крайней мере, в Петербурге. Возможно, тогда решились Саша и Катя заикнуться маменьке и брату о петербургских планах, но, не встретив в очередной раз сочувствия, умолкли, хотя саму идею не оставили.

По письмам сестер заметно, что не Кате, а Саше принадлежит большая часть написанного брату с мая по август 1832 года, а потом до февраля 1834 года в нашем распоряжении вообще не имеется ни одного письма сестер с подробностями их жизни. Но все же в течение трехгодичного «заточения» в Полотняном Заводе Екатерина за писанием проводила часы. Времени было сколько угодно: герои читанных романов в любимый облик не слились, никакой красавец улан из стоявшего поблизости от их имения полка ни одной из барышень не увлекался, гусар Пыхтин не прельщался, ни Буянов, ни Иван Петушков не посватался. Хотя такого рода помещики были: «отселе вижу, что такое, — отвечает Пушкин жене летом 1834 года, когда она, находясь в Полотняном Заводе, описывала ему своего очередного обожателя, — человек лет 36; отставной военный или служащий по выборам. С пузом и в картузе. Имеет 300 душ и едет их перезакладывать — по случаю неурожая» (10, 504). Не было и ни одного влюбленного поэта, который бы прилежно украшал «летучие листки альбома». Пришлось Кате заняться этим самой, благо писать было на чем — опутанная долгами гончаровская фабрика продолжала производить бумагу разных сортов.

* * *

В 1967 году французский славист Андре Менье (1910–1968) опубликовал³¹ подробное описание двух рукописных альбомов, принадлежащих Екатерине Гончаровой, которые он обнаружил в Сульце

³¹ См. ссылку¹.

(Верхний Рейн, Франция) в архиве потомка семейства барона Клода Геккерт-д'Антеса (1919–1996), правнука Екатерины Николаевны.

Первый альбом в формате 17,2 см x 22 см исследователь назвал «Голубая тетрадь» из-за цвета плотной картонной крышки с коричневым кожаным переплетом, и с такими же уголками, с прошитыми в трех местах простой нитью страницами. Первые шесть страниц – форзац белого цвета на веленовой бумаге с водяным знаком «1832 А. Гончаров», и такого же качества шестью страницами альбом заканчивается. Основная часть состоит из 101 пронумерованного листа голубоватой веленовой бумаги с водяным знаком «1826 А. Гончаров», что свидетельствует о том, что переплет относится к более позднему времени. После первого, ничем не заполненного листа, на следующей странице каллиграфическим, как и на всех последующих, почерком написано:

Горе от ума
Комедия
В 4-х действиях
Сочин. А. Грибоедова

Как справедливо указывает исследователь, это одна из бесчисленных рукописных копий (123 страницы убористым почерком) прославленной комедии еще до ее публикации³². Вслед за заголовком на следующей странице расположен список действующих лиц, а еще через одну чистую страницу – начинается и продолжается текст

³² Первая сокращенная публикация: Горе от ума: Комедия в 4-х действиях, в стихах / соч. Александра Сергеевича Грибоедова. Москва: тип. А. Семена, при Импер. мед.-хирург. акад., 1833. На обороте тит. л. значится: «ПЕЧАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ с тем, чтобы по отпечатании представлены были в Ценсурный Комитет три экземпляра. Москва, 1833 года, Августа 21 дня. Цензор Л. Цветаев. См. URL: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01003569964#?page=14>.

Именно этим изданием, согласно описанию Б.Л. Модзалевского (с примечанием: «Разрезано, заметок нет»), владел Пушкин.

Модзалевский, Борис Львович (1874–1928). Библиотека А.С. Пушкина: (Библиогр. описание) / Б.Л. Модзалевский. СПб., тип. Импер. Акад. наук, 1910. – С. 32. URL: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01003770320#?page=68>.] В дальнейшем: БП, указ. соч.

Отметим, что ровесница и тезка Е. Н. Гончаровой – Екатерина Николаевна Ушакова (1809–1872), предмет увлечения Пушкина, переписала комедию Грибоедова еще в совсем юном возрасте: «Из бумаг, относящихся к первой половине XIX в., интересен список “Горя от ума” сочинения Александра Сергеевича Грибоедова, переводчика Молодых супругов и проч., сделанный Е. Ушаковой в декабре 1825 г., т.е. за 8 лет до полного опубликования в печати всей комедии».

Коцюбинский С.Д. Пушкин по новым документам архива Ушаковых // Литературный архив / АН СССР, Ин-т литературы (Пушкинский Дом). М.; Л., 1938. [Вып.] 1, С. 222. URL: http://lib.pushkinskiydom.ru/LinkClick.aspx?fileticket=vOWLwZ4_UFM%3D&tabid=10183

с небольшими промежутками между актами. Под текстом перед словом «Конец» на странице 129 подведена простая черта.

После одной чистой страницы, слегка запятнанной чернилами, начинается сборник стихов, расположенных на 42 страницах под заголовком, подчеркнутым простой линией, «Разныя Стихотворенія».

Второй альбом, с полностью обтянутой кожей твердой обложкой, щедро украшенной золотом, исследователь назвал по цвету кожи «Красная тетрадь». На передней крышке в овальной гирлянде изображены четыре цветка, между которыми можно прочесть по-французски «Diversité». Все страницы этого альбома (19,5 см x 24,5) с золотым обрезом. Кроме титульной страницы, 92 листа исписаны каллиграфическим убористым почерком и последующие 132 листа остались незаполненными.

Первые девять листов форзаца — веленевая белая бумага с водяным знаком «1832 А. Гончаров», потом 62 листа белой веленовой бумаги с водяным знаком «1804 J. Whatman», затем снова, как в начале, «1832 А. Гончаров».

На титульном листе: «Разныя Стихотворенія», ниже, в середине страницы стоят инициалы ГК. В самом низу страницы справа: «Полот. Завод. Маія 23» и еще ниже крупнее: «1833».

На следующем листе текст начинается списком содержания.

Французский исследователь, описавший альбомы, представил в статье только свои первые впечатления, собираясь в дальнейшем тщательно изучить состав альбомов и прийти к выводам, заявленным им в заглавии: «К изучению распространения литературы в русском обществе первой трети XIX века» с подзаголовком: «Описание двух альбомов, принадлежавших Екатерине Гончаровой». Прежде всего он отметил, что, без сомнения, Катрин Гончарова была девица культурная и при явной любви к поэзии была не лишена литературного вкуса. К тому же — на материале «Красной тетради» — он обратил внимание, что некоторые переписанные ею стихотворения еще не были в то время опубликованы, например «Дерпт» Н. Языкова (первая публикация: «Полярная звезда», 1859), он изумлен смелостью владелицы альбома: воспроизведение ею четырех стихотворений декабриста К. Рыльева, несколькими годами ранее казненного государственного преступника; отмечает несомненную для тех времен в глазах девицы фривольность «Домика в Коломне» Пушкина. Его восхищает, что мадемуазель Катрин Гончарова не отступилась перед перепиской таких объемных сочинений, как «Горе от ума» в «Голубой тетради», а в «Красной» — пушкинского «Домика в Коломне» и многострочной сказки Жуковского «Царь Берендей».

Не успев выполнить намеченное исследование для будущей аналитической статьи с дополнительными открытиями, Андре Менье умер³³ вскоре после публикации данного материала.

Переписывала ли Катрин свои альбомы с чьих-то подобных рукописных сборников, или, кроме неопубликованных к тому времени вещей, составляла сама по печатным источникам? Имена восьми известных авторов: Н. Языков, И. Козлов, Е. Баратынский, А. Пушкин, барон А. Дельвиг, кн. П. Вяземский, В. Жуковский, барон Е. Розен повторяются с различными стихами как в «Голубой», так и в «Красной» тетрадах.

Проверка места и времени³⁴ первых публикаций стихов со всей очевидностью показала, что они в основном были переписаны из известного петербургского литературного альманаха А.А. Дельвига «Северные цветы» на 1825 и 1829 годы и из не менее известного альманаха «Новоселье» на 1833 год. Одна из трех «Песен» А. Дельвига взята из альманаха «Подснежник», 1829, другие стихи – «Две звездочки» и «Сон» он опубликовал в «Северных цветах», издателем которого являлся с 1824 по 1830 год.

Пушкинские вещи: «Домик в Коломне» – «Новоселье», 1833; «К Лидиньке» – вероятно, имеется в виду текст ни разу не напечатанного при жизни Пушкина стихотворения 1819 года «Я знаю, Лидинька, мой друг...», ныне публикуемое под заглавием «Платоническая любовь». Подготавливая в 1825 году первый сборник своих стихотворений к печати, Пушкин сделал возле заглавия шутливую надпись: «Не нужно, ибо я хочу быть моральным человеком» (1, 501), то есть он сам посчитал этот свой вольный перевод Парни излишне откровенно-эротическим. «Желание славы» – известное стихотворение, вошло в «Стихотворения А. Пушкина» 1826 года в отдел «Элегии», так же, как и в «Стихотворения А. Пушкина» 1829 года.

Одно из двух стихотворений Н. Языкова («Голубая тетрадь»), «Ручей», взято из Невского альманаха Аладьина на 1829 год, второе, «А. И. В-фу», – из «Северных цветов», 1829; другие («Красная те-

³³ См. ссылку ².

³⁴ Первые публикации стихов указанных авторов выверены в основном по справочному аппарату изданий их произведений в различные годы в Большой серии Библиотеки поэта (Л.: Сов. писатель):

Баратынский Е.А. Полное собрание стихотворений. Л.: Сов. писатель, 1957.

Вяземский П.А. Стихотворения. Л.: Сов. писатель, 1958.

Дельвиг А.А. Полное собрание стихотворений. Л.: Сов. писатель, 1959.

Рылеев К.Ф. Полное собрание стихотворений. Л.: Сов. писатель, 1971.

Хомяков А.С. Стихотворения и драмы. Л.: Сов. писатель, 1969.

Языков Н.М. Собрание стихотворений. Л.: Сов. писатель, 1948.

А также по разделу «Стихи» Альманаха «Новоселье», хранящемуся в РГБ (онлайн-просмотр документа): <https://dlib.rsl.ru/viewer/01007503365#?page=1>

традь») более ранние: «Мое уединение», «Гений» — из «Новостей литературы» 1823, 1825; «Тригорское (К А. С. Пушкину)» — «Московский вестник», 1827, № 2 и т.д.

Стихи К. Рылеева («Красная тетрадь») стоят особняком: «Стансы (к А. Бестужеву «Не сбылись, мой друг, пророчества...»)» — «Полярная звезда», 1825; «Бестужеву» («Хоть Пушкин суд мне строгий произнес...») было опубликовано в «Русской старине» только в 1871 году; «Исповедь Наливайки» — «Полярная звезда», 1825; «Палей» (отрывок из поэмы) — «Северная пчела», 1825, и одно не опубликованное тогда стихотворение «Друзьям (в Ротово)» из «Голубой тетради».

Из неповторяющихся имен авторов:

И. Козлов «Ирландские мелодии» — «Северные цветы», 1825;

А. Подолинский «Два странника» и «Сирота» — «Северные цветы», 1829 год («Голубая тетрадь»);

Н. Гнедич «Кавказская быль» — «Новоселье», 1833 («Красная тетрадь»);

А. С. Хомяков «Жаворонок, Орел и Поэт» — «Новоселье», 1833 («Красная тетрадь»).

Представлены также одним-двумя стихотворениями такие авторы, как: кн. П. Долгорукий («Романс», «Безнадежность»), А. Илличевский («Эпиграмма», «Домовой»), В. Туманский («Элегия», «К ней»), Д. Давыдов («Элегия»).

Вполне вероятно, что материал для списывания был позаимствован у тех же Хлюстиных, Семен Семенович мог предоставить книжки различных альманахов и (или) рукописные альбомы отсутствующей сестры. Известно, что впоследствии Анастасия Семеновна занималась литературой³⁵.

Таким образом, в противоположность Татьяне, которая «по-русски плохо знала, / Журналов наших не читала, / И выражалась с трудом / На языке своем родном», Екатерина не только читала журналы, но и из них переписывала, то есть полноценно владела русским языком. Переписыванием она занималась не затем, «чтоб только время прово-

³⁵ Анастасия Хлюстина анонимно напечатала в женевском журнале «Всеобщая библиотека» (Bibliothèque universelle, 1829, Т. XLII, р. 247–264) в разделе Литература (Littérature) «Письмо о современном состоянии русской литературы, адресованное Г.***» («Lettre sur l'état actuel de la littérature russe, adressée à М.***»). Публикацию сопровождает сноска: «Данное письмо написано молодой девушкой, ум и знания которой могут служить новым доказательством той степени, которой достигло литературное образование русских дворянок» (перевод мой. — М. Л.). В «Письме...» в довольно восторженных тонах представлен, во-первых, Карамзин как историограф, а вслед за ним такие поэты, как Жуковский, Пушкин, Батюшков, Крылов, Дмитриев с приведением прозаического перевода или пересказа одного из произведений этих авторов. В качестве второстепенных поэтов лишь упомянуты имена Баратынского, Рылеева, Плетнева.

доть». Не выйдя замуж к 24 годам, она, так сказать, продолжала свое образование. Тем более что первый русский поэт вошел в их семью и сделался ее свояком. Надо полагать, что слова:

Амур ужели не заглянет
В неосвященный твой приют?
Твоя краса, как роза, вянет;
Минуты юности бегут —

из пушкинского «Я знаю, Лидинька, мой друг...» находили живейший отклик в ее душе. Если всевидящей судьбе было угодно дать ей шанс устроить свою жизнь, то это могло случиться только в Петербурге и только через Пушкина и его жену — ее сестру. Нужно было сделать все от себя зависящее, чтобы быть готовой к грядущим беседам в воображаемом пушкинском кругу и в модных литературных салонах, где ее и сестру Сашу могли бы представить.

Не имея намерения разбирать стихи поэтов, которые нынче могли бы заинтересовать редких любителей поэзии того времени, или узкий круг специалистов по литературному процессу первой трети XIX века, следуя известному посмертному уподоблению Пушкина «Солнцу русской поэзии», отметим лишь основное впечатление: все творения всех авторов этой относительно небольшой подборки находятся примерно в такого же рода зависимости от Пушкина, как разные по величине малые планеты и кометы зависят от Солнца, обращаясь вокруг светила на отдаленном расстоянии и под разными углами. И литературно, и биографически это были «спутники Пушкина» или, как стали их называть позже, «поэты пушкинской поры»: их круг был не так велик, и они все были его знакомыми, некоторые — близкими друзьями, другие — далекими или уже ставшие бывшими. Всех их он замечал, благословлял, иногда критиковал, с ними соперничал и сотрудничал, обо всех них — от искренне восхищавших его Жуковского, Баратынского, Веневитинова, Дельвига до куда более скромно одаренных Туманского или Подолинского — он сказал, большей частью, доброе слово, побуждая их писать и совершенствоваться.

Языков в стихотворении «Ручей» 1827 года описывает свою «задумчивую лень», в которую у Пушкина «Чильд-Гарольдом вдался» Онегин в IV главе, а веневитиновское многословное «К моему перстню!..» со строкой «Храни меня от тяжких ран» — увы — очень сильно уступает пушкинскому шедевру «Храни меня, мой талисман». Орел из невнятно-слабого хомяковского стихотворения «Жаворонок, орел и поэт» несомненно перекликается с пушкинским, летящим на недосягаемой для него высоте: «Зачем от гор и мимо башен / Летит орел,

тяжел и страшен, / На черный пень? Спроси его». Они заимствовали, но и он не считал зазорным самым дружественным образом занять в их стихах какую-нибудь понравившуюся ему фразу или образ, как, например, «гений чистой красоты» у Жуковского³⁶ или «милый идеал» у Туманского³⁷, оказывая, разумеется, тем самым честь. Преждевременную (для двоих – мученическую) смерть, настигшую к тому времени Рылеева, Грибоедова, Веневитинова, любимого Дельвига он горько переживал.

Два стихотворения подборки напрямую связаны с именем Пушкина: «Тригорское (К А.С. Пушкину)» Н. Языкова и «Хоть Пушкин суд мне строгий произнес...» К. Рылеева. Остальные – косвенно, по общим в те времена жанрам (элегия, стансы, быль, поэма, мелодии, сказка, подражание, разговор), темам и мотивам: Кавказ («Кавказская быль» Н. Гнедича), Поэт («Поэт и друг», «Последние стихи» Д. Веневитинова), «На смерть Гете» Е. Баратынского, «Жаворонок, Орел и Поэт» А.С. Хомякова, Перстень, Кольцо, Талисман («К моему перстню!» Д. Веневитинова, «Кольцо» Е. Баратынского, «Бирюза» П. Вяземского), Море («Море» В. Жуковского), Домовой («Домовой» Е. Розена и «Домовой» А. Илличевского),

³⁶ Пушкин изменил, однако, взятую в стихотворении Жуковского «Лалла Рук» (написано между 15 января – 7 февраля 1821 года, напечатано впервые в «Московском телеграфе», 1827, ч. XIV, № 5) поэтическую конструкцию «Гений чистой красоты» на «Гений чистой красоты».

Жуковский В.А. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 1. М.; Л.: ГИХЛ, 1959–1960. С. 360, 460.

³⁷ Речь идет о стихотворении В.И. Туманского «Мольба»:

Нужна любовь, как воздух ясной,
Стесненной чувствами груди:
О случай! встречу прекрасной
Ее во мне ты пробуди!

Не верить счастью – мученье,
Но, мнится, счастье я б узнал,
Когда б я мог в земном творенье
Найти свой милый идеал.

Когда ж нельзя свершиться чуду,
То пусть беспамятным умом,
Как сон, свой идеал забуду
Перед любимым существом.

Северная лира на 1827 год. М.: Наука, 1984. (Литературные памятники). С. 63. В наброске статьи «Об альманахе “Северная лира”» (вышел в свет в январе 1827 года) А.С. Пушкин похвально отзываясь о других, помещенных там же, стихах: «Из стихотворений “Греческая песнь” Туманского, “К одесским друзьям” (его же) отличаются гармонией, точностию слога и обличают решительный талант» (7, 49).

Гусар («К старому гусару» П. Вяземского) и другие. Есть здесь и переключки друзей-поэтов в стихах: Н. Языков – «К А. Вульффу» и «К А.С. Пушкину», К. Рылеев – «А. Бестужеву»; имеются и обращения к женщинам, как к неизвестным: «К ней» В. Туманского, так и к знаменитым светским красавицам: «Прощание (А.О. Смирновой)» и «Разговор 7 апреля 1832 года. Графине Е.М. Завадовской» П. Вяземского. Как известно, обе они – знакомые и адресатки лирики А.С. Пушкина.

Два последних стихотворения Вяземского должны были привлечь внимание и понравиться Катрин Гончаровой более других. Особенно самое последнее – она наверняка вчитывалась как в признания Вяземского в любви Петербургу, о котором она мечтала: «Я Петербург люблю с его красою стройной...», так и в описание прелестей Завадовской, которой не грех было позавидовать. Екатерина Николаевна, конечно, не могла знать, что, прочитав это стихотворение, Денис Давыдов написал Вяземскому: «Да перестанешь ли ты писать бабам конфетные билетцы!.. Пиши страстные стихи к Завадовской... но черт ли в этих комплиментах большого света»³⁸. С князем Вяземским барышни Гончаровы сидели за одним столом на свадьбе Пушкиных. Может быть, он тогда к Катрин «подсел и душу ей занять успел», и она мечтает о новых встречах в доме Вяземских и их родни Карамзиных в Петербурге.

* * *

Тем временем пока старшая свояченица летом 1833 года продолжала заниматься переписыванием русской поэзии, Пушкин с дачи на Черной речке отправился в Казанскую и Оренбургскую губернии через Москву. 27 августа, поздравляя жену с днем рожденья, он отметил в письме: «Важная новость: французские вывески, уничтоженные Растопчиным в год, когда ты родилась, появились опять на Кузнецком мосту» (10, 441). Хотя в течение всего царствования Николая I, а особенно после июля 1830 года, когда во Франции произошла очередная революция и французов, «пораженных революционной заразой»³⁹, впускали в пределы Российской империи весьма неохотно, все же люди самых разных профессий – инженеры, востоковеды, актеры, гувернантки, театральные машинисты, зубные врачи – до России

³⁸ Письмо Дениса Давыдова к П.А. Вяземскому / публ. Е.В. Свиясова // Русская литература. 1980. № 2. С. 158.

³⁹ См.: *Мильчина В.* Французы в России при Николае I: «вредные» и «полезные» // Отечественные записки. 2014. № 4. URL: <https://magazines.gorky.media/oz/2014/4/franczuzy-v-rossii-pri-nikolae-i-vrednye-i-poleznye.html>

добирались. Они пополняли собой как изрядно поредевший к тому времени круг эмигрантов времен Великой французской революции, пустивших, однако, корни на русской почве, так и небольшое количество бывших участников наполеоновского похода, которые не захотели вернуться на родину после поражения. Работали в театрах, держали рестораны, врачевали, обучали французскому языку и манерам. Две француженки последовали в Сибирь за своими избранниками-декабристами, осужденными в каторжные работы: Полина Гебль (из модисток) за Иваном Анненковым и Камилла Ле Дантю (из гувернанток) за Василием Ивашевым.

Репутация законодателей мод и вкуса за французами полностью сохранялась, а у заезжих иностранцев зачастую создавалось впечатление, не всегда, правда, соответствующее реальности, что на французском языке говорили все (офицеры, чиновники, литераторы, помещики, женщины) и везде (в таможне, на улице, в учреждении, в магазине).

Буквально через 10 дней после пушкинского замечания о вывесках, 8 сентября 1833 года, «издалека, / Подобный сотням беглецов, / На ловлю счастья и чинов» в Россию прибыл Жорж Шарль д'Антес (Georges Charles d'Anthès). Ярый легитимист, которым он объявил себя, хоть и являлся уроженцем Эльзаса, был некоторым образом и «французиком из Бордо» — именно этот город в период Реставрации Бурбонов (1814—1830) являлся оплотом сторонников монархии.

Прервав учебу после революции 1830 года в расположенной под Парижем Сен-Сирской военной школе⁴⁰, он поступил на военную службу в Пруссии, но не преуспел. И вот, по совету принца Вильгельма Прусского, шурина Николая I, он отправляется «в Россию к варварам» не «со страхом и слезами», а с рекомендательным письмом от принца, адресованным директору Канцелярии военного министерства генерал-лейтенанту В.Ф. Адлербергу. В отличие от других соотечественников, преодолевавших линии заслонов сначала на уровне русских миссий за границей с бесконечными проволочками с паспортами и визой, а затем мучительные процедуры допроса и досмотра во время пограничного и таможенного контроля, Дантес был принят куда более благожелательно: «Приехал — и нашел, что ласкам нет конца». Для него подобрали профессоров, подготовивших его к офицерскому экзамену, и, слав необходимые предметы⁴¹, он посту-

⁴⁰ «19 ноября 1829 г. поступил в С.-Сирскую школу, но пробыл в ней менее года (до 30 Августа 1830 г.)». СБК, указ.соч. [Т. 4]: 1826—1908. 1908. С. 75.

URL: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01003966998#?page=90>.

⁴¹ «...он был допущен 27 Янв. 1834 г. прямо к офицерскому экзамену при Военной академии по программе Юнкерской школы, с освобождением от испытания в русской словесности, уставе и военном судопроизводстве». Там же. С. 76.

пил в гвардию. Случай свел его с посланником нидерландского двора в Петербурге, бароном Луи Геккерном, который, полюбив красавца француза, всячески ему покровительствовал. Невзирая на разного рода толки в светском обществе об их отношениях, эта, более чем отеческая, опека весьма поддерживала молодого офицера.

Не прошло и полугода, как уже 8 февраля 1834 года высочайшим приказом он зачислен корнетом в Кавалергардский полк, шефом которого являлась императрица Александра Федоровна. Таким образом, он, наряду с другими кавалергардами, был ее частым компаньоном в прогулках и катаниях на санях, вхож в великосветские дома, где она бывала. В частности, 28 февраля ее величество сама записала в свой дневник, что у Фикельмонов — австрийского посланника и его жены Долли — она «переделалась в белое с лилиями, очень красиво... мои лилии цвели недолго, Дантес долго смотрел»⁴². Через пару дней, 1 марта, ею заносится в дневник краткая запись о бале-маскараде, где она со своими близкими подругами Софьей Бобринской и Катрин Тизенгаузен «немного интриговали»⁴³, то есть скрывали свои лица за масками. Это дало повод молодому дерзкому корнету обратиться хоть и к замаскированной, но легко узнаваемой императрице весьма фамильярно: «bon j<our> m<a> gentille»⁴⁴, — однако для такого рода увеселения вполне традиционно, что отмечено баронессой Штраль из лермонтовского «Маскарада»:

Как женщине порядочной решиться
Отправиться туда, где всякий сброд,
Где всякий ветреник обидит, осмеет.

Балы в текущем 1834 году в Петербурге шли до 4 марта — дня конца масленицы и на самом последнем из них, во дворце, беременной в третий раз Наталье Николаевне вдруг сделалось дурно. Муж поспешно увозит ее домой «и она, — описывает дальше Пушкин событие в письме Нащокину от середины марта — приехав домой, — выкидывает. Теперь она (чтоб не сглазить), слава богу, здорова и едет на днях в калужскую деревню к сестрам, которые ужасно страдают от капризов моей тещи» (10, 466—467).

В Полотняном Заводе сестры загодя начали готовиться к приему младшей сестры-спасительницы, атакуя брата такими естественными

URL: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01003966998#?page=91>.

⁴² *Герштейн Э. Г.* Вокруг гибели Пушкина: по новым материалам // Новый мир. 1962. № 2. С. 212. В дальнейшем: *Герштейн Э.* Указ. соч.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Здравствуй, моя милая (фр.). Там же.

в их положении просьбами: «так как мы ждем мадам Пушкину, нам не хочется показаться в ее глазах совсем уж бедными; поэтому вот в чем состоит <...> просьба. Наши верховые платья в очень плохом состоянии; если бы ты был так любезен купить нам тонкого сукна, это было бы очень мило с твоей стороны. Ты только дай денег Авдотье, она купит недорого, надо, вероятно, рублей 80; она бы их нам и сшила в Москве по моде. Пожалуйста, не откажи, уж наши юбки так измыты, что насилу держутся. Что касается путешествия в Петербург, видно, ничего не выходит, делать нечего, хоть этим утешь»⁴⁵.

Как только Пушкин получил известие, что долгожданная встреча сестер состоялась, он снова, теперь уже в письмах, умоляет жену беречь себя, быть осторожной, не таскаться в Калугу. Но она все-таки сопровождает сестер в этот, по словам Пушкина, «скверный уездный городишко, чтоб видеть скверных актеров, скверно играющих старую, скверную оперу». «Что за охота, — недоумевает он, — останавливаться в трактире, ходить в гости к купеческим дочерям, смотреть с чернию губернский фейворок, когда в Петербурге ты никогда и не думаешь посмотреть на Каратыгиных и никаким фейвороком тебя в карету не заманишь. Просил я тебя по Калугам не разъезжать, да, видно, уж у тебя такая натура. О твоих кокетственных сношениях с соседом говорить мне нечего. Кокетничать я сам тебе позволил — но читать о том лист кругом подробного описания вовсе мне не нужно» (10, 508–509). Летом 1834 года Натали, хоть уже и матери двоих детей, всего 22 года. В течение нескольких последних лет все только и твердят о ее красоте, предъявлять которую и вызывать ею восхищение сделалось для нее столь привычным, сколь необходимым. Ей было мало отражаться в одном-единственном зеркальце, которое ей неустанно твердило:

Ты, конечно, спору нет;
Ты, царица, всех милее,
Всех румяней и белее.

Недостаточно божественных строк, обращенных к ней:

...Творец
Тебя мне ниспослал, тебя, моя Мадонна,
Чистейшей прелести чистейший образец.

⁴⁵ Вокруг Пушкина. Указ. соч. С. 254–255.

Эта была Мадонна в славе и принимала поклонение всех царей и всех пастухов без разбору, хоть многоопытный муж не раз предупреждал: «не знаешь, на кого нападешь» (10, 454). Ей даже казалось при ее всеильной красоте вполне возможным — о чем пишет она мужу довольно простодушно — «выдать Катерину Николаевну за Хлюстина, а Александру Николаевну за Убри» (10, 494). На манер того, как сотворяла свои чудеса царевна-лебедь: «воду с шумом расплескала» — и — сестры замужем, стали жить-поживать и добра наживать. «Ничему не бывать, — урезонивает и вновь воспекает красоту жены Пушкин, — оба влюбятся в тебя; ты мешаешь сестрам, потому надобно быть твоим мужем, чтоб ухаживать за другими в твоём присутствии, моя красавица» (там же).

Однако сестры, которым надеяться абсолютно не на кого, верят в чудотворную силу сестры-красавицы, с которой сговариваются действовать сообща.

Пушкин в Петербурге в это время живет на холостую ногу и иногда обедает в ресторане у Дюме. Там, однажды оказавшись за одним столом, он знакомится с Дантесом. Прозванный еще лицейскими товарищами «французом», крепчайшими узами с раннего детства связанный с культурой Франции, Пушкин очень интересовался представителями этой страны. Круг его интересов здесь, как и во всем остальном, невероятно широк — от бесед на темы политики и литературы в светских гостиных с представителями посольств и учеными людьми до жизни простых французов на просторах Российской империи. Многие из них оживляют страницы его творений: тут и «Monsieur l'Abbe, француз убогой», и «истинный француз» мосье Трике, и слуга-француз графа Нулина Ricard, и мамзель Мими, гувернантка Маши Троекуровой, и тот француз-гувернер, с которым Дубровский на почтовой станции совершает свою сделку, и «молоденькая, быстроглазая мамзель» в «Пиковой даме», которая принесла записочку из модной лавки Лизавете Ивановне, и разные другие.

О современной жизни во Франции «невъездной» Пушкин узнавал от своих близких друзей, которые там регулярно бывали, прежде всего от А.И. Тургенева и С.А. Соболевского. От них же, как и от Е.М. Хитрово, он получал книги и журналы. Однако и сам, несмотря на все возрастающие долги, не мог отказывать себе в их покупке. В конце мая 1834 года он пишет жене в Завод среди прочего, что «книги из Парижа приехали, и моя библиотека растет и теснится» (10, 485).

Возможно, среди полученного на сей раз мог прибыть номер 53 *Revue de Paris* (25 août 1833) с двумя отрывками из новой вещи Ме-

риме *La double méprise*⁴⁶ или даже уже отдельно вышедшее издание⁴⁷ этой повести в сентябре 1833 года у парижского издателя Ипполита Фурнье (*Hippolyte Fournier*).

Известно, что Пушкин не жаловал современную ему французскую литературу: «хочется мне уничтожить, показать всю отвратительную подлость нынешней французской литературы. <...> Я в душе уверен, что 19-й век, в сравнении с 18-м, в грязи (разумею во Франции). Проза едва-едва выкупает гадость того, что зовут они поэзией» (10, 416). Но, подобно своему Онегину, «однако ж несколько творений / Он из опалы исключил». Подготовив и издав в 1835 году «Песни западных славян», источником которых послужила литературная мистификация Проспера Мериме⁴⁸, Пушкин дает высокую оценку их автору: «острый и оригинальный писатель, автор Театра Клары Газюль, Хроники времен Карла IX, Двойной Ошибки и других произведений, чрезвычайно замечательных» (3, 284). «Двойная ошибка», в отличие от первых двух поименованных Пушкиным произведений, была написана Мериме на исключительно современном материале. Выбор в качестве героев представителей столичной среды, экономно-сжатый стиль повествования и многое другое роднит новеллу Мериме с пушкинской «Пиковой дамой», писавшейся в то же время и увидевшей свет в мартовском номере смирдинской «Библиотеки для чтения» 1834 года.

В объемном томе произведений Проспера Мериме⁴⁹ в уважаемой серии «Библиотека Пяеды» издатели дают «Двойной ошибке» об-

⁴⁶ «Двойная ошибка» (франц.).

⁴⁷ *La Double méprise* / par l'auteur du Théâtre de Clara Gazul. — [Paris]: H. Fournier, 1833.

Ни в одно из 4-х изданий (1сборник из 8 рассказов и 3 изд. отд. произведений) П. Мериме, представленных в списке книг Библиотеки А. С. Пушкина, «Двойная ошибка» не вошла.

БП, указ. соч. С. 286. URL: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01003770320#?page=328>.

Так же не удалось обнаружить это произведение ни среди перечисленных книг в исследовании Б.Л. Модзалевского «Архив опеки над детьми и имуществом Пушкина в Музее А.А. Бахрушина», 1910, ни в исследовании Л.Б. Модзалевского «Библиотека Пушкина: новые материалы», 1934.

Коды доступа:

<http://feb-web.ru/feb/pushkin/serial/psd/psd2090-.htm>;

<http://feb-web.ru/feb/litnas/texts/116/lit-985-.htm>.

⁴⁸ *La Guzla : ou choix de Poésies Illyriques, recueillies dans la Dalmatie, la Bosnie, la Croatie et l'Herzégowine.* — Paris : chez F. G. Levrault, 1827.

Именно это издание, согласно описанию Б.Л. Модзалевского, находилось в библиотеке А. С. Пушкина. БП, указ. соч. С. 286.

URL: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01003770320#?page=328>.

⁴⁹ *Théâtre de Clara Gazul; Romans et nouvelles / Mérimée; édition établie, présentée et annotée par Jean Mallion et Pierre Salomon.* — [Paris]: Gallimard, 1978. (Bibliothèque de la Pléiade ; 21.)

ширный комментарий. Они сообщают, в частности, что канвой для рассказа послужил эпизод из жизненного опыта автора. Героиня повести — молодая, красивая, знатная и богатая дама, которая только и могла бы в своей жизни рассчитывать на любовь и счастье, терпит фиаско дважды. Сначала она глубоко разочаровывается в муже, с этого и начинается повесть: «Жюли де Шаверни была замужем около шести лет, и вот уж пять с половиной лет, как она поняла, что ей не только невозможно любить своего мужа, но даже трудно питать к нему хотя бы некоторое уважение»⁵⁰. Пытаясь найти спасение от скуки и презрения к мужу в истинной, как ей показалось, любви вновь появившегося в свете дипломата Дарси — поклонника ее юных лет, она ошибается вторично. Изнемогая от стыда, чувствуя себя глубоко опозоренной тем, что ее порыв в поисках настоящей любви и уступка в интимной близости восприняты как начало заурядной пошлой связи, ужасаясь, что ее позор станет достоянием света, она после кошмара бессонной ночи стремительно собирается и уезжает из Парижа. Вследствие тяжелого душевного потрясения и необдуманно-лихорадочных действий она заболевает и умирает в номере плохонькой придорожной гостиницы.

Действие происходит в Париже, на светскую жизнь которого полностью ориентировался петербургский свет. Автор, оставляя в повествовании лишь упоминания о кишаших молодыми людьми бульварах, об охоте на лоне природы, о холостых пирушках военной молодежи, о дуэльных историях, последовательно вводит читателей в богатые особняки как в престижном парижском квартале, так и в загородную резиденцию; на премьеру оперы в театр, посещение которого занимало одно из первых мест в светской жизни; в довольно простую комнату старого служаки (все еще) майора Перена, где его посещает молодой друг (уже) майор де Шатофор — сослуживец мужа Жюли (до отставки последнего) и нынешний ее усердный обожатель.

Этот литературный герой, списанный с натуры ироничным пером Мериме, является если не двойником, то верной копией Жоржа Шарля Дантеса. Разница только в том, что второй, покинув Париж, вступил в российскую гвардию, влюбился в замужнюю даму и всеми силами пытается склонить ее к супружеской измене, а первый именно в Париже разворачивает свои большие маневры того же рода⁵¹.

⁵⁰ Здесь и далее перевод М. Кузмина. *Мериме П.* Собр. соч.: в 6 т. Т. 2. М.: Правда, 1963. (Библиотека «Огонек».)

⁵¹ Сравнению искусства обольщения светской дамы с ведением военных действий уделяется значительное место в эпистолярном романе французского писателя и профессионального военного Шодерло де Лакло (1741—1803) «Опасные связи»: «... я ни в чем не отступил от истинных правил ведения этой войны, столь схожей, как мы часто замечали, с настоящей войной. <...> Я заставил принять

Жюли к поклонению Шатофора относится столь благосклонно, сколь прохладно, «так как никого не любила, а муж предоставлял ей полную свободу. Ее кокетство... было совершенно инстинктивным, как кокетство ребенка. Оно отлично уживалось с пренебрежительной сдержанностью, совсем непохожей на чопорность. Притом она умела быть любезной со всеми, и со всеми одинаково. В ее поведении невозможно было найти ни малейшего повода для злословия». Именно такого рода поведение Пушкин хоть шутливо, но настойчиво проповедовал своей жене: «Да, ангел мой, пожалуйста, не кокетничай... Если при моем возвращении я найду, что твой милый, простой, аристократический тон изменился, разведись, вот те Христос, и пойду в солдаты с горя» (10, 454).

Несомненно, что чтение начала 5-й главы «Двойной ошибки» не могло болезненно не отозваться в душе Пушкина, глубоко уязвленного пожалованием его в камер-юнкеры 31 декабря 1833 года. То, что Пушкину было тягостно и оскорбительно, мужу Жюли было заманчиво и желанно: «Прежде всего, — говорил он друзьям, — я очень много трачу на ложи для женщин. Получив придворную должность, я буду иметь в своем распоряжении сколько угодно даровых лож. А известно, что с помощью лож можно достигнуть чего угодно! Затем, я очень люблю охотиться, и к моим услугам будут королевские охоты. Наконец, теперь, когда я не ношу мундира, я решительно не знаю, как одеваться на придворные балы; одеваться маркизом я не люблю, а камер-юнкерский мундир отлично мне пойдет. Итак, он начал хлопотать».

Пушкин летом 1834 года решил подать в отставку. Чем обернулись его действия, он сообщает жене уже постфактум в письме от 14 июля: «Надобно тебе поговорить о моем горе. На днях хандра меня взяла; подал я в отставку. Но получил от Жуковского такой нагоняй, а от Бенкендорфа такой сухой абшид, что я вструхнул, и Христом и богом

бой врага, стремившегося лишь выиграть время. Благодаря искусным маневрам я добился того, что сам выбрал поле битвы и занял удобные позиции, я сумел усыпить бдительность противника, чтобы легче добраться до его укрытия» и т.д. («Письмо 125. От виконта де Вальмона к маркизе де Мертей»).

В предисловии к роману автор, в частности, так объяснял задачу своего произведения: «на мой взгляд, разоблачить способы, которыми бесчестные люди портят порядочных, значит оказать услугу добрым нравам». Поскольку дурные традиции устойчивы, а нравы в лучшую сторону меняются крайне медленно, то роман, (имевший шумный успех и выдержавший во Франции с 1782 по 1823 год около десяти авторизованных и несколько десятков «пиратских» изданий), отразивший жизнь аристократического общества конца XVIII века продолжал сохранять свою актуальность и в первой половине XIX века как на родине, так и в России, где был известен. Поэтому и ниже в сносках будут приводиться для сравнения соответствующие ситуации цитаты из этого произведения (в рус. пер. Н.Я. Рыковой) с указанием: Ср.: ... «О.С.», номер письма, имя отправителя и адресата.

URL: https://librebook.me/dangerous_liaison/vol1/1?mtr=1

прошу, чтоб мне отставку не давали. А ты и рада, не так?» (10, 504). Конечно, жена рада, тем более что именно сейчас к открытию нового сезона она не только сама будет вновь «блистать и развлекаться» в Петербурге, но собирается представить обществу сестер.

Решение об их переезде все более претворяется в неизбежную для Пушкина реальность и он, сочувствуя им, соглашается: «теперь поговорим о деле, — пишет он жене в письме, — если ты в самом деле вздумала сестер своих сюда привезти, то у Оливье оставаться нам невозможно: места нет. Но обеих ли ты сестер к себе берешь? эй, женка! смотри... Мое мнение: семья должна быть *одна под одной кровлей*: муж, жена, дети — покамест малы; родители, когда уже престарелы. А то хлопот не наберешься и семейственного спокойствия не будет» (подчеркнуто Пушкиным) (10, 505).

В дом Баташева на Дворцовой набережной у Прачечного моста он перебрался 4 августа. В эту квартиру приехали осенью три сестры, совершив свое путешествие из Москвы в Петербург. Но до этого они еще свиделись с Пушкиным в Заводах, куда он прибыл во второй половине августа на день рождения жены. Окончательно сговорившись о переезде сестер в Петербург, в первых числах сентября Пушкины и Гончаровы выехали из Полотняного Завода в Москву. Распрошавшись там с Пушкиным, направляющимся в Болдино, сестры перед длинной дорогой в Северную столицу ненадолго в Москве задержались. Пока Натали с дочкой Машей ездил к маменьке в Ярополец, две старшие сестры, на попечении которых оставался маленький Саша, их поджидали в московском доме. Они решили на всякий случай к матери визит не наносить и хранить от нее свое решение в тайне — как бы все в один миг не расстроилось. Наконец, все в сборе, и в сопровождении брата Дмитрия Николаевича тронулись в путь.

* * *

Пушкина в день их приезда дома не было, после своей нижегородской деревни, Москвы, тешиного Яропольца он прибыл в Петербург только 15 октября. За это время сестры начали осваиваться: «Мы были — пишет Катрин брату — два раза в французском театре и один раз в немецком, на вечере у Натальи Кирилловны <Загряжской>, где мы ужасно скучали, и на рауте у графини Фикельмон, где нас представили некоторым особам из общества, а несколько молодых людей просили быть представленными нам, следственно, мы надеемся, что это будут кавалеры для первого бала. Мы делаем множество визитов, что нас не очень-то забавляет, а на нас смотрят, как на белых медведей — что это за сестры мадам Пушкиной, так как именно так

графиня Фикельмон представила нас на своем рауте некоторым дамам. ...Тетушка очень добра к нам и уже подарила каждой из нас по два вечерних платья и еще нам подарит два; она говорит, что определила известную сумму для нас»⁵².

Петербургский климат поздней осенью тяжело сказывается на здоровье. Пришлось Александрине, как пишет она Дмитрию 28 ноября, «пролежать 4 или 5 дней в постели и пропустить один бал и два спектакля, а это тоже не безделица»⁵³. Надо торопиться наверстывать упущенное время и поспевать на все балы и спектакли. Но первые слезы счастья, в которых признается Саша брату Дмитрию, не от этих увеселений: «я не могу не быть благодарной за то, как за мной ухаживали сестры, и за заботы Пушкина. Мне, право, было совестно, я даже плакала от счастья, видя такое участие ко мне; я тем более оценила его, что не привыкла к этому дома»⁵⁴.

Катрин, которой 6 декабря благодаря хлопотам тетушки был пожалован фрейлинский шифр, тоже старается казаться брату счастливой и благодарной: «Мы уже были на нескольких балах, и я признаюсь тебе, что Петербург начинает мне ужасно нравиться, я так счастлива, так спокойна, никогда я и не мечтала о таком счастье, поэтому я, право, не знаю, как я смогу когда-нибудь отблагодарить Ташу и ее мужа за все, что они делают для нас, один Бог может их вознаградить за хорошее отношение к нам»⁵⁵.

Оглядываясь на то время, Катрин спустя год отметит: «Нет ничего ужаснее, чем первая зима в Петербурге»⁵⁶, противореча своим собственным ощущениям и словам годовой давности. Вот уже в течение 7 или 8 последних лет, с тех пор, как она сама была семнадцатилетней, каждый год на балы прикатывала новая волна барышень, достигших возраста первого бала. В зависимости от их красоты и богатства, они привлекали внимание, вызывали восхищение, внушали надежды, принимали предложения руки и сердца. Словам поэта: «Лишь юности и красоты / Поклонником быть должен гений» следовал не только гений — остальные от него недалеко ушли.

Красивая дочка «рисовальщика» Федора Петровича Толстого, увековеченного Пушкиным в «Онегине», Мария Федоровна Каменская⁵⁷, которую из-за траура по матери только в 19 лет на ее первый бал в дворянское собрание осенью 1836 года повезла одна тетушек,

⁵² Вокруг Пушкина, указ. соч. С. 258–259.

⁵³ Там же. С. 260.

⁵⁴ Там же. С. 260.

⁵⁵ Там же. С. 264.

⁵⁶ Там же. С. 296.

⁵⁷ Отметим попутно, что М. Ф. Каменская (1817–1898) приходилась троюродной сестрой Л. Н. Толстому, автору романа «Война и мир», несколько страниц которого

навсегда запомнила это событие: «Отец мой взял на себя все траты по этому выезду; тетка Надя как барыня в душе и женщина со вкусом распорядилась щедро моим туалетом, сделала мне платье из тюль-иллюзион на белом атласном чехле с букетами бело-розовых яблочных цветов, — просто, молодо и мило. <...> ...еще на Невском, у подъезда собрания, я распахнула шубу на груди, меня обхватило морозом, и я ожила. А потом (сказать ли правду?) меня подбодрило очень еще и то, что, когда мы шли по направлению к главной большой зале, кругом меня ясно слышалось: «Толстая идет, Толстая идет!» Как уж угодно, хотя я не занималась собой, а все-таки эта овация не могла не быть мне приятна. И мне стало необыкновенно хорошо и весело»⁵⁸.

Засидевшейся же провинциалке Екатерине Гончаровой наступали на ноги, самые гордые дамы едва отвечали на ее поклон. «В конце прошлого года, — пишет Пушкин в начале 1835 года в своем дневнике о проявлении крайнего неуважения к новой фрейлине, — свояченица моя ездила в моей карете поздравлять В.К.⁵⁹ Ее лакей повздорил со швейцаром. Комендант Мартынов посадил его на обахту, и К.Н.⁶⁰ принуждена была без шубы ждать 4 часа на подъезде» (8, 62). Графиня Пален отказалась в назначенный день принять Екатерину Гончарову в компанию из других дам, идущих вместе с ней в Эрмитаж, сославшись на нездоровье своего ребенка. Пришлось Кате кланяться и проситься в сопровождающие к другой, более благожелательной, даме, согласившейся взять ее с собой. Заметив в Эрмитаже отказавшуюся от нее графиню с ее подругами, пришлось проглотить очередную обиду.

Хоть Катя с Сашей приходились родными сестрами мадам Пушкиной и свояченицами ее мужа, но при всей доброте ближайших родственников, принявших сестер в свою семью, их жизнь мало чем отличалась от положения бедной воспитанницы знатной старухи, героини повести «Пиковая дама» Лизаветы Ивановны: «В свете играла она самую жалкую роль. Все ее знали, и никто не замечал; на балах она танцевала только тогда, как недоставало *vis-à-vis* и дамы брали ее под руку всякий раз, как им нужно было идти в уборную поправить что-нибудь в своем наряде. Она была самолюбива, живо чувствовала свое положение и глядела кругом себя, — с нетерпением ожидая избавителя; но молодые люди, расчетливые в ветреном своем тщеславии, не удостоивали ее внимания...» (6, 328—329). Как Лизавете Ивановне было «назначено жалованье, которое никогда не доплачивали» (там

посвящены первому балу Наташи Ростовской, и одновременно двоюродной сестрой А.К. Толстому— автору стихотворения «Средь шумного бала, случайно...».

⁵⁸ *Каменская М.* Воспоминания. М.: Худ. лит., 1991. С. 245. В дальнейшем: *Каменская*, указ.соч.

⁵⁹ Великую княгиню Елену Павловну.

⁶⁰ Катерина Николаевна.

же), так и им брат положил жалованье и никогда не присылал огоренную сумму вовремя. Таким образом, невольно, не имея возможности вовремя внести свой пай в оплату стола и дорогостоящей квартиры, нанятой Пушкиным с учетом их приезда и размещения, сестры увеличивали его собственные долги.

Вряд ли они плакали, как Лизавета Ивановна «в бедной своей комнате» (там же), все же они были не так одиноки. Никого приглашать и принимать у себя они, конечно, не имели ни малейшей возможности. Вдруг объявившаяся в Петербурге Анастасия Сиркур — их давняя добрая знакомая — «прислала, — пишет Саша, — очень любезную записочку Кате, спрашивая, в котором часу она может нас застать дома»⁶¹. Сестрам явно не по себе: «Мы хотели ее предупредить и спросить, не может ли она нас принять у себя, но слуга не застал ее дома, и она приехала вчера после обеда и пригласила нас к себе на сегодня, мы обязательно поедem»⁶². Как предугадывал Пушкин, с выдачей Катрин замуж за брата Анастасии Семена Хлюстина у Натали ничего не вышло. Он, держась с калужскими соседками-бесприданницами сдержанно и на расстоянии, предпочел сам выбрать себе невесту, о чем сообщает брату Катрин 14 июля 1836 года: «Да, кстати, вот и Хлюстин наконец женился, видно, он счастливее тебя. Но кто такая девушка, на которой он женился... эта особа богата или, может быть случайно, это брак по любви?»⁶³ Уж в который раз какая-то «особа» — несомненно моложе и богаче Екатерины, за которой ничего не дают, обходит ее, и остается лишь иронизировать о редком во все времена браке по любви.

Но сестра Хлюстина Анастасия, изредка навеваясь в Петербург, к сестрам по-прежнему относится дружески. Все последнее время она живет с мужем за границей, и Саша отмечает между прочим, что «она совершенно усвоила французскую манеру держать себя, очень живая, и, однако, очень мила»⁶⁴.

В наступившем 1835 году идут своим чередом балы, театральные и музыкальные вечера, рауты, на которых в основном «всех в гостиной занимает / Такой бессвязный, пошлый вздор». Альбомы со стихами — голубой и красный — лежат на дне какой-нибудь корзины в кладовке — явно не до стихов. В середине мая появился на свет очередной племянник — Григорий Пушкин. В июне начались сборы на дачу, где сестры наконец могут блеснуть умением держаться в седле и посему в письмах умоляют о доставке им лошадей из Завода.

⁶¹ Вокруг Пушкина, указ. соч. С. 277.

⁶² Там же.

⁶³ Там же. С. 309.

⁶⁴ Там же. С. 277.

В середине лета Катрин пишет брату письмо, по которому можно судить, во-первых, о ее времяпрепровождении, а во-вторых, об ее грустном и одновременно спасительном умении иронизировать над самой собой: «Ты уже знаешь, что мы живем это лето на Черной речке, где мы очень приятно проводим время, и, конечно, не теперь ты стал бы хвалить меня за мои способности к рукоделию, потому что буквально я и не вспомню, сколько месяцев я не держала иголки в руках. Правда, зато я читаю все книги, какие только могу достать, а если ты меня спросишь, что же я делаю, когда мне нечего делать, я тебе прямо скажу, не краснея (так как я дошла до самой бесстыдной лени) – ничего, решительно ничего. Я прогуливаюсь по саду или сижу на балконе и смотрю на прохожих. Хорошо это, как ты скажешь? Что касается до меня, я нахожу это чрезвычайно удобным. У меня множество женихов, каждый Божий день мне делают предложения, но я еще так молода, что решительно не вижу необходимости торопиться, я могу еще повременить, не правда ли? В мои годы это рискованно выходить такой молодой замуж, у меня еще будет для этого время и через десять лет. У нас теперь каждую неделю балы на водах в Новой деревне. Это очень красиво. В первый раз мне там было очень весело, так как я ни на одну минуту не покидала площадку для танцев, но вчера я прокляла все балы на свете и все, что с этим связано: за весь вечер я не сделала ни шагу, словом, это был один из тех несчастных дней, когда клянешься себе никогда не приходить на бал из-за скуки, которую там испытала»⁶⁵.

Итак, не только день на день, но и бал на бал не приходится. Никакой спасительный берег с семейной гаванью не вырисовывается на горизонте. И Сашенька в эти июльские дни, узнав из письма брата о выкидыше у любимой лошади Кати, тоже иронизирует над собой: «как жаль, что бедная Любка так мучилась; одна моя Ласточка умна, зато прошу ее беречь, не то, избави Боже, никаких свадеб, пусть она следует примеру своей хозяйки; а что – пора, пора, и пора прошла, и того гляди поседеешь»⁶⁶.

Лошади прибыли, и Саша отчитывается брату в августе: «Ездили мы несколько раз верхом. Между прочим, у нас была очень веселая верховая прогулка большой компанией. Мы были на Лахте, которая находится на берегу моря, в нескольких верстах отсюда. Дам нас было – только трое и еще Соловая, урожденная Гагарина, одна из тех, кого ты обожаешь, мне кажется, и двенадцать кавалеров, большею частью кавалергарды. Там у нас был большой обед; были все музы-

⁶⁵ Вокруг Пушкина, указ. соч. С. 281–282.

⁶⁶ Там же. С. 281–282.

канты полка, так что вечером танцевали, и было весьма весело»⁶⁷. Но это последние балы: «мы уже были на трех очаровательных балах, и я думаю, это будет закрытие сезона, поскольку двор уже уехал»⁶⁸.

Снова сборы и переезд с дачи в осенний Петербург. Снова перепады в настроении, особенно у Саши. Временами ей кажется, что все, хоть и с оговорками, не так уж плохо: «Мы очень приятно проводим время то у Карамзиных, то у Вяземских, дня не проходит, чтобы мы туда не ходили. И общество действительно очаровательное; одна беда: множество мужчин, но все юноши, нет подходящей партии, и выходит, что из пустого в порожнее переливаем, больше ничего»⁶⁹. Но в другое время тоска одолевает немилосердно, и она со всей откровенностью жалуется: «...Так грустно иногда приходится, что мочи нет; не знаю, куда бы бежала с горя. Только не на Завод. Кстати, что это у тебя за причуды, что ты хочешь нас туда вернуть? Не с ума ли сошел, любезный братец; надо будет справиться о твоём здоровье, потому что и о семье надо подумать: не просить ли опекуна? А знаешь ли, я не удивлюсь, если однажды потеряю рассудок. Ты себе не представляешь, как я переменялась, раздражительна, характер непереносимый, мне совестно окружающих людей. Бывают дни, когда я могу не произносить ни слова, и тогда я счастлива; надо, чтобы никто меня не трогал, не разговаривал со мною, не смотрел на меня, и я довольна. Полно говорить вздор!»⁷⁰

Осень 1835 года во многом повторяет предыдущую — младшая сестра снова беременна и снова должна родить в мае грядущего 1836 года, у Пушкиных долгов пуше прежнего, и Катрин искренне им сочувствует: «Пушкин две недели тому назад вернулся из своего псковского поместья, куда ездил работать и откуда приехал раньше, чем предполагал, потому что он рассчитывал пробыть там три месяца; это очень устроило бы их дела, тогда как теперь он ничего не сделал, и эта зима будет для них нелегкой. Право, стыдно, что мать ничего не хочет для них сделать, это непростительная беззаботность, тем более, что Таша ей недавно об этом писала, а она ограничилась тем, что дала советы, которые ни гроша не стоят и не имеют никакого смысла»⁷¹. Пушкин возвратился из Михайловского, по его собственным словам, в «печальном положении» (10, 553; пер. с франц. 10, 860), огорченный вдобавок тем, что «Натали стала мишенью для ненависти света. Повсюду говорят: это ужасно, что она так наряжается, в то

⁶⁷ Вокруг Пушкина, указ. соч. С. 287.

⁶⁸ Там же. С. 288.

⁶⁹ Там же. С. 294.

⁷⁰ Там же. С. 292–293.

⁷¹ Там же. С. 296.

время как ее свекру и свекрови есть нечего и ее свекровь умирает у чужих людей... Во всяком случае Натали тут ни при чем, и отвечать за нее должен я. Если бы мать моя решила поселиться у нас, Натали, разумеется, ее бы приняла. Но холодный дом, полный детворы и набитый гостями, едва ли годится для больной» (10, 553–554; пер. с франц. 860–861).

Таким образом, Пушкин причислял сестер к гостям, а красота и наряды Натали вызывали в свете не только восторг, но и злословие.

Катрин чувствует себя намного уверенней, нежели в прошлом году: «Теперь, — сообщает она брату, — когда нас знают, нас приглашают танцевать; это ужасно, ни минуты отдыха, мы возвращаемся с бала в дырявых туфлях, чего в прошлом году совсем не бывало... Теперь, когда мы уже заняли свое место, никто не осмеливается наступать нам на ноги, а самые гордые дамы, которые в прошлом году едва отвечали нам на поклон, теперь здороваются с нами первые, что также влияет на наших кавалеров. Лишь бы все шло как сейчас, и мы будем довольны, потому что годы испытания здесь длятся не одну зиму, а мы уже сейчас чувствуем себя совершенно свободно в самом начале второй зимы, слава Богу, и я тебе признаюсь, что, если мне случается увидеть во сне, что я уезжаю из Петербурга, я просыпаюсь вся в слезах и чувствую себя такой счастливой, видя, что это только сон»⁷².

Наступил декабрь, в первый день этого месяца Александра Николаевна отмечает: «Жизнь наша идет своим чередом. Мы довольно часто танцуем, катаемся верхом у Бистрома каждую среду, а послезавтра у нас будет большая карусель: молодые люди самые модные и молодые особы самые красивые и самые очаровательные. Хочешь знать кто это? Я тебе их назову. Начнем с дам, это вежливее. Прежде всего, твои две прекрасные сестрицы или две сестрицы-красавицы, потому что третья... кое-как ковыляет; затем Мари Вяземская и Софи Карамзина; кавалеры: Валуев — примерный молодой человек, Дантес — кавалергард, А. Голицын — артиллерист, А. Карамзин — артиллерист; это будет просто красота. Не подумай, что я из-за этого очень счастлива, я смеюсь сквозь слезы. Правда»⁷³. И жизнь Дантеса с его товарищами, о которой он отдает отчет в письме к старшему другу того же времени, идет в том же ритме: «ночью танцы, поутру манеж, а после полудня сон»⁷⁴ и в том же окружении.

⁷² Вокруг Пушкина, указ. соч. С. 296–297.

⁷³ Там же. С. 299.

⁷⁴ *Прожогин Н. П.* Письма Дантеса: история дуэли в интерпретации итальянской исследовательницы // Московский пушкинист: ежегод. сб. / Рос. АН. ИМЛИ им. А. М. Горького. Пушкин. комис. — М.: Наследие, 1995—... Вып. IV. 1997. С. 304. В дальнейшем: *Прожогин*, указ. соч.

Через три дня после письма Александрины Екатерина Николаевна пишет Нине, их любимой гувернантке, что кружиться на балах в вихре развлечений на самом деле «очень утомительно и скучно, потому что, если нет какой-нибудь личной заинтересованности, нет ничего более пошлого, чем бал»⁷⁵. Видимо, Наталья Николаевна, несмотря на ремарку сестры, не всегда «кое-как ковыляет» и не только сопровождает сестер на приевшиеся им балы (в самом деле, сколько можно!), но и сама, как обычно, вновь отличается на них красотой и грацией. И ей, как и поименованному впервые в письме Сашеньки Дантесу, на балах совсем не скучно — некоторое время назад между ними завязалась и продолжает развиваться, как это назвала Катрин, взаимная «личная заинтересованность». Они встречаются не только на балах и в театре: «Я несравненно больше люблю — продолжает Катрин свое послание Нине — наше интимное общество у Вяземских или Карамзиных, так как если мы не на балу или в театре, мы отправляемся в один из этих домов и никогда не возвращаемся раньше часу.. Толку мало, так как мужчины, которые за нами ухаживают, не годятся в мужья: либо молоды, либо стары»⁷⁶.

Судя по всему, в конце 1835 — начале 1836 года, очарованный красотой Натальи Николаевны, Дантес не сводит глаз с нее и вряд ли оказывает Екатерине Николаевне какие-либо особые знаки внимания.

20 января, получив от уехавшего на лечение Геккерна два «добрых и забавных письма»⁷⁷, он пишет ответное с признанием в безумной любви к замужней даме, которая — он в этом уверен — тоже любит его. Отсюда драма: «Любить друг друга и не иметь другой возможности признаться в этом, как между двумя ритурнелями контрданса — ужасно»⁷⁸. Он действует наступательно и уже 2 февраля сообщает в письме: «У меня более, чем когда-либо, причин для радости, ибо я достиг того, что могу бывать в ее доме, но видеться с ней наедине, думаю, почти невозможно, и все же совершенно необходимо»⁷⁹. Сестры, естественным образом нарушающие это уединение, конечно, давно привыкли, что в свете, начиная с императора Николая Павловича до самого последнего его подданного, хоть раз видевшего Наталью Николаевну, — все отдают должное непререкаемой красоте младшей сестры. Но во время домашних приемов они невольно становились свидетельницами проявления куда более интимных чувств, если Дантес, охваченный страстью, так стремится к ее утолению, что сознается

⁷⁵ Вокруг Пушкина, указ. соч. С. 201.

⁷⁶ Там же. С. 201–202.

⁷⁷ *Старк В. П.* Наталья Гончарова. М.: Молодая гвардия, 2015. С. 305. В дальнейшем: *Старк*, указ. соч.

⁷⁸ *Прожогин*, указ. соч. С. 311.

⁷⁹ Там же. С. 312.

в письме: «и нет человеческой силы, способной этому помешать, ибо только так я вновь обрету жизнь и спокойствие. Безусловно, безумие слишком долго бороться со злым роком, но отступить слишком рано — трусость»⁸⁰. В арсенал его средств, как у множества молодых ухажеров, входит обволакивающий взгляд. Еще царица Александра Федоровна в начале 1834 года отметила в дневнике: «Дантес долго смотрел»⁸¹. Присутствовать в тепличной атмосфере подогретых страстью переговоров кавалергарда с сестрой было для Катрин, надо полагать, хоть увлекательным, но трудным испытанием. Если на одном из балов, со слов, например, молодой современницы Марии Мердер, было заметно, что танцевавшие мазурку Дантес и госпожа Пушкина «безумно влюблены друг в друга»⁸², то каково было то же самое наблюдать с короткого расстояния? В небольшой гостиной в течение общей беседы, например, о последнем спектакле с соответствующими театральными сплетнями, или о привлекавшем всеобщее внимание платье одной из красавиц на последнем балу, или «тот сватался — успел, а тот — дал промах» (чтением стихов, тем более по-русски, здесь не занимались), какая-то доля внимания не могла не оказываться и присутствующей при этом Катрин. К тому же Наталья Николаевна на небольшое время могла отвлечься на другого посетителя — тогда взгляд Дантеса останавливался на Катрин и ей, подобно большинству влюбленных, так охотно принимающих желаемое за действительное, не могло не казаться, что «как-то взор его очей/ Был чудно нежен» не только по отношению к сестре.

27 марта она пишет письмо всем троим своим братьям, обращаясь к каждому по-отдельности. Она журит Ваню за его так называемые компрометирующие театральные связи; ласково-иронично сетует Дмитрию, что он сильно задерживает жалованье, мол, впору пойти топиться в тронувшейся Неве; третьему же брату в шуточной иносказательной форме она проговаривается о том, что имеет возможность не только наблюдать, но испытывает сама: «Любезный Серж, что ты поделяваешь, ты по-прежнему так же красив? Говорят, что твой взгляд так оболъстителен, что ни одна женщина не может его выдержать, и несчастная, на которой он останавливается, становится прекрасной от любви...»⁸³.

Смерть матери Пушкина 29 марта и траур по ней вынуждают Наталью Николаевну временно отказаться от балов и приемов; сестер

⁸⁰ *Прожогин*, указ. соч. С. 312.

⁸¹ См. ссылку ⁴².

⁸² *Абрамович С.Л.* Пушкин в 1836 году: Предыстория последней дуэли. Л.: Наука, 1989. С. 14. В дальнейшем: *Абрамович*, указ. соч.

⁸³ *Вокруг Пушкина*, указ. соч. С. 302.

же, как пишет брату Саша в апреле, «это не коснется, мы выезжаем с княгиней Вяземской и завтра едем на большой бал к Воронцовым»⁸⁴. Значит, в это время прелесть Натальи Николаевны меньше затеняла сестер, оставляя больше простора и независимости от привычно-второстепенного положения «сестер мадам Пушкиной». Наверняка в этот период Дантес дружески приветствовал и оказывал больше внимания как в карамзинском кружке, так и на прогулках, раутах, балах Катрин и Александрин, ставшими его близкими знакомыми. Выбрав из них двоих равнодушной к нему Катрин, ее брал за руку, обнимал за талию, танцевал и беседовал с ней. Натали выпала из его поля зрения и досягаемости почти на три месяца: окончание траура по свекрови перешло у Натальи Николаевны к периоду «на сносях», и 23 мая родилась Таша-младшая, четвертый ребенок у Пушкиных.

Сестры тем временем ездят кататься верхом в веселых компаниях, что отметили в своих письмах конца мая Софья Николаевна Карамзина и ее сводная сестра Катрин Мещерская, описав одно из таких увеселений в Парголово: на прекрасной даче княгини Бутера у них был пикник с дорогостоящей поставкой вин — «Креман и Силлери лились ручьями в горла наших кавалеров, которые встали все из-за стола более румяные и веселые, чем когда садились, особенно Дантес и Мальцов»⁸⁵.

Дантесу стало куда легче, нежели при почти ежедневных встречах с Натальей Николаевной, осуществлять свое решение от 6 марта: он пообещал тогда старшему ревнивому другу, сильно обеспокоенному этой «безудержной страстью», ради него «пожертвовать этой женщиной»⁸⁶.

И еще раньше, 14 февраля, в самый разгар страсти, он объясняется другу — в вечных чувствах, а «к ней» — в преходящих: «ты останешься навсегда, что же до нее, время произведет свое действие и изменит ее, и ничто не будет напоминать мне ту, кого я так любил...»⁸⁷ Одновременное самоутешение и декларирование любви на краткий миг цветения женской красоты — на манер ревнующего восемнадцатилетнюю Лауру Дон Карлоса из пушкинского «Каменного гостя»:

Ты молода... и будешь молода
 Еще лет пять иль шесть. Вокруг тебя
 Еще лет шесть они толпятся будут,
 Тебя ласкать, лелеять и дарить,

⁸⁴ Вокруг Пушкина, указ. соч. С. 305.

⁸⁵ Там же. С. 204.

⁸⁶ Прожогин, указ. соч. С. 314.

⁸⁷ Вокруг Пушкина, указ. соч. С. 313.

И серенадами ночными тешить,
И за тебя друг друга убивать
На перекрестках ночью. Но когда
Пора пройдет, когда твои глаза
Впадут и веки, сморщась, почернеют
И седина в косе твоей мелькнет,
И будут называть тебя старухой,
Тогда — что скажешь ты?

В том же письме Дантес буквально заливает лестью своего «дорогого друга»: «к тебе, мой драгоценный, каждый новый день привязывает меня все крепче, напоминая, что без тебя я был бы ничто»⁸⁸.

Благодарно согласившись с наставлениями того же Геккерна, он сделался завсегдатаем в доме Бярятинских, бывая у них с частыми визитами в марте, апреле, мае. Женитьба на знатной, молодой и красивой княжне Марии Ивановне Бярятинской могла бы стать исключительно выгодной партией. Соперничество с товарищем по полку Александром Трубецким (тайно нареченным «Бархатом» в интимных записках неравнодушной к нему императрицы Александры Федоровны), также ухаживающим за богатой и тщеславной княжной, едва начавшей выезжать в свет, подогревало азарт в осуществлении плана. В середине мая, встретив на улице прогуливавшуюся в коляске княжну, Дантес, по записи в ее дневнике, остановился и долго смотрел вслед экипажу, то есть в очередной раз использовал свой ходовой выигрышный прием. Спустя короткое время, поскольку загородное поместье Бярятинских находилось неподалеку от лагеря гвардейских полков на летних маневрах, их встречи на различных увеселениях возобновились. К тому времени молодому князю Александру Васильевичу Трубецкому⁸⁹ уже дали понять, что он не может рассчитывать на руку княжны.

На Каменном острове — в другой дачной местности — Натали в первый раз выехала на прогулку в карете 24 июня, а Саша с Катей сопровождали ее верхом. Но чаще всего они не сопровождают, а сами

⁸⁸ Вокруг Пушкина, указ. соч. С. 313.

⁸⁹ Непреодолимым препятствием к браку с Александром Трубецким, по мнению Бярятинских, было недостаточно знатное происхождение его матери — княгини Трубецкой. Отец Александра, князь Василий Сергеевич Трубецкой, был женат вторым браком на Софии Андреевне Вейс. «Она была дочерью Виленского полицеймейстера, и кн. Трубецкой познакомился с ней в 1812 году во время пребывания Государя в Вильне. По словам Н. Н. Муравьева, С. А. Вейс считалась одной из первых красавиц своего времени; она блистала на балах и собраниях и у ней не было недостатка в поклонниках». СБК, указ. соч. [Т. 3]: 1801–1826. 1906. С. 144.

по себе гордо держатся в седле: «Мы здесь слышем, — пишет Екатерина Николаевна, — превосходными наездницами, словом, когда мы проезжаем верхами, со всех сторон и на всех языках, какие только можно себе представить, все восторгаются прекрасными амазонками»⁹⁰. В это время гвардия еще находилась на маневрах в Красном Селе, и лишь после 4 августа должны были начаться балы и танцевальные вечера на водах, которых Катрин ждет с нетерпением, тем более что иных развлечений, кроме скучных говорильных вечеров, нет.

И вот долгожданный кавалергардский полк расположился в Новой Деревне, и центр увеселений переместился на Острова. Княжна Барятинская (в сопровождении матери, княгини Барятинской, входившей в интимный круг императрицы Александры Федоровны) не раз приезжала и на эти балы. Там, впервые после долгого перерыва, появляется и Наталья Николаевна (в сопровождении сестер). Дантесу невозможно обеспечить равносильность двух своих фронтов — «той сладостной поэзии, как на Елагином»⁹¹ между мадам Пушкиной и Дантесом, отмеченной императрицей спустя небольшое время в одном из ее писем, не могли не заметить и другие. Гордости и самолюбию княжны нанесен удар, и какие-либо дальнейшие виды на сватовство к этой представительнице одной из самых аристократических и богатых семей не могли впоследствии иметь для Дантеса продолжения.

В сентябре 1836 года в день ангела С. Н. Карамзиной, праздновавшийся на даче в Царском Селе, на котором, как записала сама именинница, «среди гостей были Пушкин с женой и Гончаровыми (все три — ослепительные изяществом, красотой и невообразимыми талиями), мои братья, Дантес, А. Голицын, Аркадий и Шарль Россет... Сергей Мещерский, Поль и Надина Вяземские... и Жуковский»⁹², всем, кроме Пушкина, было весело. «Его блуждающий, дикий, рассеянный взгляд с вызывающим тревогу вниманием останавливается лишь на его жене и Дантесе, который продолжает все те же штуки, что и прежде, — не отходя ни на шаг от Екатерины Гончаровой, он издали бросает нежные взгляды на Натали, с которой, в конце концов, все же танцевал мазурку»⁹³.

Исходя из слов Софьи Николаевны, что Дантес «продолжает все те же штуки», он здесь не впервые находился при Екатерине.

Очевидно, что, стремясь к достижению двух разного рода целей: одной — по отношению к юной княжне Марии Барятинской, другой —

⁹⁰ Вокруг Пушкина, указ. соч. С. 310.

⁹¹ Герштейн, указ. соч. С. 213.

⁹² Друзья Пушкина. Переписка. Воспоминания. Дневники. В двух томах. Т. 1. М.: Правда, 1985. С. 545. В дальнейшем: Друзья Пушкина, указ. соч.

⁹³ Там же. С. 545–546.

по отношению к вновь появившейся на балах Наталье Николаевне, он не остался и вполне равнодушным к влюбленной в него Екатерине Николаевне. Как говорится во французской поговорке, *Jamais deux sans trois*, что соответствует русскому варианту: Бог любит троицу.

Когда по окончании дачного сезона лошадей отправляли обратно в Завод, Катрин давала брату наставления о своей любимице Любке: «Прошу тебя не отучать ее от рыси, потому что именно так я на ней езжу и никогда не пускаю ее в галоп, потому что надо сказать, что это своего рода кокетство, когда мы ездим рысью, это производит фурор»⁹⁴. Ей не могло быть известно откровенное пушкинское определение кокетства из его письма к жене, которое, по его мнению, «не в моде и почитается признаком дурного тона. В нем толку мало... Не только тебе, но и Парасковье Петровне легко за собою приучить бегать холостых шаромыжников; стоит разгласить, что-де я большая охотница. Вот вся тайна кокетства. Было бы корыто, а свиньи будут. ...Прочти басню А. Измайлова о Фоме и Кузьме. Фома накормил Кузьму икрой и селедкой. Кузьма стал просить пить, а Фома не дал. Кузьма и прибил Фому как каналью. Из этого поэт выводит следующее нравоучение: красавицы! не кормите селедкой, если не хотите пить давать; не то можете наскочить на Кузьму» (10, 453—454). Пушкин воспитывал свою молодую жену, напоминая о ее положении замужней дамы и матери семейства. Катрин, которая во что бы то ни стало стремилась создать и удержать «личную заинтересованность», находила в кокетстве много толку и применяла его, будучи свободной от наставлений, по собственному усмотрению.

Из переписки Дантеса известно, что, влюбившись в Наталью Николаевну, он еще в конце 1835 года оборвал двухлетнюю вялотекущую связь с дамой, имя которой, называя ее Супругой, он сохранил в тайне. Его главная страсть оставалась и навсегда осталась неутоленной. Осенняя ситуация 1836 года была подобна весенней, когда он в мартовском письме к старшему другу должен был констатировать, что, несмотря на то что «в последнее время было предостаточно случаев, когда она могла бы отдать мне все — и что же, мой дорогой друг — никогда ничего! никогда в жизни!»⁹⁵

В его планы совершенно не входило удовлетворяться романно-сентиментальным признанием Натальи Николаевны, которое он цитирует в письме к старшему другу от 14 февраля: «Я люблю вас, как никогда не любила, но не просите большего, чем мое сердце, ибо все остальное мне не принадлежит, а я могу быть счастлива, только исполняя все свои обязательства, пощадите же меня и лю-

⁹⁴ Вокруг Пушкина, указ. соч. С. 319.

⁹⁵ *Прожегин*, указ. соч. С. 313.

бите всегда так, как теперь, моя любовь будет вам наградой»⁹⁶. Он не помышлял довольствоваться пожизненно такой наградой, оставаясь рыцарем, обожающим прекрасную даму, и вести монашеский образ жизни⁹⁷.

Соблазнялся ли он, будучи «холостым шаромыжником», на призывы завсегдатаев ресторана Дюме, как это описал Пушкин жене: «явился я к Дюме, где появление мое произвело общее веселие: холостой Пушкин! Стали потчевать меня шампанским и пуншем и спрашивать, не поеду ли я к Софье Остафьевне?» (10, 472—473). У любящего свою жену Пушкина с этим было покончено, но жриц наемной любви продолжали посещать и статские, и военные, и поэты. Этому опыту посвящено, например, одно из стихотворений Василия Туманского, знакомого Пушкина еще с одесских времен, одного из авторов «Голубой тетради» мадемуазель Катрин Гончаровой:

Люблю я звук твоих речей,
Наряда твоего небрежность;
Но тягостна душе моей
Твоя услужливая нежность.
Твоих восторгов я стыжусь,
Меня пугает наслажденье;
В моем прискорбном умиленье
Я на тебя не нагляжусь.
Беспечная, в чаду разврата
Еще не огрубела ты, —
Не памятна ль тебе утрата
Твоей девичьей простоты? <...>

⁹⁶ Прожогин, указ. соч. С. 312.

Ср.: «Между тем вы отлично знаете, что разделить его <чувство. — М. Л.> — для меня невозможно... Муж, которого я люблю и уважаю, меня лелеет и чтит. / В одном человеке сосредоточены и мои обязанности, и мои радости. <...> Я предлагаю вам свою дружбу, сударь. И это — все, что мне принадлежит, все, чем я имею право располагать». «О.С. Письма 56 и 67. «От президентши де Турвель к виконту де Вальмону».

⁹⁷ Ср.: «...я никогда не говорила вам, что вы любите эту женщину настолько, чтобы не изменять ей, чтобы не пользоваться любым случаем, который покажется вам приятным или удобным. Я не сомневалась даже, что вам более или менее безразлично утолять с другой, с первой попавшейся женщиной даже такие желания, которые могла возбудить в вас только эта. <...> Кому не ведомо, что так вообще принято в свете, что таков обычай, которому следуете вы все, от негодая до самого избранного? Кто в наши дни от этого воздерживается, слывет мечтательным». «О.С. Письмо 141. От маркизы де Мертей к виконту де Вальмону».

Несмотря на ряд опубликованных за последние 20 лет документов⁹⁸, говорящих в пользу существования добрачной связи Екатерины Гончаровой с Дантесом, безусловно однозначного ответа на это обстоятельство нет. Но, надо полагать, Катрин сделала все от себя зависящее, чтобы, по пушкинской формулировке, накормить «икрой и селедкой», вызвать жажду, от которой изнемогала сама. Добилась она этого, вероятней всего, к концу лета на даче, где тому способствовали пикники, пиры с вином, верховые прогулки⁹⁹. Тем более что предусмотрительный Дантес, любя позабавиться и повеселиться с приятелями-однополчанами, избегал, однако, ввязываться в традиционные для кавалергардов гулянки с буйными похождениями¹⁰⁰, грозящими неприятностями служебной карьере. Еще на летних маневрах 1835 года он взял себе в полезную привычку или в них вовсе не участвовать, или вовремя с них удалиться¹⁰¹. Таким образом, год спустя, не вызывая подозрений, он отправлялся на свидания с Ека-

⁹⁸ См.: *Витале С., Старк В.* Черная речка: до и после. К истории дуэли Пушкина. Письма Дантеса // Звезда. 2000. В дальнейшем: *Витале, Старк*, указ. соч.

⁹⁹ Эпизоды с описаниями признаний в чувствах и самих любовных интимных свиданий во время верховых прогулок часто встречаются в литературе XIX века, например, в таких хрестоматийных произведениях, как «Княжна Мери» М. Ю. Лермонтова, «Вешние воды» И. С. Тургенева, «Жизнь» Ги де Мопассана, «Мадам Боваря» Г. Флобера и др.

¹⁰⁰ «...жившие в Новой Деревне жаловались, что дачникам от стоящих там кавалергардов житья нет... Говорили, будто офицеры ходят мимо дам на Неву купаться в одних только накинутых на тело простынях и домой возвращаются в таком же костюме, что по ночам они бегают вдоль деревни, стучат дубинами в ставни и кричат: "Пожар! пожар!..." Перепутанные со сна женщины выбегают на улицу в одном белье... <...> молодым повесам, кавалергардским офицерам, видно, тесно показалось творить свои проказы в одной Новой Деревне, и они начали пробираться в нашу мирную обитель... По ночам на Черной речке начал разъезжать черный катер с поставленным на нем черным же гробом; гребцы и сидевшие с факелами около гроба люди были одеты в черных плащах и больших круглых черных шляпах, как похоронные факельщики того времени. Все они заунывно пели "Со святыми упокой" и этим будили и пугали крестьян и дачниц..." Каменская, указ. соч. С. 75.

Из биографии А. П. Чоглокова (1801–1873), полковника кавалергардского полка и сослуживца Дантеса в 1835 году, с которым «уже сенатором бароном Гекерном (так в тексте. — М. Л.)» он «часто встречался» в Париже: «Шутки были в моде в 30-х годах, и Чоглоков продельвал их не мало, но они были всегда безобидные. Он, например, раз по всей Старой Деревне в полной форме при кирасе и каске, проскакал на корове, которая, конечно, от испуга пала, но хозяин был щедро за нее вознагражден. В другой раз где-то на балу он проделал фарс со строгой старухой Мятлевой, и та на него не рассердилась, а лишь потрепала за ухо. <...> Чоглоков был участником всех фарсов Вадковского, этого легендарного шалуна». и т.д. СБК, указ. соч. [Т. 3]: 1801–1826. 1906. С. 366–367. URL: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01003966999#?page=377>.

¹⁰¹ Из писем Дантеса Геккерну с летних маневров 1835 года:

«В полку новые приключения. Несколько дней назад Сергей Трубецкий (младший брат Александра Трубецкого. — М. Л.) и несколько других моих товарищей после более чем обильного обеда в ресторане за городом начали колотить во все дома по дороге домой. Можешь представить шум, который поднялся на следующий день».

териной Николаевной, которой дачная жизнь тоже предоставляла больше свободы. На участке, располагавшемся недалеко от Каменноостровского театра, Пушкин еще в апреле снял на лето два дома: один для себя и жены, другой — для детей и своячениц. Но даже если довольно легко можно было скрывать свои отлучки от Пушкиных, от временно гостивших у них родственников, о них не могла не знать Александра Николаевна. Позже, 4 мая уже 1837 года, отвечая на первое письмо из-за границы от покинувшей родину сестры, Александра Николаевна напишет: «Вот год, что я тебя не понимаю...»¹⁰²

Она, единственная из трех сестер не зачарованная Дантесом, пыталась, несомненно, призывать к благоразумию. Но абсолютно безуспешно, ибо, как напишет Екатерина Николаевна брату спустя несколько лет, исходя, конечно, из своего собственного опыта, «если только любишь кого-нибудь, какое может быть дело до мнения света»¹⁰³. И она, как только предоставлялся случай, летела в уединенные «приюты счастливых свиданий» на крыльях своей любви — единственной, безоглядной, безграничной и — такой долгожданной.

В наше время, когда, например, во Франции шесть детей из десяти рождаются вне зарегистрированного брака, трудно судить, на какой шаг нарушения законов приличия того времени решилась Екатерина Николаевна. Но еще со времен прародительницы Евы при любых запретах и наказаниях эти законы нарушались: от царских хором и королевских опочивален до самых убогих пастушьих шалашей, да и вовсе под открытым небом.

И бедной девушкой, утратившей с потерей невинности для возлюбленного свою привлекательность в карамзинской «Бедной Лизе», известной широкой читательской публике.

И Лизаветой Ивановной в имевшей большой успех «Пиковой даме», где девушка вступает в переписку и назначает ночное свидание в своей комнате молодому человеку, которого «в первый раз увидела в окошко» меньше трех недель назад.

«Разразилась буря. Трубецкой, Жерве и Черкасский были переведены в армию... Понятно, что необходимо вести себя тихо, если хочешь прогуляться по проспекту и подышать свежим воздухом, а оказаться на гауптвахте можно быстро, поскольку времена сейчас тяжелые, действительно очень тяжелые, и нужно много осторожности и благоразумия, если хочешь управлять своей лодкой так, чтобы не врезаться в другие».

Vitale С. Тайна Дантеса, или Пуговица Пушкина. М.: Алисторус, 2013. (Жизнь Пушкина). С. 23.

¹⁰² *Ternovsky E.* Pouchkine et la tribu Gontcharoff. Paris: Klincksieck, 1993. С. 94. В дальнейшем: Терновский, указ. соч.

¹⁰³ *Ободовская И., Дементьев М.* После смерти Пушкина: неизвестные письма. М.: Сов. Россия, 1980. С. 265. В дальнейшем: После смерти Пушкина, указ. соч.

В двусмысленном «Домике в Коломне», переписанном Катрин в свой альбом, Пушкин «простой доброй Параше», про которую в заключение истории не может сказать, «закраснулась или нет», «доверяет» выбрать и привести в дом новую кухарку — ее-то старушка-мать застает за бритьем бороды, «что несогласно / С природой дамской...»

Грибоедов, «позволив» Софье Павловне запираяться по ночам с Молчалиным, «для кого забыт... и женский страх и стыд», в доме у родного отца, немало шокировал читателей-современников, хотя дальше невинного музицирования, вздохов и пожиманий руки дело не шло.

Катрин, как мы помним, старательно переписала комедию в свой альбом и не могла не отметить своенравную смелость семнадцатилетней Софьи — красивой и богатой столичной барышни на выданье. Но Екатерине Николаевне давно не 17 — ей уже 27 лет и то, что для Софьи Павловны было временным легкомысленным капризом, невинной забавой, увлекательной игрой в любовь аристократки к незнатному и бедному молодому человеку в духе героев известных тогда французских романов¹⁰⁴, для воспламенившейся Катерины — дело жиз-

¹⁰⁴ В пьесе Грибоедова нет названий книг, которые Софья Павловна «Все по-французски, вслух, читает запершись» (со слов Лизы в 1-м действии). Круг чтения у московской барышни был тот же, что и у ее сверстницы — пушкинской провинциальной Татьяны. И Софья, подобным Татьяне образом, воображалась героиней «Своих возлюбленных творцов, / Кларисой, Юлией, Дельфиной». Среди этих трех героинь, например, юная аристократка из романа Ж.-Ж. Руссо «Юлия, или Новая Элоиза», взаимно полюбив Сен-Пре, — нанятого для нее домашнего учителя, одаренного молодого человека незнатного происхождения, соглашается на ночные свидания с ним.

Ср. также описание невинных занятий музыкой пятнадцатилетней, уже просватанной, знатной и богатой Сесили Воланж, влюбленной в достаточно знатного, но небогатого кавалера Дансени:

«Много времени посвящаю пению и игре на арфе: мне кажется, я гораздо больше люблю эти занятия с тех пор... как у меня появился лучший учитель... тот господин, о котором я тебе писала... <он> настолько любезен, что приходит к нам ежедневно и целыми часами поет со мной. Он до крайности мил и сам сочиняет прелестные арии, к которым придумывает и слова... Он так восхитительно ласков. Казалось бы, комплиментов он никогда не говорит, а между тем в каждом слове его есть что-то лестное для тебя. Он беспрестанно делает мне замечания и по поводу музыки, и насчет всяких других вещей, но в его критике столько участия и веселости, что невозможно не быть ему благодарной. Даже когда он просто смотрит на тебя, это имеет такой вид, будто он делает тебе что-то приятное. Вдобавок он весьма обязателен. Вчера, например, его приглашали на большой концерт, а он предпочел провести весь вечер у мамы, — меня это очень обрадовало, так как в его отсутствие никто со мной не разговаривает и я скучаю. Зато с ним мы поем и беседуем. У него всегда находится, что мне сказать». «О.С. Письмо 7. От Сесили Воланж к Софи Карне».

Невозможно представить, чтобы роман «Опасные связи», присужденный приговором уголовного суда Франции в 1823 году к уничтожению «за оскорб-

ни и смерти. В русской литературе такие героини появятся позже у Островского, Лескова, Толстого, Достоевского.

Еще пример выбора между страстью и долгом среди переписанных Катрин стихов в «Красной тетради» — «Кавказская быль» Н.И. Гнедича о кровавой развязке любви казака и кабардинки:

...Вошел кабардинец с мешком за плечами;
Он мрачен как ночь, он ужасен как зверь,
И глухо бормочет, сверкая очами:

«Сестра моя здесь, для услуг кунака», —
Сказал он и стал сопротиву кровати,
Мешок развязал, и к ногам казака
Вдруг выкатил мертвую голову Фати.

«Для девы без чести нет жизни у нас;
Ты — чести и жизни ее похититель —
Целуйся ж теперь с ней хоть каждый ты час!
Прощай! я — кунак твой, а Бог — тебе мститель!»

Ясно, что жертва Катрин, принесенная на алтарь ее любви, была огромна, но, с другой стороны, этой, надо думать, непорочной зрелой деве-бесприданнице ничего другого в жизни не светило, кроме как превратиться уж в совсем «бесполезное украшение для гостиных»¹⁰⁵, вступив окончательно и бесповоротно в немалую армию старых дев.

Уже упомянутая нами выше современница сестер Гончаровых Мария Федоровна Каменская в своих «Воспоминаниях» касается этой темы на примере сестры отца: «Из скромной тихой жизни у родителей тетка Надя попала в самый большой свет. Там ее любили, баловали, очень она веселилась, но замуж почему-то не вышла. Однажды я ее спросила:

— Тетенька, отчего вы замуж не вышли? Вы, кажется, были хорошенькая?..

ление нравственности» и изъятый из обращения в 1825 году, мог быть известен юной русской дворянке. Однако подобно тому, как с юных лет Пушкину этот роман был хорошо известен, он мог быть известен и Грибоедову. В России, где многие его читали, о нем старались не упоминать.

Вольперт Л. И. Пушкин в роли Пушкина: творческая игра по моделям французской литературы: Пушкин и Стендаль. Глава 2: Тверской Ловелас С.- Петербургскому Вальмону здоровья и успехов желает (*Опасные связи Шодерло де Лакло*). М.: Языки русской культуры, 1998.

http://www.ruthenia.ru/volpert/chapters/07pt1_2t.htm [Электронный ресурс]
¹⁰⁵ Вокруг Пушкина, указ. соч. С. 257.

— Оттого, душа моя, — отвечала она откровенно, — что никто никогда за меня не посватался. Ну хоть бы один жених у меня был, а то ни единого!.. Судьба была остаться старой девкой, вот и все...»¹⁰⁶

Из пушкинских знакомых не вышли замуж две дочери П.А. Осиповой — Анна Николаевна Вульф и Мария Ивановна Осипова; Ольга Сергеевна Пушкина, сестра поэта, тайно, против воли родителей, только в 30 лет обвенчалась с Н.И. Павлищевым; Анна Алексеевна Оленина оставалась в девушках до 32 лет; лишь в 39 лет обвенчалась Екатерина Павловна Бакунина; Екатерина Николаевна Ушакова вышла замуж, когда ей подошло к 30. Еще на 21 году жизни в письме к брату И.Н. Ушакову в мае 1830 года она со свойственной ей «веселой остротой» и «насмешливостью злой» создала свой грядущий, полный горькой иронии, стародевический автопортрет: «Скажу про себя, что я глупею, старею и дурнею; что еще годика четыре, и я сделаю спелое дополнение старым московским невестам, т.е. надеваю круглый чепчик, замазанный шлафор, разодранные башмаки и которые бы немного сваливались с пяток, нюхаю табак, браню и ругаю всех и каждого, хожу по богомольям, не пропускаю ни обедню ни вечерню, от монахов и попов в восхищении, играю в вист или в бостон по четверти, разговору более не имею, как о крестинах, свадьбах или похоронах, бью каждый день по щекам девок, в праздничные дни румянюсь и сурмлюсь, по вечерам читаю Четы-Минеи или Жития святых отцов, делаю 34 манера гран-пасьянсу, переносу вести из дома в дом. <...> На мой взгляд, нет ничего более отвратительного, чем старая дева — этот бич человеческого рода...»¹⁰⁷

Из самого близкого окружения Гончаровых осталась незамужней тетушка-фрейлина Екатерина Ивановна Загрязская, из дружественного круга Карамзиных не вышла замуж дочь историографа от первого брака Софья Николаевна Карамзина.

Пребыванию сестер в гостеприимном доме Пушкиных скорее рано, чем поздно, должен был наступить конец, возвращаться в деревню и снова там сидеть безвыездно до старости — страшный сон. Судьба, по крайней мере по сравнению с младшей сестрой-красавицей, была так немилосердна к старшей, что она, решившись вступить в борьбу за свою долю счастья, соперничает единственно доступным ей способом: если с сестрой — «никогда ничего», то с ней — наоборот — все.

Обычно близкие и дружественные в начале жизни отношения между сестрами с течением лет часто меняются на весьма напряженные и приводят к непредсказуемым последствиям. Об одном таком случае писал Пушкин жене из Москвы незадолго до рождения дочки

¹⁰⁶ *Каменская*, указ. соч. С. 52.

¹⁰⁷ *Друзья Пушкина*, указ. соч. Т. 2. С. 388.

Натальи в мае 1836 года: «Вот тебе здешние новости. Окулова, долгоносая певица, вчера вышла за вдовца Дьякова. Сестра ее Варвара сошла с ума от любви. Она была влюблена и надеялась выйти замуж. Надежда не сбылась. Она впала в задумчивость, стала заговариваться. Свадьба сестры совершенно ее помutilа. Она убежала к Троице. Ее насилу поймали и увезли. Мне очень жаль ее. Надеются, что у ней белая горячка, но вряд ли» (10, 575). Тридцатилетняя певица-любительница Елизавета Алексеевна Окулова¹⁰⁸ выходила замуж за 46-летнего вдовца Алексея Николаевича Дьякова¹⁰⁹ — это был его третий брак. Он умер через полтора года после свадьбы, и третьей жене досталось воспитывать трех его дочерей от предыдущего брака. Сестра же ее, 34-летняя Варвара¹¹⁰, именно из-за свадьбы младшей сестры тронулась умом.

Катрин, находясь в здравом, только сильно обуреваемом чувствами, рассудке, решила поставить на единственную в ее колоде козырную карту — с большим риском, ибо знала, на что шла. Она была из «девушек, выросших под яблонями и между скирдами» (6, 26), да к тому же вблизи конного завода с лошадиными свадьбами и жеребыми кобылами, которых сестры шутиливо называли «бесстыдницами». Кому-кому, а ей было очень хорошо известно, хотя бы на примере дедушкиного гарема и деревенской жизни брата, во-первых, откуда дети берутся, а во-вторых, что женщины Гончаровы исключительно плодovиты. У маменьки Натальи Ивановны, пока отец не заболел, дети появлялись на свет практически ежегодно: 1808 — Дмитрий, 1809 — Екатерина, 1810 — Иван, 1811 — Александра, 1812 — Наталья, 1815 — Сергей, 1818 — Софья (умерла во младенчестве). Замужняя младшая сестра пошла в маменьку — едва родив, снова была, как тогда говорили, «брюхата». Забегая вперед, отметим, что сама Екатерина Николаевна впоследствии шла по стопам матери и младшей сестры, а сестра Александра Николаевна, выйдя замуж только в 1852 году, сумела родить, когда ей было уже 43 года, дочь Наталью.

Что бы стала делать Екатерина, если бы возлюбленный оставил ее? Незаконнорожденных отпрысков даже представителей знатных и богатых фамилий, которых было немало, принимали в обществе не так же, как законных. На какой скандал и позор она — не знатная и бедная — обрекала себя, да и всю семью? Бросилась бы в Неву?

¹⁰⁸ Дьякова Елизавета Алексеевна, урожд. Окулова (1806—1886).

¹⁰⁹ Дьяков Алексей Николаевич (1790—1837), полковник.

¹¹⁰ Окулова Варвара Алексеевна (1802—1879).

Черейский Л.А. Окулов // Черейский Л.А. Пушкин и его окружение / АН СССР. Отд. лит. и яз. Пушкин. комис. / отв. ред. В.Э. Вацууро. 2-е изд., доп. и перераб. Л.: Наука, 1989. С. 303—304. URL: <http://feb-web.ru/feb/pushkin/chr-abc/chr/chr-3035.htm>

Затягивалась бы в корсет до последней возможности, а, едва родив, отослала бы свою горничную сдать младенца в Воспитательный дом? Понадеялась бы, что тетка Екатерина Ивановна пристроит к кому-нибудь в богатый дом, вроде того, как в доме у другой тетки, Софьи Ивановны де Местр, четверо детей которой умерли в раннем возрасте, воспитывалась Наталья Иванова — то ли незаконная дочь ее здравствующего мужа Ксавье де Местра, то ли покойного брата Александра Ивановича Загряжского? Бывало по-разному: «Пушкин мне рассказывал, — пишет А. О. Смирнова-Россет в «Автобиографии», — что он раз встретил партию, которая шла по этапам. Разбойники шли в кандалах, а женщины ехали на повозках. Необыкновенно красивая девушка шла, приплясывая, и листом капусты укрывалась от солнца. Все это его поразило, и особенно выражение невинности — он дал ей денег и спросил, зачем ее отправляют в Сибирь. — «Убила мать и свое незаконнорожденное дитя пяти лет». Он говорил, что у него волосы дыбом стали»¹¹¹.

* * *

Тот, в чьи руки Екатерина Николаевна так беззаветно «уж отдала судьбу свою», вначале, вероятней всего, ответил на ее любовный призыв на манер пушкинского графа Нулина: «Что, если можно?.. вот забавно». И по сей день это наречие (по-французски *amusant* — прилагательное или отглагольное причастие), так же, как и сам глагол *s'amuser* — забавлять(ся), употребляемый во французском языке с XVII века в значении развлекать(ся), увеселять(ся), прекрасно проводить время, является одним из самых употребительных в разных ситуациях и в любых слоях общества¹¹². Дантес на забавы был большой мастер, что отмечали все современники. Например, у Софи Карамзиной в двух письмах лета и осени 1836 года, когда он был ежедневным гостем: «по вечерам у нас бывают гости, Дантес — ... веселый, забавный, как никогда»; «У нас за чаем всегда бывает несколько человек, в их числе Дантес, он очень забавен»¹¹³.

Принимать влюбленную в него старшую сестру за недоступную младшую, на манер того, как у Бомарше в «Женитьбе Фигаро» граф Альмавива в вечерней темноте принимает собственную жену за во-

¹¹¹ А. С. Пушкин в воспоминаниях современников: в 2 т. М., 1985. Т. 2. С. 174. В дальнейшем: Пушкин в восп., указ. соч.

¹¹² При этом необходимо отметить, что во Франции, как оборотная сторона стремления к развлечениям и увеселениям, уровень самоубийств остается одним из самых высоких в Европе.

¹¹³ Цит. по: *Абрамович*, указ. соч. С. 85.

жделенную Сюзанну, Дантесу было еще увлекательней, чем в театре¹¹⁴. Тем более что Катрин определенно похорошела, если в сентябре Софья Николаевна отметила про сестер, что «все три — ослепительные изяществом, красотой и невообразимыми талиями»¹¹⁵. В чертах старшей родной сестры можно было искать и находить черты другие.

Вчера, друзей моих оставя пир ночной,
В ее объятиях я негу пил душой;
Восторги быстрые восторгами сменялись,
Желанья гасли вдруг и снова разгорались;
Я таял; но среди неверной темноты
Другие милые мне виделись черты,
И весь я полон был таинственной печали,
И имя чуждое уста мои шептали.

Конечно, Дантес, которого при сдаче офицерского экзамена освободили «от испытания в русской словесности», никоим образом не мог знать ни этих стихов Пушкина 1819 года, ни вообще никаких произведений поэта. Он знал про него только одно: «муж возмутительно ревнив»¹¹⁶. Чтобы обойти эту неприятную и мешающую ему фигуру, можно — тоже было бы очень забавно — сделать ход конем с помощью сестры, смелой наездницы, умеющей так прекрасно держаться в седле.

Со слов Н. М. Смирнова известно, что, когда Пушкин однажды приехал на бал с женой и двумя свояченицами, Дантес отпустил по этому поводу свой каламбур «*Pacha à trois queues*»¹¹⁷, позабавивший также и Пушкина. Не вдаваясь в убедительно раскрытую М. Б. Мейлахом¹¹⁸ весьма скабрзную суть каламбура, основанного на одном из многочисленных смыслов слова «*la queue*»¹¹⁹, остановимся на самом поверхностном — уподоблении поэта, выезжающего в сопровождении трех сестер, турецкому трехбунчужному паше с его гаремом. Тема гарема (сам Пушкин отдал ей щедрую дань еще байроническим «Бахчисарайским фонтаном» в 1821 году, а Мериме в 1833 году уже откровенно потешается в «Двойной ошибке») была частым предметом для

¹¹⁴ Ср.: «Неужели же зрелище, ради которого вы жадно спешите в театр, которому вы так пылко рукоплещете, представляется вам менее увлекательным в жизни?» — О. С. Письмо 96. От виконта де Вальмона к маркизе де Мертей.

¹¹⁵ См. ссылку⁹².

¹¹⁶ Цит. по: *Старк*, указ. соч. С. 305.

¹¹⁷ Трехбунчужный паша (фр.). Пушкин в восп., указ. соч. С. 276.

¹¹⁸ *Мейлах М.* Страсбург — Санкт Петербург. Три заметки о Жорже Дантесе. — In: Pouchkine, poète de l'altérité // Presse universitaire de Strasbourg, 2012. С. 173–178.

¹¹⁹ Хвост (фр.) — первое основное значение слова.

шуток. «Однажды Дельвиг и его жена, — записала в воспоминаниях Анна Петровна Керн, — отправились, взяв с собою и меня, к одному знакомому ему семейству; представляя жену, Дельвиг сказал: “Это моя жена”, и потом, указывая на меня: “А это вторая”. Шутка эта получила право гражданства в нашем кружке, и Дельвиг повторил ее, надписав на подаренном мне экземпляре поэмы Баратынского “Бал”: “Жене No 2-й от мужа безномерного”»¹²⁰. Не только любимый лицейский друг Пушкина, но и его сестра Ольга Сергеевна после приезда сестер в Петербург пошутила с отцом в письме: «Александр представил меня своим женам: теперь у него целых три»¹²¹. Очевидно, лаская воображение большинства представителей сильного пола, идея гарема хотя бы из «двух жен» не была чужда и Дантесу. Двойные, или даже тройные, любовные авантюры требовали тройной изобретательности и в случае успеха приносили утроенные триумф и славу¹²². Почему бы еще очень молодому человеку не удлинить свой донжуанский список?

Однако пустившись в забавную авантюру с Катрин, которая сама шла в руки и заслуживала того, чтобы ее не упустить, он столкнулся с тем, что никоим образом не укладывалось ни в какие известные ему рамки легкой любовной связи. На него — сомневаться в этом не приходилось — обрушилась любовь страстная, безграничная и безусловная. Как не было сомнений и в любви старшего друга, усилиями которого он в середине лета 1836 года официально сделался бароном Геккерном-младшим. Однако, подзабыв свои прежние обещания ревнующему Геккерну-старшему «одолеть чувство», коему он «попустительствовал и которое не могло сделать»¹²³ его счастливым, продолжая получать большой взаимный plaisir¹²⁴ от тайных любовных свиданий с Катрин, он с новой силой стремится к достижению прежней желанной цели.

¹²⁰ Керн А. П. (Маркова-Виноградская). Воспоминания. Дневники. Переписка. М.: Правда, 1989. С. 50.

¹²¹ Щеголев П. Е. Дуэль и смерть Пушкина. Исследования и материалы. Изд. 3-е. М.; Л., Госиздат, 1928. С. 58. В дальнейшем: Щеголев, указ. соч.

¹²² Ср.: «Но шум, поднятый по поводу его тройного приключения, обратил на него всеобщее внимание, породил в нем самоуверенность, которой ему не хватало, и сделал его по-настоящему опасным». «О.С. Письмо 70. От виконта де Вальмона к маркизе де Мертей».

Ср.: «Наконец, настал великий день. <...> Из трех мужей один отсутствовал, другой должен был уехать на рассвете следующего дня, третий находился в городе. <...> Та, чей муж находился в городе, имела в своем распоряжении только день. С ней Преван условился, что мнимое нездоровье избавит ее от необходимости ужинать у подруги и что ему будет принадлежать вечер. Ночь подарила та, чей муж был в отсутствии, а последняя назначала часом любви рассвет, когда должен был уехать третий супруг.» «О.С. Письмо 79. От виконта де Вальмона к маркизе де Мертей».

¹²³ Цит. по: Старк, указ. соч. С. 316.

¹²⁴ Удовольствие, наслаждение (фр.).

Его возобновившиеся ухаживания за Натальей Николаевной сделались куда более афишированными, чем раньше. Екатерина Николаевна Гончарова во всех отношениях — не княжна Мария Ивановна Бяргинская: она не могла, оскорбившись, позволить себе гордо отвернуться в ожидании нового поклонения с предложением руки и сердца. Иного выхода, как обуздывать ревность, у Катрин не было. Может быть, она даже обманывалась успокоительными объяснениями возлюбленного, что, мол, поскольку приемный отец не дает ему согласие на брак с ней, он по-прежнему ухаживает за Натали для отвода посторонних глаз, опасаясь скомпрометировать Катрин.

Когда в середине октября Пушкин, довольствовавшийся до сих пор «ролью наблюдателя» (10, 619; пер. с франц. 10, 878) за поведением Дантеса, счел своевременным вмешаться и отказать кавалергарду от дома, Катрин не упускала ни единого свидания с ним вне дома — как на людях, так и наедине. С 19 по 27 октября Дантес, в очередной раз простудившись петербургской осенью, был болен и официально освобожден от несения службы. Катрин, конечно, стремилась навещать больного в условленное, безопасное от встреч с другими посетителями, время. Но остаться никем не замеченной было невозможно — у Дантеса были приятели, которые тоже навещали его. Так, однажды ее заметил один из братьев Карамзиных, что впоследствии дало ему право свидетельствовать о Катрин, что она «так долго играла роль сводни, стала в свою очередь любовницей, а затем и супругой»¹²⁵. Но в тот момент он остался безмолвным наблюдателем, хотя вполне мог обратиться к ней как лермонтовский Арбенин к баронессе Штраль, случайно столкнувшись с завалированной вдовой у князя Звездича:

Лишь объясните мне, какую властью
 Вот этот купидон — вас вдруг околдовал?
 Зачем, когда он сам бесчувствен, как металл,
 Все женщины к нему пылают страстью?
 Зачем не он у ваших ног с тоской,
 С молением, клятвами, слезами?
 А... вы... вы здесь одни... вы женщина с душой,
 Забывши стыд, пришли ему предаться сами...

Катрин же, только оставшись с ним вдвоем, могла отыграть за бесполезно прошедшую юность и питать хрупкие мечты на счастливое будущее. Только будучи с ним *tête-à-tête* можно было не делить его ни с кем, блаженно закрыть глаза на все уколы ревности и приглушить

¹²⁵ Цит. по: Вокруг Пушкина, указ. соч. С. 214.

комплекс «не своих саней», который тоже давал постоянный повод для беспокойства: Дантес, во-первых, был ее моложе, во-вторых, став наследником Геккерна, сделался богат, в-третьих, он был в большой моде, считался красавцем и нравился многим женщинам. Особенно Идалии Полетике — дальней родственнице сестер Гончаровых, которая была женой товарища по полку и приятеля Дантеса. Может быть, именно это обстоятельство уберегало его от многообещающей, однако хлопотной и чреватой служебными неприятностями, забавы с Идалией.

Но — такова светская жизнь — ни Катрин не была в силах исключить встречи Дантеса с ее сестрой и другими дамами, ни Пушкин не мог препятствовать пересечениям своей жены с ним.

1 ноября Дантес, считаясь выздоровевшим, решил для разнообразия зайти вечером к Вяземским. Неожиданно для себя (понятия не имея, что в кабинете хозяина дома князя Вяземского в присутствии других знакомых Пушкин читал только что законченный роман «Капитанская дочка») он оказался единственным мужчиной в гостиной и ему удалось провести с Натальей Николаевной, которая не присутствовала при чтении, час за разговорами. Не на шутку взволновавшись, он, однако, достаточно хорошо владел собой, стараясь выглядеть веселым, и так продержался до 11 часов. Дома у него обнаружилась высокая температура, всю ночь он не сомкнул глаз и т.д. Явно находясь в состоянии возврата недолеченной болезни, которое он интерпретирует как любовную лихорадку, лишаящую его рассудка, он — «смелей здорового больной» — пишет об этом Геккерну, умоляя выполнить срочный приказ: в ближайший вечер провести беседу «с известной дамой», куда для этого пойти, где найти, что сказать, в чем выразить уверенность, на что намекнуть и — даже — чем припугнуть... И весь этот военный план предваряет указание: «нужно откровенно поговорить с ней, но так, чтобы сестра их не слышала»¹²⁶. Все-таки он не был уж совсем «бесчувствен, как металл» и проявил заботу¹²⁷ о Катрин... Наталья Николаевна была редкой красоты и притягательности, однако любовь и преданность Катрин были не меньшей редкостью.

* * *

В Париже примерно по тем же нотам, что и Дантес в Петербурге, разыгрывал свою партию его литературный собрат майор де Шатофор.

¹²⁶ Цит. по: *Старк*, указ. соч. С. 333.

¹²⁷ Ср: «...он, по-моему, придерживается того взгляда, что к девице надо относиться бережнее, чем к женщине, ибо она больше теряет». «О.С. Письмо 57. От виконта де Вальмона к маркизе де Мертей».

Они и внешне очень похожи: «Это был молодой офицер, обладавший очаровательной наружностью, крайне любезный, фатоватый, которому очень покровительствовал военный министр».

У каждого из них есть любящий старший друг-покровитель, которому можно поверять сердечные тайны или просить о разного рода услугах в полной уверенности, что друг не подведет. Так, Шатофор «всегда обращался к Перену, когда нужно было заменить его по службе или когда ему требовался секундант». Кроме того, Мериме подчеркивает, что «почти во всех отношениях Шатофор был «прямая противоположность майору Перену. Тем не менее они почему-то дружили и видались ежедневно».

Отношения Дантеса с Геккерном — о них мы можем судить по их письмам, — куда более сложные, нежели у пары Шатофор — Перен, и Дантес мастерски умеет играть на струнах сердца полюбившего его Геккерна, то журуя (по принципу милые бранятся только тешатся), то осыпая благодарностями и всегда извлекая для себя пользу: «Приехав в Россию, я ожидал, что найду там только чужих людей, так что вы стали для меня провидением! Ибо друг, как вы говорите, слово неточное, ведь друг не сделал бы для меня того, что сделали вы, еще меня не зная. Наконец, вы меня избаловали, я к тому привык, так скоро привыкаешь к счастью, а вдобавок — снисходительность, которой я никогда не нашел бы в отце»¹²⁸.

Каждый из молодых людей делится со старшим другом своими любовными хлопотами, правда, первые признания Дантеса в письме Геккерну от 20 января 1836 года намного страстнее, чем простая констатация Шатофора, но оба они называют одинаково предмет своего поклонения, один — «самой хорошенькой женщиной в Париже», другой — «самое прелестное создание в Петербурге»¹²⁹. В маленьком письмеце на атласной английской бумаге, написанном красивым бисерным почерком, которым Жюли приглашает на обед Шатофора вместе с его другом Переном, молодой человек обнаруживает с ее стороны все признаки влюбленности и заявляет своему другу, который этого не почувствовал, что «нужно быть слепым, чтобы не видеть его страстности». Дантес тоже признается, что его любовь взаимна: «она также любит меня»¹³⁰. И тот и другой равным образом отдают должное мужу возлюбленной, Дантес: «муж возмутительно ревнив»¹³¹, Шатофор: «Я знаю, что муж с ней очень плохо обращается».

¹²⁸ Прожогин, указ. соч. С. 305.

¹²⁹ Там же. С. 311.

¹³⁰ Там же.

¹³¹ См. ссылку ¹¹⁶.

Оба молодых человека просят об услуге сходного рода — довести до сведения дамы все признаки страстной любви. Просьба Шатофора: «Скажите ей, что с некоторых пор, как вы замечаете, я сделался грустным, перестал разговаривать, перестал есть...

— Еще чего! — воскликнул Перен, громко расхохотавшись, отчего трубка его заплясала самым забавным образом. — Этого я никогда не смогу сказать в лицо госпоже де Шаверни. Еще вчера вечером вас чуть не на руках унесли после обеда, который нам давали сослуживцы.

— Да, но рассказывать ей об этом — совершенно лишнее. Пусть она знает, что я в нее влюблен. А эти писаки-романисты вбили женщинам в голову, что человек, который ест и пьет, не может быть влюбленным».

Дантес просит в вышеуказанном письме Геккерну, писавшемся в ночь с 1 на 2 ноября: «Я решился прибегнуть к твоей помощи и умоляю исполнить вечером то, что ты мне обещал. Ты обязательно должен поговорить с нею, чтобы я, наконец, знал, как мне быть... ты расскажешь ей о том, что со мной вчера произошло по возвращении, так, словно ты был свидетелем: будто мой слуга перепугался и прибежал разбудить тебя в два часа ночи, ты меня долго расспрашивал, но так ничего и не смог от меня добиться... и тут было бы недурно в разговоре намекнуть ей, будто ты убежден, что отношения у нас куда более близкие, чем на самом деле, но тут же найди возможность, как бы оправдываясь, дать ей понять, что, во всяком случае, если судить по ее поведению со мной, их не может не быть»¹³².

Шатофор, являясь поклонником замужней молодой дамы, оказывает ей определенные знаки внимания: он проявляет услужливость, галантность и любезность, он принят в ее доме, сопровождает ее с мужем в театр — место людное и потому исключительно подходящее для стратегических действий: «У Шатофора были свои расчеты, и он находил уместным казаться взволнованным. Бросив украдкой взгляд на зрительный зал, он с удовольствием заметил, что бинокли многих знакомых направлены на их ложу. Он испытывал чувство удовлетворения при мысли, что большинство его друзей завидует его счастью, по-видимому, считая это счастье более полным, чем оно было в действительности». Таким образом, оба они, как охотники на дичь, расставляли ловушки и продвигались к так называемому «полному счастью»¹³³.

Майору Перену не удалось выполнить поручение Шатофора — за обильным столом с прекрасным вином он сильно увлекся обсужде-

¹³² Цит. по: *Старк*, указ. соч. С. 333—334.

¹³³ Ср: «Будем же откровенны: в наших связях, столь же холодных, сколь и мимолетных, то, что мы именуем счастьем, — всего лишь удовольствие». «О.С. Письмо 6. От виконта де Вальмона к маркизе де Мертей».

нием ножек танцовщиц с сослуживцами. Но Шатофор не обиделся — он в стороне от товарищей, сделав вид, что ему, также, как Жюли, отвратительны их казарменные шутки, музицировал с ней у рояля. Выходя после обеда от Шаверни, он объявил другу Перену, «что вечер не пропал даром, и дела его продвинулись вперед».

Старший Геккерн, получивший от своего приемного сына указания к действию, отправился вечером 2 ноября с возложенной на него ответственной миссией к баварскому посланнику графу Лерхенфельду. Действуя по плану, нашел мадам Пушкину и сообщил ей, что его приемный сын умирает от любви к ней, заклинал спасти сына, тем более, что ее поведение в глазах света — так он претворял в реальность сыновний наказ — уже все равно нельзя считать безупречным¹³⁴.

Наталья Николаевна, напуганная и оскорбленная речами старшего барона, остереглась, однако, по возвращении домой поставить мужа в известность, боясь вызвать неизбежное осложнение семейных отношений с напоминанием, мол, я говорил: «не знаешь, на кого нападешь». Но если она для облегчения души поделилась этим кошмаром с сестрами, то Екатерине Николаевне пришлось или с показным сочувствием, или, просто не подавая вида, проглотить эту горькую пилюлю, от которой Дантес хотел ее уберечь. Впрочем, может быть, Наталья Николаевна передала оскорбительные намеки старшего барона одной, более ей близкой, Саше, а Катя в эту ночь уснула спокойно.

Только 4 ноября — уже после того, как с утренней почтой Пушкин получил подлое анонимное письмо в двойном конверте и узнал от нескольких человек из самого близкого окружения о получении подобных, «жена все мужу рассказала» и показала все адресованные ей Дантесом записки вкупе с его мелкими дарами¹³⁵. Конечно, у Пушкина после такого признания и ознакомления с «автографами» Дантеса были все основания полагать, что анонимный пасквиль — это Геккернов рук дело. Уже вечером того же 4 ноября он послал лаконичный

¹³⁴ Ср.: «Вы не хуже меня знаете, что для общественного мнения иметь любовника или только принимать чьи-то ухаживания — это совершенно одно и то же, если, конечно, мужчина не дурак. <...> Если он добьется хотя бы видимости, то начнет хвастать, а этого будет достаточно. Глупцы поверят, недоброжелатели сделают вид, что поверили». «О.С. Письмо 76. От виконта де Вальмона к маркизе де Мертей».

¹³⁵ На Комиссии военного суда 10 февраля 1837 года Дантес показал: «Посылая довольно часто к г-же Пушкиной книги и театральные билеты при коротких записках, полагаю, что в числе оных находились некоторые, коих выражения могли возбудить его щекотливость, как мужа, что и дало повод ему упомянуть о них в своем письме к барону де-Геккерну 26 числа Генваря, как дурачества, мною писанные... к тому же присовокупляю, что вышеупомянутые записки и билеты были мною посылаемы к г-же Пушкиной прежде, нежели я был женихом».

СБК, указ. соч. [Т. 4]: 1826–1908. 1908. С. 86.

URL: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01003966998#?page=101>

и корректный вызов младшему, которого справедливо счел виновным в оскорбительной для него и жены ситуации.

Неизвестно, кто вместе с Натальей Николаевной и Дантесом, оставаясь в гостиной, не слушал вечером 1 ноября авторское чтение «Капитанской дочки» в кабинете князя Вяземского, а, стараясь не мешать беседе кавалергарда с мадам Пушкиной, как раз пытался услышать, о чем именно они беседуют. Вряд ли Геккерну-старшему 2 ноября на вечере у баварского посланника была нужда, чтоб наряду с Катрин ни одна другая живая душа не слышала его своднических увещеваний и откровенных намеков, заставлявших терять голову Наталью Николаевну, — скорее, он был заинтересован, чтобы кое-что коснулось посторонних ушей, а состояние мадам Пушкиной — посторонних глаз. С какой скоростью распространялись сочиненные бредни и передавались сплетни в обществе, например, о сумасшествии Чацкого, Грибоедов отразил в «Горе от ума», а Лермонтов — об измене мужу Нины Арбениной — в «Маскараде». Уже 3 ноября какими-то теми, что «для потехи раздували чуть затаившийся пожар», был переписан в нескольких экземплярах и разослан по городской почте «диплом ордена рогоносцев», выписанный на имя Мг. Alexandre Pouchkine. А может быть, он был изготовлен (по уже существующим для подобных потех образцам, доставляемым из-за границы) заранее и пущен в ход в подходящий момент. Идалия ли Полетика, изо всех сил стремившаяся отличиться и заслужить благосклонность Дантеса, Александр ли Трубецкой, завистник и соперник Дантеса, с поразительной быстротой донесший до Барятинских сведения об окончательном отказе мадам Пушкиной, его товарищи-сослуживцы, их возлюбленные? Все те же грибоедовские безыменные Г. Н. и Г. Д., не рассекреченные и поныне... Их было много, Пушкин — один.

5 ноября в связи с получением вызова на дуэль в дом на Мойке явился Геккерн-старший, будто бы по ошибке распечатавший письмо с вызовом на имя младшего, находящегося на дежурстве, и просил у Пушкина отсрочки на 24 часа.

6 ноября в срочном порядке прибыл Жуковский, за которым Наталья Николаевна послала брата Ивана Николаевича. Геккерн нанес вторичный визит по истечении 24 часов и получил от Пушкина отсрочку на 2 недели.

Об этой передышке и о своих действиях старший извещает младшего, снова находившегося на дежурстве, и получает от него благодарственный ответ: «Всецело на тебя полагаюсь, какое бы решение ты ни принял, так как заранее убежден, что в этом деле ты станешь действовать успешней, чем я». В этой же короткой записке он целых два раза поминает Катрин: «ты не пишешь, виделся ли ты с сестрой

у тетки» и со всей похвалой: «Во всем этом Екатерина — доброе создание, она ведет себя восхитительно»¹³⁶. Видимо, к моменту написания этой записки, то есть в ночь с 6 на 7 ноября, младший уже поставил старшего в известность о своих отношениях с Екатериной Николаевной, от которой сам мог услышать накануне сообщение о ее вероятной беременности. Возможно, что именно эта новость заставила Дантеса понервничать до такой степени, что 4 ноября, в ответственный день инспекторского смотра Кавалергардского полка, он так нерадиво исполнял свои обязанности командира взвода, что был наряжен — один из всех кавалергардских офицеров — на пять дежурств вне очереди.

Из двух зол, обрушившихся одновременно на его обожаемого сына — или дуэль с возможным смертельным исходом, а если и не смертельным, то с угрозой катастрофы всей грядущей карьере; или бесперспективная женитьба на некрасавице и бесприданнице, ожидающей ребенка от Жоржа, хитроумный Геккерн комбинирует и выбирает зло меньшее, раз уж сын хочет руководствоваться благородными намерениями по отношению к забывшей честь девице Екатерине Гончаровой.

7 ноября с посреднической миссией для разрешения конфликта к Геккерну приехал Жуковский, который был ошеломлен сообщением посланника, что его приемный сын влюблен в мадемуазель Гончарову, что уже давно он умоляет дать согласие на брак с нею, однако он раньше ему отказывал, «находя этот брак неподходящим»¹³⁷, но «теперь, видя, что этот отказ привел к заблуждению, грозящему печальными последствиями, он наконец дал свое согласие»¹³⁸. Известно, до какой степени эта новость, которая явно сулила, по мнению Жуковского, надежду на примирение сторон, взбесила Пушкина, усмотревшего в ней лишь трусливое уклонение от дуэли с последующим уклонением и от женитьбы. Вечером того же дня, когда Жуковский снова отправился к Геккерну сообщить, что противная сторона не верит в серьезность намерений Дантеса в отношении девицы Гончаровой, Пушкин рассказал жене о предполагаемом сватовстве. Наталья Николаевна не могла поверить и свести концы, настолько эта новость не укладывалась у нее в голове. Ведь еще недели не прошло со 2 ноября, когда ее заклинали спасти жизнь того, кто умирал от любви к ней, а тут вдруг он собирается свататься к ... сестре!? Впечатление Пушкина от восприятия этой новости Натальей Николаевной известно по лаконичной горькой записи Жуковского: «Его слезы...»¹³⁹.

¹³⁶ Цит. по: *Старк*, указ. соч. С. 345.

¹³⁷ *Шеголев*, указ. соч. С. 260.

¹³⁸ Там же.

¹³⁹ Там же. С. 307.

Пораженная Наталья Николаевна не могла не поделиться с сестрами таким оборотом дел. Какую мину на лице изобразила Катрин при этом сообщении: невинного изумления, или на нем проявились черты тайного, или даже явного, превосходства? Мечта, которой она так давно и так страстно жила, начинала осуществляться. Во всяком случае, слово «сватовство» было произнесено и лишь бы дальше события развивались в нужном русле.

Что касается Александрины, то она хоть и была физически так же близорука, как и обе ее сестры, однако славилась своей проницательностью и сама про себя говорила: «ничто от меня не скроется»¹⁴⁰. Как летом на даче, так и осенью в городе, от нее невозможно было скрыть или ей объяснить неожиданные отлучки на тайные свидания, а теперь и некоторые физиологические подробности, вернее, их отсутствие, то есть положение, в котором очутилась Катрин.

Александрина и сама была взаимно, но бесперспективно (из-за отсутствия состояния у обоих) увлечена Аркадием Россетом — одним из двух братьев Александры Осиповны Смирновой, но, верная полученному воспитанию, никогда не позволяла себе ничего, казавшегося ей неприличным, безвкусным или пошлым.

Будучи в курсе того, насколько далеко у Катрин зашло дело с Дантесом, Саша уяснила логику внезапного сватовства, и уже нельзя было не поставить об этом в известность младшую сестру.

Когда у Натальи Николаевны «мечтанья с глаз долой и спала пелена», она, надо полагать, передала эту новость мужу именно таким образом, каким Пушкин позже, в последнем письме, изложил старшему Геккерну: «Моя жена, удивленная такой пошлостью, не могла удержаться от смеха, и то чувство, которое, быть может, и вызывала в ней эта великая и возвышенная страсть, угасло в отвращении самом спокойном и вполне заслуженном» (10, 602; пер. с франц. 10, 870).

8 ноября старший Геккерн последовательно проводит свою линию, нанося очередной визит тетке Загряжской и повторяя ей то же самое, что накануне Жуковскому, — о намерении дать согласие на брак своего сына с ее племянницей. 9 ноября он продолжает переговоры с Жуковским, вновь настойчиво повторяя, что сын влюблен в Катрин, женится на ней, и для дуэли нет никаких оснований, но пока Пушкин не возьмет назад свой вызов, сын не может сделать официальное предложение. Геккерн через Жуковского, которому тот отвел роль «беспристрастного свидетеля»¹⁴¹, передал Пушкину письменный план примирительного свидания противников, протокольно расписав по ролям, кто что должен говорить и как на

¹⁴⁰ Вокруг Пушкина, указ. соч. С. 329.

¹⁴¹ *Абрамович*, указ соч. С. 133.

что отвечать. От участия в такого рода комедии поэт решительно отказался, и у него в этот день было два бурных объяснения с Жуковским: сначала дома, потом, после получения от него записки, вне дома, где он еще раз объяснил, что младший Геккерн трус и, обещая жениться, хочет ускользнуть от поединка, а спустя время — и от женитьбы. Этот поистине безумный и мучительный день закончился тем, что Пушкин не принял геккерновского плана примирения и не отказался от своего вызова.

И без того ненадежное счастье Катрин недосыгаемым журавлем улетало в небо.

В этот день, садясь за письмо к брату, она и не думает таить, что ей «тоскливо до смерти»¹⁴². Слегка отвлекшись в начале письма на дела по оплате корсетов, она не в состоянии скрыть от брата свои горести, но пишет о них в самых общих чертах: «мое счастье уже безвозвратно утеряно, я слишком хорошо уверена, что оно и я никогда не встретимся на этой многострадальной земле, и единственная милость, которую я прошу у Бога, это положить конец жизни столь мало полезной, если не сказать больше, как моя. Счастье для всей моей семьи и смерть для меня — вот что мне нужно, вот о чем я беспрестанно умоляю Всевышнего. Впрочем, поговорим о другом, я не хочу, чтобы тебе, спокойному и довольному, передалась моя черная меланхолия»¹⁴³.

Все у нее с самого начала шло не как у людей, а тайными рискованными дорожками, которые все же могли привести к желанному исходу. Но вдруг все повисло на волоске и виноват в этом — Пушкин. Совсем недавно она не знала, как сможет «когда-нибудь отблагодарить Ташу и ее мужа»¹⁴⁴ ... Теперь же, как сказочная избушка, она повернулась к Пушкину задом, к его противникам — передом. А что Пушкин? Мавр сделал свое дело. Сестры и тетка, слава Богу, стараются ей помочь, хоть бы они его уговорили, чтобы он перестал тянуть и — ну что ему стоит! — помирился бы с Жоржем, который решительно ни в чем не виноват...

За последующие 8 дней пришлось ей много чего пережить — до самого 17 ноября, когда Пушкину во время обеда вручили визитные карточки и он, извинившись перед дамами, вышел из-за стола к посетителям, ждавшим в кабинете, — своему секунданту графу Владимиру Александровичу Соллогу и секунданту Дантеса виконту д'Аршиаку. Надо полагать, Катрин в который раз молилась и призывала все свое самообладание. После переговоров с ними Пушкин вернулся к столу и прежде всего обратился к ней со словами: «Поздравляю,

¹⁴² Вокруг Пушкина, указ. соч. С. 319.

¹⁴³ Там же. С. 321.

¹⁴⁴ См. ссылку⁵⁵.

вы невеста! Дантес просит вашей руки»¹⁴⁵. Тут она не выдержала — бросила салфетку и побежала к себе. Накануне, 16 ноября, не имея больше терпения, она сорвалась: на раут в великолепный особняк австрийского посольства, на котором все дамы были в черном из-за объявленного при дворе траура по случаю смерти Карла X, она одна явилась в белом платье и демонстративно принимала ухаживания молодого Геккерна. Ее поведение до официального объявления помолвки так раздражило измученного до предела Пушкина, что он, подойдя к ним, запретил ей говорить с Дантесом, которому тоже успел сказать несколько крепких слов.

Но вот худой мир вследствие двухнедельных переговоров противников с помощью секундантов, ближайших друзей и родственников был достигнут. Одной из самых заинтересованных в нем была тетка Екатерина Ивановна: любя и Пушкина, и племянниц, которым была в Петербурге вместо матери, она очень хотела выдать замуж старшую. Когда папаша Геккерн 6 ноября вдруг посетил ее (Дантес вечером его в записке спрашивал: «Виделся ли ты с сестрой у тетки?»¹⁴⁶), то, надо полагать, он сообщил ей еще до Жуковского, с которым завел подобный разговор на следующий день 7 ноября, о матримониальных планах сына. Вероятней всего, он сразу довел до тетушкиного сведения причину, по которой это совершенно необходимо сделать в интересах их семьи. После того, как конфликт был улажен, Загрязская отписала Жуковскому: «Слава Богу кажется все кончено. Жених и почтенный его батюшка были у меня с предложением. К большому счастью за четверть часа пред ними из Москвы приехал старший Гончаров и объявил им Родительское согласие, и так все концы в воду»¹⁴⁷. Самые последние слова тетушки касаются Екатерины Николаевны, у которой, не приведи Господи, вследствие дальнейших проволочек тайна, известная самой близкой родне, могла стать явью. К словам тетки примыкают и высказанные вначале устно, а потом подтвержденные письменно, слова Пушкина в самом конце его письма секундантам насчет решения г-на Жоржа Геккерна объявить о своем намерении жениться на мадемуазель Гончаровой после дуэли: «У меня нет никаких оснований приписывать его решение соображениям, недостойным благородного человека» (10, 601; пер. с франц. 10, 869).

Мол, раз «обрухатил» и готов жениться — пусть женится, но когда Д'Аршиак от имени Дантеса «позволили себе обещать», что Пушкин будет «обходиться со своим зятем как со знакомым», ответ был запальчивым и однозначным: «никогда между домом Пушкина и домом

¹⁴⁵ *Шеголев*, указ. соч. С. 106.

¹⁴⁶ См. ссылку ¹³⁶.

¹⁴⁷ *Шеголев*, указ. соч. С. 315.

Дантеса ничего общего быть не может»¹⁴⁸. Как бы противники ни настаивали, чтобы отказ Пушкина от дуэли был таким же кратким, как и его вызов, однако Пушкин навсегда зафиксировал причину своего отказа упоминанием имени мадемуазель Гончаровой и желанием его противника жениться на ней¹⁴⁹.

И хоть Пушкин чувствовал себя победителем, никак не выходило, что у него все до свадьбы заживет. Не заживало, мучило, заставляя исходить желчью. Тем более что молва с помощью дипломатического искусства папаши Геккерна и временного примерного поведения жениха Екатерины Николаевны придала Дантесу ореол романтического мученика и рыцаря, пожертвовавшего для сохранения чести Прекрасной Дамы своей свободой. Игра в рыцарство тоже была общим местом у Дантеса и Шатофора, проводящего свою политику оболыщения в театральной ложе, где он на время оказался с Жюли наедине:

«— Как я жалею, что прошли рыцарские времена!

— Рыцарские времена? Почему? — спросила Жюли. — Должно быть, потому, что, по вашему мнению, к вам пошел бы средневековый костюм?

— Вы считаете меня большим фатом! — сказал он с горечью и печалью. — Нет, я жалею о тех временах потому, что человек смелый... тогда... мог добиться... многого. В конце концов достаточно было разрубить какого-нибудь великана, чтобы понравиться даме...»

* * *

Геккерны устроили так, что у Пушкина 21 ноября «пальцы просятся к перу, перо к бумаге» не для стихов, а чтобы выразить все, что накопело у него на душе от их забав. Какие уж там «стихи свободно потекут»... Письмо папаше Геккерну вечером того же дня Пушкин прочитал своему недавнему секунданту Соллогубу, которому довелось увидеть всю бурю чувств: «Пока он читал письмо, губы его дрожали, а глаза налились кровью»¹⁵⁰. Напуганный Соллогуб привел Жуковского, сумевшего уговорить не отсылать письмо, и он же пообещал

¹⁴⁸ Пушкин в восп., указ соч. С. 344—345.

¹⁴⁹ На поставленный впоследствии (11 февраля 1837) Комиссией военного суда вопрос: «вследствие чего... тогда же <Пушкин. — М. Л.> вызвал вас на дуэль, которая не состоялась потому, что вы предложили ему жениться на его свояченице, но вместе с тем требовал от вас, чтобы не было никаких сношений между двумя вашими семействами...»

Дантес возразил, что он «не согласен с тем, что уклонился от дуэли предложением жениться на его свояченице». СБК, указ. соч. [Т. 4]: 1826—1908. 1908. С. 86—87. URL: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01003966998#?page=101>.

¹⁵⁰ Пушкин в восп., указ. соч. С. 345.

переговорить с Бенкендорфом, а то и с самим императором. Для грядущей аудиенции Пушкин приготовил другое письмо, объясняющее семейные обстоятельства последнего времени и поведение Геккернов.

Итак, помолвка официально объявлена, что открыло необозримый простор для сплетен. «Пошла догадка за догадкой»... Подруга императрицы Софи Бобринская делится с мужем: «Никогда еще, с тех пор как стоит свет, не подымалось такого шума, от которого содрогается воздух во всех петербургских гостиных. Геккерн-Дантес женится! Вот событие, которое поглощает всех и будоражит пустую молву»¹⁵¹. И честно сознается, не видя в этом ничего предосудительного: «Ничем другим я вот уже целую неделю не занимаюсь, и, чем больше мне рассказывают об этой непостижимой истории, тем меньше я что-либо в ней понимаю»¹⁵². Только после приема Пушкина императором 23 ноября «секрет» женитьбы Дантеса прояснился императрице, которая не могла не поделиться им со своей подругой Софьей Александровной Бобринской.

Как это ни странно, но и дамы Карамзины – Екатерина Андреевна и ее падчерица Софья Николаевна, будто Пушкин еще 10 ноября им не рассказывал всю предысторию внезапного сватовства Дантеса, (за что ему потом выговаривал Жуковский, который в качестве посредника переговоров настаивал на соблюдении тайны) удивляются вместе с остальными. Особенно отличается, конечно, невоздержанная на язык Софья Николаевна в письме к брату: «Я должна сообщить тебе еще одну любопытную новость – про ту свадьбу, про которую пишет тебе маменька; догадался ли ты? Ты хорошо знаешь обоих этих лиц, мы даже обсуждали их с тобой, правда, никогда не говоря всерьез. Поведение молодой особы, каким бы оно ни было компрометирующим, в сущности, компрометировало только другое лицо, ибо кто смотрит на посредственную живопись, если рядом Мадонна Рафаэля? А вот нашелся охотник до этой живописи, возможно потому, что ее дешевле можно приобрести. Догадываешься? Ну да, это Дантес, молодой, красивый, дерзкий Дантес (теперь богатый), который женится на Катрин Гончаровой, и, клянусь тебе, он выглядит очень довольным, он даже одержим какой-то лихорадочной веселостью и легкомыслием, он бывает у нас каждый вечер, так как со своей нареченной видится только по утрам у ее тетки Загряжской»¹⁵³.

Это прежде никто Екатериной Николаевной не интересовался и к ней не присматривался, теперь же на нее направлены все взоры и наведены все лорнетки. «Посредственная живопись», «некрасивая,

¹⁵¹ *Востокова Н. Б.* Пушкин по архиву Бобринских // Прометей. 1974, Т. 10. С. 266.

¹⁵² Там же.

¹⁵³ Цит. по: *Старк*, указ. соч. С. 360.

черная и бедная», «дылда, похожая на ручку от метлы», «влюбилась по уши», «вторилась без памяти» — это только то немногое, что дошло до нас от пересудов стоустой молвы. Для них ее свадьба была внезапной и необъяснимой, но какой же долгой и вымученной для нее...

Однако до свадьбы надо было еще дожить, и она буквально считает каждый прожитый день: «Пока все идет хорошо, — пишет Катрин брату 4 декабря, — только признаюсь, что я жду конца всего этого со смертельным нетерпением, мне остается еще 4 недели и 4 дня»¹⁵⁴.

В тот же день, 4 декабря, уходя с именин жены Греча и надевая поданную лакеем медвежью шубу и меховые сапоги, Пушкин пожаловался: «Все словно бьет лихорадка, все как-то везде холодно и не могу согреться; а порой вдруг невыносимо жарко. Нездоровится что-то в нашем медвежьем климате. Надо на юг, на юг!»¹⁵⁵. Пушкина, жизнь которого и так проходила «меж горестей, забот и треволнения», втравили еще в эту гнусную историю, портившую ему кровь и отнимающую спокойствие.

От брата Катрин получила 5 тысяч на приданое и в срочном порядке ведет речь о заказе шубки из песка и о многом другом, находя все эти хлопоты «вещью отвратительною». Того же мнения и Пушкин, сообщаящий в письме, написанном в конце декабря, своему отцу о предстоящей свадьбе: «Шитье приданого сильно занимает и забавляет мою жену и ее сестер, но приводит меня в бешенство. Ибо мой дом имеет вид модной и бельевой лавки» (10, 616; пер. с франц. 10, 877). В конце письма он не может не подвести печальный годовый итог: «в этом году я довольно плохо устроил свои дела, следующий год будет лучше, надеюсь» (там же).

Все это время обожаемый Катрин Жорж пишет ей, называя «добрый», «милой», «дорогой» нежные любовные послания, уверяет, что «будущее ей улыбается», призывает не волноваться, подчиняется ее «высочайшим повелениям»¹⁵⁶, поздравляет с именинами, умоляет отгонять всякую боязнь, убеждает, что «кем бы мы ни были окружены — я вижу и буду видеть только вас; я — ваш, Катенька, вы можете положиться на меня, и, если, вы не верите словам моим, поведение мое докажет вам это»¹⁵⁷. Еще 16 ноября, в день, когда переговоры с Пушкиным почти приблизились к завершению, Дантес письменно инструктировал своего секунданта: «Необходимо, следовательно, определенно констатировать, что я сделаю предложение m-lle (Catherine) Екатерине не из-за соображений сатисфакции или ула-

¹⁵⁴ Вокруг Пушкина, указ. соч. С. 324.

¹⁵⁵ Цит. по: *Старк*, указ. соч. С. 368.

¹⁵⁶ *Витале, Старк*, указ. соч. С. 179, 182.

¹⁵⁷ Там же. С. 185.

жения дела, а только потому, что она мне нравится, что таково мое желание и что это решено единственно моей волей»¹⁵⁸.

Записка эта никак не могла быть прочитана Екатериной Николаевной и, скорее всего, Дантес достаточно искренне определил здесь степень своих чувств к ней: она ему нравилась...

Они не только открыто встречаются согласно достигнутой договоренности у тетки с 12 до 2 часов в свободные от его дежурств дни, но продолжают свои тайные свидания наедине, тем более что он опять захворал. Простудилась и она — в одной из записок конца декабря Дантес передает поручение папаши Геккерна «побранить» ее, за то, что она мало заботится, чтобы вылечить простуду. Вряд ли старший Геккерн проявил заботу о Катрин — он заботился о здоровье будущего наследника. В этой же записке речь идет и о том, что понятно только им двоим: «надеюсь, завтра не будет препятствий повидаться с вами, так как мне любопытно посмотреть, сильно ли выросла *картошка* с прошлого раза»¹⁵⁹. Касалось ли это проявления простудной лихорадки на губе, увеличивающейся ли родинки на груди или на животе, самого ли живота?.. Во всяком случае, здесь же он пишет, что относится к ней «почти как к супруге»¹⁶⁰. Она просит портрет Жоржа, но старший барон, которому принадлежит портрет, не уступает, мол, «я отдал ей “оригинал”, а копию сохраню себе». Но, видимо, позже уступил, и она, отправив его матери, спрашивает у брата: «Находит ли Маминька Жоржа красивым по портрету»¹⁶¹. О, как она мечтает, чтобы все было как у людей: «Мне очень хочется, чтобы в этот день собралась вся моя семья, я уверена заранее в добрых мне пожеланиях»¹⁶².

Приблизились зимние праздники, а с ними и соответствующие им блеск и увеселения с развлечениями: балы, приемы, театр, дружеские вечера у Вяземских, Карамзиных, опять неизбежные пересечения Пушкина в обществе жены и своячениц с Дантесом под пристальными взглядами окружающих, которые, как, например, Софи Карамзина, без малейшего сочувствия к Пушкину, упражняется в острологии: «снова начались кривляния ярости и поэтического гнева; мрачный, как ночь, нахмуренный, как Юпитер во гневе, Пушкин прерывал свое угрюмое и стеснительное молчание лишь редкими, короткими, ироническими, отрывистыми словами и время от времени демоническим смехом. Ах, смею тебя уверить, что это было ужасно смешно»¹⁶³.

¹⁵⁸ *Щеголев*, указ. соч. С. 315.

¹⁵⁹ *Витале, Старк*, указ. соч. С. 188—189.

¹⁶⁰ Там же. С. 190.

¹⁶¹ Вокруг Пушкина, указ. соч. С. 324.

¹⁶² Там же.

¹⁶³ Друзья Пушкина, указ. соч. Т. 1. С. 548.

Напрасно Пушкин старался хоть кого-нибудь из них посвятить в истинную причину только что улаженного конфликта, никому до этого не было дела, как подчеркивает Софи Карамзина в письме к брату: «Надо было видеть, с какой готовностью он рассказывал моей сестре Катрин <Мещерской> обо всех темных и наполовину воображаемых подробностях этой таинственной истории, совершенно так, как бы он рассказывал ей драму или новеллу, не имеющую к нему никакого отношения»¹⁶⁴; «Пушкин продолжает вести себя самым глупым и нелепым образом; он становится похож на тигра и скрежещет зубами всякий раз, когда заговаривает на эту тему, что он делает весьма охотно, всегда радуясь новому слушателю»¹⁶⁵.

Когда-то, едва услышав «Горе от ума» из уст Пушина, навестившего его в Михайловском, Пушкину не терпелось поделиться впечатлением, и он написал тогда А.А. Бестужеву про Чацкого: «Но кому говорит он все это? ... Это непростительно. Первый признак умного человека — с первого взгляду знать, с кем имеешь дело» (10, 122). И вот сам мечет бисер, и его, как Чацкого, даже в самых, как ему казалось, дружественных кругах, называют сумасшедшим, во всяком случае, А.И. Тургенев — близкий Пушкину человек, после обсуждения у Вяземских 2 января истории четы Пушкиных и Дантеса, записал чьи-то слова: «О новостях у Вязем. Поэт — сумасшедший»¹⁶⁶. Предпоследняя страница пушкинской драмы заканчивается так же на полуслове, как у Чацкого в предпоследнем третьем акте комедии Грибоедова: «*Оглядывается, все в вальсе кружатся с величайшим усердием...*». В ту зиму танцевали много, что подчеркивает неутомонная Софи Карамзина: «Как любят танцевать в Петербурге! Это прямо какое-то бешенство»¹⁶⁷. Монолог о французике из Бордо, который «чувствует себя здесь маленьким царьком», повис в воздухе.

Между танцами всем забавно наблюдать, что Натали «в присутствии мужа делает вид, что не кланяется с Дантесом и даже не смотрит на него, а когда мужа нет, опять принимается за прежнее кокетство потупленными глазами, нервным замешательством в разговоре»¹⁶⁸. А Дантес, как пишет дальше Софи Карамзина, «снова, стоя подле нее, устремляет к ней долгие взгляды и, кажется, совсем забывает о своей невесте, которая меняется в лице и мучается ревностью»¹⁶⁹.

Уже официально будучи невестой и за считанные дни до свадьбы Катрин снова и снова приходится взнуздывать свою ревность, которая

¹⁶⁴ Друзья Пушкина, указ. соч. Т. 1. С. 547.

¹⁶⁵ Там же.

¹⁶⁶ Шеголев, указ. соч. С. 283.

¹⁶⁷ Цит по: *Старк*, указ. соч. С. 366.

¹⁶⁸ Друзья Пушкина, указ. соч. Т. 1. С. 547.

¹⁶⁹ Там же.

никак не может ускользнуть от слишком заинтересованного взгляда близкого окружения. Но в большом свете жених пока демонстрирует нежные чувства к своей нареченной.

Медленно, но верно приблизилось воскресенье 10 января — день бракосочетания. Накануне для участия в свадебных торжествах прибыли два брата — Дмитрий и Иван. При одевании Екатерины Николаевны присутствовала среди прочих дам все вынюхивающая и высматривающая Софи Карамзина, которой тетка Загряжская устроила сцену и воспротивилась тому, чтобы дочь покойного историкографа ехала с ними в церковь. Может быть, тетушка сама во время одевания заметила какие-то мелкие признаки состояния Катрин и ей вовсе не хотелось, чтобы на них обратила внимание вездесущая Софи и разнесла по залам и гостиным.

После православного обряда бракосочетания в Исаакиевской церкви при Адмиралтействе молодых обвенчали и в католическом костеле Святой Екатерины на Невском проспекте. Пятым свидетелем, наряду с другими четырьмя (папаша барон Геккерн; граф Г.А. Строганов; два товарища по кавалергардскому полку: полковник Александр Полетика и ротмистр Альфонс Бетанкур) был соотечественник жениха — виконт д'Аршиак. Из его уст, скорее всего, услышали молодые неперемное на французском бракосочетании довольно предусмотрительное поздравление: «*Pour le meilleur et pour le pire!*» — то есть теперь вы вместе «Для лучшего и для худшего!»

Через две недели после свадьбы старшей сестры Александра Николаевна написала брату: «Катя выиграла, я нахожу, в отношении приличия»¹⁷⁰. И брат отлично понял, о чем она говорит. Не будучи диким кабардинцем, лишившим сестру головы за запретную любовь с казаком, Дмитрий Николаевич, тайно посвященный родней в причины свадьбы Екатерины Николаевны, отреагировал на них по-своему: не желая присутствовать на свадебном обеде, они вместе с братом Иваном Николаевичем поспешили, никого не известив, ни с кем не попрощавшись, как можно скорее покинуть Петербург сразу после венчания, что потом вызвало живейшую обиду тетки Загряжской и новоиспеченной баронессы Геккерн.

С братом Дмитрием Катрин с детства была очень дружна и называла его «мой живой портрет»¹⁷¹, поскольку они и внешне похожи: оба темноволосые, с карими глазами, смуглой кожей. С ним она не может не поделиться волнениями и опасениями за свое далеко не безоблачное блаженство: «Говорить о моем счастье смешно, так как будучи замужем всего неделю, было бы странно, если бы это было

¹⁷⁰ Вокруг Пушкина, указ. соч. С. 329.

¹⁷¹ Там же. С. 301.

иначе, и все же я только одной милости могу просить у неба — быть всегда такой счастливой, как теперь. Но я признаюсь откровенно, что это счастье меня пугает, оно не может долго длиться, я это чувствую, оно слишком велико для меня, которая никогда о нем не знала иначе как понаслышке, и эта мысль единственное, что отравляет мою теперешнюю жизнь, потому что мой муж ангел, и Геккерн так добр ко мне, что я не знаю, как им отплатить за всю ту любовь и нежность, что они оба проявляют ко мне; сейчас, конечно, я самая счастливая женщина на земле»¹⁷².

Ей ли было не знать, что этот муж-ангел был способен, вроде оборотня, вдруг превратиться в свою бесовскую противоположность. Никогда нельзя было знать наперед, какие забавы с каким огнем и порохом ему придут в голову. И вот его лицо, такое красивое и выразительное, со слов многих современников, не заглядывавших дальше этой красивой оболочки, постоянно раздваивается¹⁷³, что отметил Жуковский: «После свадьбы. Два лица. Мрачность при ней. Веселость за ее спиной. — При тетке ласка к жене; при Александрине и других, кои могли бы рассказать, *des brusqueries*¹⁷⁴. Дома же веселость и большое согласие»¹⁷⁵.

Молодожены в самом центре внимания — они приглашены для поздравлений во многие великосветские дома. Ироничный князь Вяземский, ровесник, между прочим, старшего барона Геккерна, (1792 года рождения, которого Пушкин в минуту гнева назвал «старичком») и женатый на княгине Вере (на два года его старше, 1790 года рождения), делится своими впечатлениями от четы Геккернов на балу у французского посла: «Мадам Геккерн имела счастливый вид, который молодил ее на десять лет»¹⁷⁶.

Желанные ласки теперь уже в супружеской спальне стоили Катрин дорого: никогда не сметь рта раскрыть хоть для малейшего недовольства или упрека. Только восхищение, благодарность, нежность. Со стоицизмом матери, самозабвенно любящей неполноценного ребенка, она во всем ему потакает и кротко сносит все его выходки. В предоставленной Дантесу полной безнаказанности была для него своя прелесть и свобода. Сговорившись с милой Идалией Полетикой,

¹⁷² Вокруг Пушкина, указ. соч. С. 327–328.

¹⁷³ «Как часто вы жаловались на то, сколько времени приходится вам терять на поиски приключений! Теперь они у вас под рукой. Любовь, ненависть — выберите, что угодно: все спит под одной крышей. И вы можете жить в двойном обличье — одной рукой ласкать, а другой наносить раны». «О.С. Письмо 74. От маркизы де Мертей к виконту де Вальмону»

¹⁷⁴ Грубости (фр.).

¹⁷⁵ Шеголев, указ. соч. С. 308.

¹⁷⁶ Цит. по: Ахматова А. О Пушкине. Л., 1977. С. 129–130.

тоже для него на все готовой, он уже через десять дней после свадьбы заманивает Натали в ловушку на квартиру Идалии, где разыгралась пошлейшая сцена с его коленопреклонением и с пистолетом у виска¹⁷⁷. Слава Богу, в квартире оказалась дочь хозяйки, пришедшая на громкий голос возмущенной Натальи Николаевны, которой, таким образом, удалось прервать «сей неприятный tête-à-tête» и покинуть предательский дом. Стало быть, и на этот раз «никогда ничего! никогда в жизни!»

Года не прошло с 6 марта, когда он восхищался тем, что, отказав ему, она «осталась чиста и может высоко держать голову, не опуская ее ни перед кем в целом свете»¹⁷⁸, когда опасался (!) скомпрометировать ее — теперь наоборот — именно это он себе ставит целью¹⁷⁹. Сподручным примитивным средствам он обучился еще на родине у товарищей в Сен-Сире, по тем же лекалам сочинял и пускал в ход анекдоты про ревность мужа, на балах громко называл свою жену «*ma légitime*», давая понять окружающим, что, кроме законной, у него есть и другая жена, мстя за неосуществившуюся проделку с так ловко задуманным гаремом. Одним из последних шедевров его каламбурного искусства была фраза, отпущенная Наталье Николаевне, про мозоль¹⁸⁰, мол, теперь ему известно со слов общего для их с сестрой мозольного оператора, что ее мозоль более красива, чем у его жены.

¹⁷⁷ Ср.: «И вот... я решил прибегнуть к запугиванию. С этой целью я и продолжал, изменив только звук голоса, но оставаясь в прежней позе: “Здесь, у ваших ног, клянусь я либо обладать вами, либо умереть!” <...> / пока она высказывала из моих рук, я пробормотал зловещим шепотом, но так, чтобы она могла меня расслышать: “Итак, значит, смерть!”».

«О.С. Письмо 125. От виконта де Вальмона к маркизе де Мертей».

¹⁷⁸ Цит. по: *Старк*, указ. соч. С. 316.

¹⁷⁹ Ср.: «С каким наслаждением стану я мстить! <...> Я вынужден снова умолять непокорную женщину, ускользнувшую из-под моей власти! Неужто должен был испытать такое унижение? И от кого? От робкой женщины, совершенно неопытной в борьбе. Какая польза мне в том, что я воцарился в ее сердце, распалил ее пламенем любви <...> / Нет мне ни счастья, ни покоя, пока я не буду обладать этой женщиной, которую ненавижу так же пылко, как и люблю!»

«О.С. Письмо 100. От виконта де Вальмона к маркизе де Мертей».

¹⁸⁰ На утверждение Комиссии военного суда (11 февраля 1837):

«...вы даже после свадьбы не перестали дерзко обходиться с женою его, с которою встречались только в свете, давали повод к усилению мнения, поносительного как для его чести, так и для чести жены его, что вынудило его написать 26 Генваря письмо», — Дантес отвечал: «Что же касается до моего обращения с г-жею Пушкиной (то, не имея никаких условий для семейных наших сношений, я думал, что был в обязанности кланяться и говорить с ней при встрече в обществе, как и с другими дамами, тем более, что муж прислал ее ко мне в дом на мою свадьбу, что, по мнению моему, вовсе не означало, что все наши сношения должны были прекратиться». СБК, указ. соч. [Т. 4]: 1826–1908. 1908. С. 86–87.

URL: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01003966998#?page=104>.

По-французски слово «мозоль» — «сог» и слово «тело» — «согрс» являются омофонами, то есть произносятся одинаково.

Пушкин, дополнив ноябрьское, не отправленное тогда Геккерну, оскорбительное письмо нынешним положением вещей, послал его вечером 25 января голландскому посланнику. Оно не оставляло ни малейшей возможности для примирения.

Пистолетов пара,
Две пули — больше ничего —
Вдруг разрешат судьбу его.

Судьба разрешилась смертельным выстрелом, от которого «погиб поэт, невольник чести...». Список стихотворения корнета лейб-гвардии Гусарского полка Михаила Лермонтова «На смерть Пушкина» Александрина раздобыла для младшей сестры, «жаждущей прочесть все, что касается ее мужа, жаждущей говорить о нем, обвинять себя и плакать»¹⁸¹.

* * *

Смертью Пушкина закончилась петербургская жизнь трех сестер — для Натальи Николаевны и Александры Николаевны временно, для Екатерины Николаевны — навсегда. В середине февраля первые две: молодая вдова с четырьмя детьми и ее незамужняя сестра отправились в Полотняный Завод.

Еще накануне дуэли, но, очевидно, после рассказа младшей сестры о подстроенном свидании, Александрина писала брату: «То, что происходит в этом подлом мире, мучает меня и наводит ужасную тоску. Я была бы так счастлива приехать отдохнуть на несколько месяцев в наш тихий дом в Заводе»¹⁸². Теперь, после трагической гибели Пушкина, она покидала Петербург, сопровождая младшую сестру, которой «муж велел носить по нем траур два года»¹⁸³. Наталья Николаевна говорила перед отъездом, что она совсем не жалеет о Петербурге, что его балы и праздники ей безразличны.

Перед отъездом сестры свиделись в доме на Мойке, который Екатерина Николаевна покинула в день своей свадьбы. Свидание было натянутым: прощались сквозь слезы, уговаривались писать сквозь зубы. Тетка Загряжская устроила сцену Катрин, услышав ее слова,

¹⁸¹ Друзья Пушкина, указ. соч. Т. 1. С. 559.

¹⁸² Вокруг Пушкина, указ. соч. С. 330.

¹⁸³ Друзья Пушкина, указ. соч. Т. 1. С. 557.

что, мол, она прощает Пушкину. Осыпанная справедливыми упреками тетушки, Катрин всплакнула.

После отъезда ближайших родственниц она еще оставалась в Петербурге на попечении приемного отца, который, всеми силами пытаясь спасти пошатнувшуюся карьеру, шлет депеши нидерландскому министру иностранных дел Верстолку Ван Сулену. Уже на следующий день после смерти Пушкина 11 февраля / 30 января он сообщает свою, наивыгоднейшую для него, версию дуэльной истории. Там, среди прочего, он отмечает, что 22/10 января был совершен брак его приемного сына «с сестрой г-жи Пушкиной, фрейлиной императрицы, молодой и красивой особой, жившей в доме супругов Пушкиных»¹⁸⁴. В следующем же письме от 14/2 февраля, все еще стремясь сохранить благоволение высшего начальства и не быть отозванным со своего поста, он указывает на свои «обязанности перед семейством», которому он является «единственной опорой»¹⁸⁵. Тут же он считает необходимым добавить: «обязанности эти, в виду положения молодой жены моего сына, не замедлят еще увеличиться»¹⁸⁶. Он нисколько не опасается скомпрометировать Катрин — в самом деле, не будет же его начальство подсчитывать, что со дня заключения брака 22/10 января до объявления «положения молодой жены» 14/2 февраля прошло всего 3 недели.

Только во второй половине марта 1837 года был вынесен приговор Генерал-аудиториата по материалам военного суда: «Геккерена, за вызов на дуэль и убийство на оной камер-юнкера Пушкина, лишив чинов и приобретенного им российского дворянского достоинства, написать в рядовые с определением в службу по назначению Инспекторского департамента»¹⁸⁷. В тот же день наложена высочайшая резолюция: «Быть по сему, но рядового Геккерена как не русского подданного выслать с жандармом за границу, отобрав офицерские патенты»¹⁸⁸. 21 марта приговор был объявлен Дантесу, и через несколько часов он был выдворен из Петербурга с жандармом, сопровождавшим его до прусской границы. «Он сидел бодро, в фуражке, разжалованный и высланный за границу...»¹⁸⁹ — записал в дневнике А. И. Тургенев.

¹⁸⁴ *Эйдельман Н. Я.* Нидерландские материалы о дуэли и смерти Пушкина // Записки отдела рукописей. Вып. 35 / ГБИЛ. М.: Книга, 1974. С. 206.

¹⁸⁵ Там же. С. 210.

¹⁸⁶ Там же.

¹⁸⁷ *Наумов А. В.* Военно-судное дело о последней дуэли Пушкина: Уточнение оценок // Московский пушкинист: Ежегод. сб. / Рос. АН. ИМЛИ им. А. М. Горького. Пушкин. комис. М.: Наследие, Вып. II. 1996. С. 288.

¹⁸⁸ Там же. С. 289.

¹⁸⁹ *Шеголев*, указ. соч. С. 283.

Перед самым выдворением Дантесу позволили попрощаться с приемным отцом и женой¹⁹⁰, и сразу же после его высылки, огорченная разлукой на целых две недели, Катрин берется за перо. Ей необходимо сказать, что она снова, как до свадьбы, считает часы и минуты. На этот раз — сколько осталось провести без него в «проклятом Петербурге»¹⁹¹. Она переживает, что его «заставляют трястись по этим ужасным дорогам»¹⁹², надеется, что хоть в Тильзите он отдохнет, закликает беречь простреленную руку¹⁹³. Рассказывает о состоянии своего здоровья и о том, как ведет себя «маленький»: «как и подобает почтенному и любящему сыну, он сильно капризничает, оттого что у него отняли его обожаемого папашу»¹⁹⁴. Описывает доброе отношение к ней со стороны Строгановых — графа Григория Александровича, графини Юлии Павловны и их дочери, предательницы Идалии Полетики. Последняя, как пишет Катрин, «в отчаянии, что не простилась с тобою; ...она не могла утешиться и плакала как безумная»¹⁹⁵. Не зная, как еще

¹⁹⁰ «Приказом по полку 20 марта Дантес исключен из списков полка. На другой день, в 9 ч. утра к Геккерну явился жандармского дивизиона унт.-офицер Яков Новиков, долженствовавший сопровождать его до границы.

В 11 час. Дантесу было дозволено свидание с отцом и женою. Об этом свидании есть следующее донесение: “По приказанию в. пр-ва (Клейнмихеля), дозволено было рядовому Геккерну свидание с женою его в квартире посланника барона Геккерна; при сем свидании находились: жена рядового Геккерна, отец его, посланник, и некто графиня Строганова. При свидании я вместе с адъютантом в. пр-ва, гвард. ротмистром Арцыбашевым, был безотлучно. Свидание продолжалось всего один час. Разговоров, заслуживающих особого внимания, не было. Вообще в разжалованном Геккерне незаметно никакого неудовольствия, напротив, он изъявлял благодарность к Государю Императору за милости к нему и за дозволение, данное его жене, бывать у него ежедневно во время его содержания под арестом. Между прочим, говорил он, что, по приезде его в Баден, он тотчас явится к его Величеству Вел. Кн. Михаилу Павловичу. Во все время свидания рядовой Геккерн, жена его и посланник Геккерн были совершенно покойны; при прощании их не замечено никаких особых чувств. Рядовой Геккерн отправлен мною в путь с наряженным жандармским унт. — офицером в 1 ¼ ч. пополудни”.

23 марта Геккерн был уже в Таурогене.

Унтер-офицер Новиков по возвращении донес, что «Геккерн во все время пути вел себя смиренно и весьма мало с ним говорил, а при отъезде за границу дал ему 25 рублей».

СБК, указ. соч. [Т. 4]: 1826—1908. 1908. С. 88—89.

URL: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01003966998#?page=103>

¹⁹¹ После смерти Пушкина, указ. соч. С. 257.

¹⁹² Там же.

¹⁹³ Во время дуэли от ответного выстрела, произведенного Пушкиным, «пуля пробила правую (поднятую для прикрытия) руку Дантеса ниже локтевого сустава, без повреждения костей и больших кровеносных сосудов, ударила в пуговицу от подтяжки и контузила его в живот».

СБК, указ. соч. [Т. 4]: 1826—1908. 1908. С. 84—85. URL: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01003966998#?page=100>

¹⁹⁴ После смерти Пушкина, указ. соч. С. 258.

¹⁹⁵ Там же.

ему польстить и его убажить, Катрин передает впечатление, которое ее «добрый и дорогой друг», ее «сердце» производит на всех, включая прислугу: «Одна горничная (русская) восторгается твоим умом и всей твоей особой, говорит, что тебе равного она не встречала во всю свою жизнь и что никогда не забудет, как ты пришел ей похвастаться своей фигурой в сюртуке»¹⁹⁶.

На конец письма она приберегла самое заветное: «единственная вещь, которую я хочу, чтобы ты знал, в чем ты уже вполне уверен, это то, что тебя крепко, крепко люблю и что в одном тебе все мое счастье, только в тебе, тебе одном, мой миленький St. Jean Baptiste. Целую тебя, от всего сердца так же крепко, как люблю. Прощай, мой добрый, мой дорогой друг; с нетерпением жду минуты, когда смогу обнять тебя лично»¹⁹⁷. Св. Иоанна Крестителя она поминает скорее всего потому, что он напоминал какую-то известную им двоим картину, икону или скульптуру, а может быть, из-за того, что Дантес, так сказать, пострадал и некоторое время находился, подобно Иоанну Крестителю, в заточении. Но он был для нее больше, чем святым Иоанном, — самим Иисусом Христом: она возлюбила его более отца и матери, сестер и братьев, будущих детей, бросить все, следовать за ним, подчиниться и угождать ему во всем было ее единственным выбором и страстным желанием.

Жены и невесты осужденных по делу 14 декабря последовали за теми, кто отбывал каторгу «во глубине сибирских руд», поставив на карту жизнь за свободу, равенства, права. Она, декабристка-наоборот, отправляется в противоположном западном направлении вслед за мужем, изгнанным и разжалованным «за вызов на дуэль и убийство на оной камер-юнкера Пушкина»¹⁹⁸, первого русского поэта.

Два альбома со стихами — голубой и красный — она взяла с собой или сгоряча вместе со всеми остальными вещами, или сознательно, в память о своих трудах того времени, когда она их составляла. Стихи, которые она копировала, переноса с кончика пера на бумагу, пройдя стороной, едва ли коснулись ее души. Они ей совершенно не понадобились в Петербурге, а за границей вообще были ни к чему. И ее избранник уж точно не был «духовной жаждой томим». К тому же если бы она вдруг открыла альбом, то просто столкнулась бы с Пушкиным. Там было слишком много Пушкина, Пушкину, о Пушкине. Например, стихотворение Евгения Баратынского «На смерть Гёте», которое могло вызвать ненужные Катрин ассоциации:

¹⁹⁶ После смерти Пушкина, указ. соч. С. 258.

¹⁹⁷ Там же.

¹⁹⁸ См. сноску ¹⁸⁷.

Погас! но ничто не оставлено им
Под солнцем живых без привета;
На все отозвался он сердцем своим,
Что просит у сердца ответа;
Крылатою мыслью он мир облетел,
В одном беспредельном нашел ей предел.

Все дух в нем питало: труды мудрецов,
Искусств вдохновенных создання,
Преданья, заветы минувших веков,
Цветущих времен упования;
Мечтою по воле проникнуть он мог
И в нищую хату и в царский чертог.

С природой одною он жизнью дышал:
Ручья разумел лепетанье,
И говор древесных листов понимал,
И чувствовал трав прозябанье;
Была ему звездная книга ясна,
И с ним говорила морская волна.

Изведан, испытан им весь человек!
И ежели жизнью земною
Творец ограничил летучий наш век,
И нас за могильной доскою,
За миром явлений, не ждет ничего, —
Творца оправдает могила его.

Или слова Дмитрия Веневитинова: «Как знал он жизнь! Как мало жил!». Ей совершенно не в чем было упрекнуть ни себя, ни Жоржа: как и полагается, он отреагировал на оскорбление вызовом, то есть он вел себя честным и благородным человеком. А что убил, так он и сам мог быть убит, ведь на дуэлях убивают. Какое счастье, что «Georges est hors danger!»¹⁹⁹.

С дороги из Риги она пишет и отправляет первое письмо в Завод. По горячим следам их разлуки Александрина отвечает ей, смягчая тон, поскольку не желает доставлять неприятности беременной сестре, однако не может не коснуться того, что лежит на сердце: «Вот год, что я тебя не понимаю; желала бы найти тебя по-прежнему, у тебя

¹⁹⁹ Жорж вне опасности! (фр.).

ангельская душа, но *дурь удивительная*. Впрочем, что много говорить. Прости меня за мое рассуждение. Дай Бог, чтобы ты всегда была счастлива, и чтобы ни в чем тебе не было недостатка, и, если суждено нам когда-нибудь свидеться, чтобы не так горько было, когда мы расстались... Прощай же, душа моя, целую тебя от души, пиши чаще, ты не должна сомневаться в моем расположении к тебе. Грустно быть в других сношениях, но прошедшего не воротишь»²⁰⁰. К письму Саши сделали короткие формальные приписки братья Иван и Дмитрий, а также Наталья Николаевна с заключительными словами: «Благословляю тебя, меньшая сестра твоя, но несчастье и преждевременная опытность дают мне на это право. Прости же, друг мой, ангел мой, не забывай, что всегда найдешь во мне искреннего друга, готового делить с тобой и горести, и счастье»²⁰¹.

Долгожданная встреча разлученных супругов состоялась в Берлине в начале апреля. Попрошавшись с сопровождавшим Катрин папашей Геккерном, едущим в Голландию для поправки дел после утраты своего поста в Петербурге, молодые направились в эльзасский Сульц. Вместо желанной добычи в виде чинов и орденов Дантес привез в дом родного отца беременную русскую жену. После знакомства с братом, сестрами, другими родственниками молодые супруги поселились, что натурально, в отдельном боковом флигеле большого старого дома. По одной из сохранившихся записок Дантеса лета 1837 года заметно, что каждая маленькая разлука с мужем приводила Катрин в отчаяние — она жить без него не могла: «Страсбург, 7 июня <1837>. Только пару слов, моя хорошая и прекрасная Катрин, чтобы сказать тебе, что мое сердце еще полно теми крупными слезами, которые так невинно я заставил пролиться сегодня утром, но надо быть благо-разумной. Надеюсь, когда ты получишь эту записку, ты совершенно утетишься и позаботишься об Узи, как если бы я был с тобой, ты будешь его прогуливать каждый день, ты будешь это делать, если ты действительно любишь меня... Что до меня, моя хорошая Сизи, я обнимаю тебя изо всех сил и люблю тебя еще больше, чем всегда, весь твой, Жорж»²⁰².

Никаких подробностей о взаимоотношениях в новой семье Катрин брату Дмитрию Николаевичу не сообщает, только немного дает знать в письме от 30 ноября 1837 года о городке, который она называет милым. В то время там проживало около 4000 жителей и, надо полагать, что со своими сохранившимися остатками средневековых крепостных стен и башен, старинными и новыми домами, мэрией, церквями,

²⁰⁰ *Терновский*, указ. соч. С. 94–95.

²⁰¹ Там же. С. 96.

²⁰² Там же. С. 111 (с франц. Перевод мой. — *М. Л.*).

заново отстроенной синагогой, больницей, гостиницей, кузней, аптекой, магазинами и лавками он мог в чем-то уступать, а в чем-то превосходить родную, населенную в 10 раз больше, Калугу. В начале этого письма она возвращается к главному событию последнего времени — появлению на свет 19 октября дочери Матильды-Евгении, о чем ее муж немного раньше уже сообщал брату. Целых шесть недель, будто бы из-за положенного карантина, она не выходила из своего жилища. Но скорее всего, это уединение было совершенно необходимо, чтобы соблюсти тайну преждевременного рождения первой дочери. Новорожденная была, как того требует закон, зарегистрирована в мэрии, но в книге актов гражданского состояния города Сульца имя и подпись врача отсутствует. Невозможно представить, чтобы первые роды 28-летней роженицы проходили без местного семейного врача доктора Веста. Но ни Дантесу, ни прибывшему на подмогу в этом шекотливом деле папаше Геккерну не удалось уломать упрямого эльзасского эскулапа подписаться под ложной датой. Пришлось самому папаше Геккерну свою лжесвидетельскую руку (далеко не в первый раз на его поприще) приложить. К счастью, никаких неприятных последствий в дальнейшей жизни Матильды-Евгении из-за этого не произошло, она благополучно сделалась супругой генерала Жана-Луи Метмана. А доктор Вест, присутствуя при всех остальных родах Екатерины Николаевны, аккуратно скреплял своей подписью официальное заявление при регистрации в мэрии очередного ребенка.

* * *

И вот наконец-то потекла настоящая семейная жизнь Екатерины Николаевны, о которой она столько мечтала. Adieu, Петербург, с его бесконечными балами, увеселениями, злоязычными гостинями, с петербургскими красавицами. Главная из них — красавица-сестрица, нынче «горькая вдовица», тоже вдали от Петербурга растит своих четверых детей и никакой опасности больше не представляет. Не родись красивой... А средняя сестра при них на подхвате... Тогда как у Екатерины Николаевны родилась от любимого и любящего мужа своя очаровательная дочка: «со временем, — пишет она брату, который несомненно прочтет ее письмо сестрам, — это будет очень хорошенькая девушка, прекрасно воспитанная»²⁰³. Главную причину вдовства младшей сестры она постаралась поскорее забыть или утвердиться на только отчасти справедливой: мол, сама виновата в своем легкомыслии. Во всяком случае, для Катрин и для ее

²⁰³ После смерти Пушкина, указ. соч. С. 264.

мужа все это в прошлом и уж точно никак нельзя предположить, что «окровавленная тень / Ему являлась каждый день». В мыслях и в письмах о прошлом молчок. Когда сестры ей отвечают 21 февраля и 2 сентября 1838 года, то пишут тоже только о внешнем — где были (ездили к матери и в Москву), кто гостил (брат Сергей с женой, ждут тетку Екатерину, Сергея Львовича), кто женился (брат Иван), кто у кого родился (у Дмитрия сначала умер новорожденный младенец Дмитрий I, затем родился сын Дмитрий II, у Сергея дочь Мари), кто болен (жена Дмитрия после родов, маленькие Саша и Гриша), кто куда отбыл (брат Дмитрий с женой и сыном в Калугу, маменька после крестин внука в Ярополец). То же самое о дворне (кто женился, кто родил, кто утонул) и о соседях. Досталось давнему знакомому Хлюстину в новостях от Натальи Николаевны: «много здесь пакостит, он судья в Медыне и хуже самого крючковитого подъячего. Про жену его многие толки в Москве, но все почти не в ее пользу»²⁰⁴. Видимо, Катрин о нем спрашивала, встречаясь в Париже, куда они с мужем приехали 5 мая, «чтобы развлечься, посмотреть и познакомиться со всем тем, что в Париже есть любопытного и интересного»²⁰⁵, с его сестрой Анастасией: «Я очень часто встречаюсь с г-жой де Сиркур, она очень мила и добра ко мне; каждое воскресенье она заезжает за мною, чтобы отправиться в посольскую церковь. Это настоящее счастье для меня; я так долго была лишена православной службы, поэтому я этим воспользовалась и говела, и причащалась, едва только приехала в Париж. Об этом я позаботилась прежде всего». Целыми днями они с мужем носятся по городу, осматривая его достопримечательности, любуясь на «великолепные памятники, красивейшие магазины <...> Все вечера мы проводим или в театре, или в концерте»²⁰⁶.

Этой очаровательной поездкой в Париж в мае 1838 года они были обязаны все тому же папаше Геккерну, который отписал об этом Дмитрию Николаевичу в послании с напоминаниями о не поступающем обещанном пенсионе для Катрин: «Недавно я ей предоставил возможность совершить крайне дорогостоящее путешествие в Париж, и мне хотелось бы верить, что, когда она будет писать вам, она засвидетельствует свое полное и совершенное удовлетворение»²⁰⁷.

Несмотря на то что Жорж сделался мужем и отцом, не он пока проявляет основную заботу о содержании своего семейства и вместо недавней охоты на красавиц в петербургских залах и гостиных весьма часто отправляется на настоящую охоту.

²⁰⁴ *Терновский*, указ. соч. С. 102.

²⁰⁵ После смерти Пушкина, указ. соч. С. 274—275.

²⁰⁶ Там же. С. 275.

²⁰⁷ Там же. С. 270.

Если вернуться к «Двойной ошибке» Мериме, то совершенно очевидно: Дантес из Шатофора, волочащегося за Жюли де Шаверни, теперь выступает в роли ее мужа. Получив приглашение от влиятельного герцога Г., пообещавшего хлопотать за него насчет камер-юнкерства перед королем, он просит горничную Жюли:

«— Передайте жене, что я пробуду у герцога дней пять и пришлю ей дичи! Шаверни вышел из дому, ни о чем другом не думая, как о фазанах и диких козах, которых он собирался настрелять». Разочарованной в муже Жюли антипатичны все увлечения мужа и, прежде всего, он сам. Катрин в восторге от своего мужа и ей нравится все, чем он увлечен. Сколько раз она просила Дмитрия Николаевича, потакаая очередной страсти своего «дорогого супруга», прислать ему «пару больших и красивых борзых, из тех, что выводят в России»²⁰⁸ для охоты на волков. Но Дмитрий Николаевич так и не выполнил настойчивой «собачьей» просьбы сестры, при том, что, однако, прислал лошадь для верховой езды. Страсть к охоте чуть было не оставила в 1841 году Екатерину Николаевну неутешной вдовой с тремя девочками на руках: «Мой муж чуть не был убит на охоте лесником, ружье которого выстрелило в четырех шагах от него, пуля попала ему в левую руку и раздробила всю кость. Он ужасно страдал и страдает еще и сейчас; слава Богу, рана его, хотя и очень болезненная, не внушает опасения в отношении последствий, врач говорит, что это месяцев на шесть. Это ужасно, но, когда я подумаю, что могла бы потерять моего бедного мужа, я не знаю, как благодарить небо, что оно только этим ограничило страшное испытание, из тех, что оно мне посылает»²⁰⁹. И, несмотря на тяжелое ранение, потребовавшее много времени и средств, вплоть до поездки на лечение в Канны в 1842 году, Катрин вновь настойчиво теребит Дмитрия на тему собак: «Надлежит купить пару хороших борзых (суку и кобеля), очень высокого роста, с длинной шерстью, которые были бы хорошо натасканы на волков. Мой муж предоставляет тебе полную свободу в отношении цены, нет такой жертвы, которую бы он не принес в этом отношении. Его единственное удовольствие здесь — это охота... Помнится, в мое время их продавали в Охотном ряду по воскресеньям и приводили целые своры к Пресненской заставе для боя с волками, и прежде чем их купить, надо, чтобы ты поручил их испытать знатоку этого дела, потому что непременно нужно, чтобы по крайней мере одна из собак показала свое уменье... никаких отговорок, никаких безосновательных доводов, я не желаю принимать

²⁰⁸ После смерти Пушкина, указ. соч. С. 269.

²⁰⁹ Там же. С. 290.

ни один из них... сделай все возможное, чтобы порадовать моего муженька»²¹⁰.

Чувствуя себя виноватой и в постоянном долгу перед мужем с его родней поскольку она, во-первых, практически полностью находится на содержании приемного отца и не имеет ни копейки собственных денег ни для личных мелких расходов, ни для пополнения семейного бюджета, а во-вторых, у нее три раза подряд одна за другой рождались только девочки: Матильда-Евгения (19 октября 1837), Берта-Жозефина (5 апреля 1839), Леони-Шарлотта (3 апреля 1840), ей ужасно хочется сделать для мужа хоть что-нибудь полноценно-полезное и приятное. Дмитрий Николаевич, пообещав еще в Петербурге во время предсвадебных переговоров выплачивать сестре 5000 рублей в год на ее содержание, при всем своем желании никак не мог сдержать слово. Дела фабрики были плачевны, имения заложены-перезаложены, и основная часть доходов уходила на оплату процентов. На нем была собственная семья, необходимо было поддерживать Ташу и Сашу, сначала живших по соседству в том же Полотняном Заводе и позже перебравшихся в Петербург. Как бы Катрин ни напоминала, как бы старший и младший Геккерны ни засыпали его подсчетами все увеличивающейся задолженности, он пытался или оправдываться, или старался не обращать на это внимание, так как знал, что дела барона и его приемной семьи в хорошем состоянии: они ни в чем не нуждаются, купили для летнего времени загородную ферму неподалеку от Сульца, где построили дом для самых жарких месяцев, позволяют себе поездки в Париж, Баден-Баден, потом в Вену.

Кроме денежных приставаний к брату, доводящего ее своими отказами иной раз и до слез, Катрин очень хочется поделиться хотя бы с ним своим женским счастьем, ведь с этим нельзя соваться ни к средней сестре — девушке, ни к младшей — вдове. И вот со всей откровенностью, например, в письме осени 1838 года, она исповедуется брату Дмитрию Николаевичу: «Надо признаться, дорогой Дмитрий, что ты и я, мы оба счастливые смертные в браке, так как я тоже счастливейшая женщина на свете, любимая и балуемая мужем, который обожает меня. Я счастлива также всем тем, что меня окружает, не знаю, как и благодарить небо за все то счастье, что оно мне посылает, и право не знаю, что я сделала, чтобы его заслужить... нам остается только желать сына»²¹¹. В 1841 году, узнав, что жены братьев не вылезают из болезней, недоумевает: «Право, мои дорогие братья, я не знаю, что вы делаете, чтобы подобным образом разрушать здоровье своих жен, все они постоянно болеют,

²¹⁰ После смерти Пушкина, указ. соч. С. 297.

²¹¹ Там же. С. 278.

я полагаю, это мужа виноваты. Поэтому я считаю, что мой является образцом, так как со времени замужества я чувствую себя лучше, чем когда-либо, и только цвету и хорошею»²¹². «Моральный облик» своего мужа Екатерина Николаевна никогда не подвергает сомнениям. По-своему она была права: на поприще «истинной дочери Евы» Катрин взяла полный реванш у многих женщин, дети которых были зачаты не в любви, а только вследствие полного равнодушия природы и часто против их воли²¹³. Прелестную 16-летнюю Анну Петровну Полторацкую отец насильно выдал замуж за 52-летнего отвратительного ей генерала Керна; «южная ласточка» Александра Осиповна Россет, воспетая поэтами за красоту, ум и нрав, «себя продала за 6000 душ для братьев»²¹⁴, по ее собственным словам, немилому, но богатому камер-юнкеру Смирнову, которому, презирая разврат, не считала возможным изменять; противоположным образом поступала страстная красавица графиня Аграфена Федоровна Толстая, 19 лет вышедшая замуж за 35-летнего малообразованного служаку дежурного генерала Закревского; юная великосветская красавица княжна Мария Ивановна Барятинская, цветущая здоровьем до свадьбы с князем Михаилом Викторовичем Кочубеем, (произведенным, как и Дантес, в поручики Кавалергардского полка в начале 1836 года), вскоре зачахла и скоропостижно умерла в Италии — злые языки уверяли, что всему виной неудачное замужество.

Рассуждениями баронессы Штраль на эту тему Лермонтов начинает II действие «Маскарада»:

Подумаешь: зачем живем мы? для того ли,
 Чтоб вечно угодять на чуждый нрав
 И рабствовать всегда! Жорж Занд почти что прав!
 Что ныне женщина? создание без воли,
 Игрушка для страстей иль прихотей других!
 Имея свет судьей и без защиты в свете,
 Она должна таить весь пламень чувств своих
 Иль удушить их в полном цвете:
 Что женщина? Ее от юности самой
 В продажу выгодам, как жертву, убирают,

²¹² После смерти Пушкина, указ. соч. С. 292.

²¹³ Ср.: «И разве эти браки, заключающиеся по расчету, а не по взаимной склонности, браки, которые называются подходящими и в которых действительно подходит друг к другу все, кроме вкусов и характеров, разве не становятся они главным источником скандальных происшествий, случающихся все чаще и чаще?» «О.С. Письмо 98. От госпожи де Воланж к маркизе де Мертей».

²¹⁴ Смирнова-Россет А.О. Дневник. Воспоминания. М.: Наука, 1989. (Литературные памятники). С. 471.

Винят в любви к себе одной,
Любить других не позволяют.
В груди ее порой бушует страсть,
Боязнь, рассудок, мысли гонит;
И если как-нибудь, забывши света власть,
Она покров с нее уронит,
Предастся чувствам всей душой —
тогда прости и счастье, и покой!

Героиня Мериме Жюли де Шаверни умерла, так и не узнав любви. Молодая писательница Жорж Санд (рассказ которой о своем несчастливом замужестве, как, впрочем, и пережитый с нею неудачный любовный эпизод, навял Мериме «Двойную ошибку») издает в 1833 году роман «Лелия», вызвавший скандал: героиня мечется от любовника к любовнику в погоне за недоступным ей истинным блаженством в любви. Почти через 25 лет после Мериме и Жорж Санд начнет публиковать свой роман Гюстав Флобер, завершающийся страшным концом его героини — Эммы Бовари, безуспешной искаательницы спасения от однообразно-мучительной тоски ее семейной жизни — не в столице, хотя иностранцам зачастую представляется, что Франция состоит только из Парижа, а в одном из ее многочисленных провинциальных городков.

Братья с недоверием относились к признаниям старшей сестры о постигшем ее счастье, но вот Ивану Николаевичу довелось воочию в нем убедиться, приехав (в самом деле с больной женой) в Баден на лечение: «Я хотел сначала посмотреть, каковы их семейные отношения, и когда я понял, что сестра моя счастлива не на словах, а в действительности, это побудило меня, естественно, изменить мой несколько ледяной прием ее мужа на обращение более благожелательное и свободное. В самом деле, он такой же хороший муж, как и отец, и когда я вспоминаю того самого петербургского Дантеса, когда я думаю, что вот уже пять лет, как он прожил со своей женой почти что в ссылке, так как Сульц и Баден друг друга стоят в отношении скуки, я не верю своим глазам, видя, как он нежен с женой и как любит своих малюток. <...> Катя беспрестанно говорит о своем счастье, и только одна мысль неотступно преследует ее: никогда не возвращаться в Россию. Я это вполне понимаю после того, как увидел, как я тебе сказал, что она счастлива с мужем и своей маленькой семьей. Ее малютки очаровательны, особенно вторая, Берта, это просто маленькое совершенство»²¹⁵.

²¹⁵ После смерти Пушкина, указ. соч. С. 300–301.

И спустя еще время, уже в январе 1843 года, Катрин не может не похвалиться брату в письме из Вены, где они всей семьей проводили зиму по приглашению папаша Геккерна, аккредитованного наконец (после долгого простоя в связи с петербургской вынужденной отставкой) при венском дворе: «Мой муж уехал в Эльзас 23 числа прошлого месяца. Он был вынужден туда поехать, потому что недавно он был избран членом Генерального совета департамента Верхнего Рейна, вместо отца, ушедшего в отставку. Этот внезапный отъезд меня очень огорчил; отсутствие Жоржа не будет длиться и трех недель, но нам обоим кажется, что это ужасно долго, и мы считаем часы и минуты. Но через несколько дней этому конец! Вот как думают и говорят супруги через шесть лет после того, как они поженились»²¹⁶.

С 1838 года в петербургских салонах зазвучал романс Михаила Глинки на стихи Нестора Кукольника «Сомнение»²¹⁷, заканчивающийся словами, которые тотчас нашли бы отклик в сердце Екатерины Николаевны:

Минует печальное время, —
Мы снова обнимем друг друга,
И страстно и жарко
Забьется воскресшее сердце,
И страстно и жарко
С устами сольются уста.

Скорее всего, сестра Саша, раздобыв ноты, пела его, аккомпанируя себе на фортепиано, но Екатерина Николаевна, уехав так далеко, не могла, разумеется, расслышать ни слов, ни музыки.

* * *

С сестрами жизнь явно разводит ее все дальше и дальше, но Катрин силится поддерживать с ними связь. На свое январское (1839 года) письмо она получает ответное от Саши²¹⁸: «Мы прибыли в Санкт-Петербург в середине ноября <1838>. Наша тетка, вернувшись из-за границы, приехала за нами и привезла сюда. Мы живем на Галерной, в доме сановника Челичева <...> Ты определенно должна была узнать, что я имела честь быть назначенной фрейлиной Е. В. Начиная с пер-

²¹⁶ После смерти Пушкина, указ. соч. С. 316.

²¹⁷ Кулев В. В., Такун Ф. И. Золотая коллекция русского романса. М.: Совр. музыка, 2003. URL: <http://a-pesni.org/romans/glinka/somnienie.htm>

²¹⁸ Письмо написано в апреле или начале мая 1839 года. Датируется по той части письма, где Наталья Николаевна напоминает о возрасте своих детей (см. ниже): М. А. Пушкина родилась 19 мая 1832, А. А. Пушкин — 14 июля 1833 года.

вого января; на святой неделе я в свите обозревала Зимний дворец, который перестраивался и стал очень красив»²¹⁹. И снова сообщения и расспросы о рождениях детей: жена брата Ивана родила девочку Мари. «Скажи-ка, — заинтересованно спрашивает Саша, — на днях я видела Полетику, которая меня уверяла, что у тебя еще одна дочь, это правда? Никто из наших нам ничего не сообщал»²²⁰. Наталья Николаевна кратко рассказывает в этом же письме о своих детях, что «все слава Богу, нам не на что жаловаться. Они умные и милые. Маша растет. Ты ошибаешься, в мае ей будет семь лет, Саше шесть; бедняжка болел все последнее время, у него была температура и до сих пор он не поправился окончательно, он исхудал и ослаб до такой степени, что грустно на него смотреть. Очень надеюсь, что он скоро поправится, опасность уже миновала. О Грише и Маше нечего сказать, они восхитительны, как бы не взглянуть»²²¹.

Итак, сестры с осени 1838 года снова в столице. Она прокляла Петербург еще тогда, когда из него уезжала, и позже распространила свое отношение на всю страну, «где мерзнут с первого дня года и почти до последнего»²²² и «где можно только прозябать и морально и физически»²²³.

Ах! Франция! Нет в мире лучше края! —
Решили две княжны, сестрицы, повторяя
Урок, который им из детства натвержен.

С самого начала своей новой жизни она вторит грибоевским княжнам: «я чувствую себя превосходно... Вот что значит хороший климат... Да здравствует Франция, наш прекрасный Эльзас, я признаю только его. В самом деле, я считаю, что, пожив здесь, невозможно больше жить в другом месте»²²⁴. Только года через три она позволила себе немного заскучать и начала уверять брата, «что все то, что мне приходит из России, всегда мне чрезвычайно дорого, и что я берегу к ней и ко всем вам самую большую любовь. *Voilà l'une profession de foi!*»^{225, 226}; некоторое время спустя она даже грустит о прошлом: «я по-прежнему очень люблю Завод, ведь я к нему привыкла с раннего детства»²²⁷.

²¹⁹ *Терновский*, указ. соч. С. 106 (с франц. Перевод мой. — *М. Л.*).

²²⁰ Там же. С. 106—107 (с франц. Перевод мой. — *М. Л.*).

²²¹ Там же. С. 107 (с франц. Перевод мой. — *М. Л.*).

²²² После смерти Пушкина, указ. соч. С. 285.

²²³ Там же.

²²⁴ Там же.

²²⁵ Вот мое кредо! (фр.)

²²⁶ После смерти Пушкина, указ. соч. С. 287.

²²⁷ Там же. С. 293.

Сведения о неохотно пишущих ей сестрах она получает и со стороны, например, в мае 1839 года: «Я о них недавно имела известия и узнала с удовольствием, что Н. не бывала в свете этой зимой; признаюсь, я считаю, что это было бы нехорошо с ее стороны»²²⁸. Значит, младшая сестра опять того гляди начнет блистать в свете и старшей это совсем не нравится. Из недавней нарушительницы предписания хранить девичью честь она становится строгой блюстительницей правильного, с ее точки зрения, поведения младшей сестры.

В ноябре того же года просит брата: «Напиши мне о сестрах. Вот уже скоро год, как они мне не дают о себе знать, я думаю, что наша переписка совсем прекратится, они слишком часто бывают в свете, чтобы иметь время подумать обо мне»²²⁹. И через год, в мае 1840 года она снова обращается к Дмитрию все с тем же: «Я узнала через многих русских путешественников, но слышала об этом стороною, что Александрина стала совершенной сумасбродкой; говорят, что получение шифра совсем вскружило ей голову, что она сделалась невероятно надменной. Я надеюсь, что все это неправда, признаюсь, я не узнаю в этом случае ее ума: потерять голову из-за такого пустяка было бы прискорбной нелепостью. Через несколько недель я буду знать все подробно о Петербурге, потому что увижу Италию Полетику, которая приезжает вместе со Строгановыми в Баден-Баден; она там назначила нам свидание, и мы с мужем рассчитываем поехать туда на недельку. Я буду чрезвычайно рада снова ее увидеть, она была так мила с нами во время наших несчастных событий»²³⁰. Старая дружба с милой Италией, с которой у Александрины не только не было ни малейшей склонности встречаться, а, наоборот, помня ее подвиги сводничества, были все основания держаться надменно, у Катрин не ржавеет.

Надо полагать, Дмитрий Николаевич ознакомил сестер с этим письмом, и Александрина в июле 1840 года откликается в довольно резких тонах как на него, так и на полученное ею самой от старшей сестры письмо: «Не нужно от меня этого и хотеть, дорогая сестра, если я пишу тебе по-русски, и ты говоришь, что больше не умеешь писать на нашем языке, надеюсь, что читать на нем ты все-таки не разучилась. Ты можешь отвечать по-французски, понять мы сможем, но мне больше нравится писать по-русски»²³¹. Дальше следуют односложные сведения о двух тетках, под покровительством которых приходилось жить двум сестрам, сообщения о беременностях общих светских зна-

²²⁸ После смерти Пушкина, указ. соч. С. 281.

²²⁹ Там же. С. 282.

²³⁰ Там же. С. 286–287.

²³¹ *Терновский*, указ. соч. С. 109 (с франц. Русский оригинал не сохранился. Перевод мой. – М. Л.).

комых дам, о том, кто уехал и кто вернулся из-за границы, кто хорош, кто дурен собой, о погоде... И только одна-единственная лирическая нота, связанная с былыми временами, откуда-то из глубины души вырвалась у Александрины: «У Г. Воронцова будет в субботу бал, думаю пойти туда... Хоть сам бал меня больше не интересует, я постарела, но пойду от скуки и от любопытства. Как подумаю, с какой радостью когда-то мы выходили в свет все вместе! и сейчас так грустно быть одной и куражу не хватает»²³².

Балы больше не интересуют и Катрин, во всяком случае, она сообщает брату 5 января 1843 года из Вены: «Я веду здесь жизнь очень тихую и вздыхаю по своей эльзасской долине, куда рассчитываю вернуться весной. Я совсем не бываю в большом свете, муж и я находим это скучным; здесь у нас есть маленький круг приятных знакомых, и этого нам достаточно»²³³. Ежедневно она встречается с Натой Фризенгоф (той самой Натальей Ивановной Ивановой, приемной дочерью бездетной тетки Софьи Ивановны Местр) и с ее мужем бароном Густавом Фризенгофом, от них узнает петербургские семейные новости о сестрах, о смерти тетки Загряжской. Совершенно ясно, что и с этой стороны ни о какой, даже крохотной, части наследства для нее не может быть и речи: «Тетушка оставила все состояние своей сестре <С.И. Местр>. Этого следовало ожидать»²³⁴. Денег, стало быть, ни оттуда, ни отсюда, и никак не удастся это поправить.

Тем больше Екатерина Николаевна одержима другим: она должна, даже обязана, во что бы то ни стало подарить мужу сына. После рождения третьей дочки в апреле 1840 года она пишет Дмитрию: «Ах, что ты скажешь о моей сноровке, вот уже три девочки подряд? Признаюсь, что хотя я их и люблю всем сердцем, я все же в отчаянии от этого, поэтому я плохо приняла мою бедную Леони, я так рассчитывала, что будет мальчик»²³⁵. И папаша Геккерн проявляет откровенное недовольство, сообщая Дмитрию Николаевичу «о благополучном разрешении Катрин; к несчастью, это опять девочка, но крепкая и хорошо сложенная. Надо надеяться, что в четвертый раз ваша сестра подарит, наконец, своему мужу мальчика»²³⁶. Легендарный эльзасский аист, который будто бы имеет доступ к расположенному под колоннами страсбургского собора подземному озеру с душами младенцев, все никак не приносил желанного мальчика на порог дома в Сульце.

²³² *Терновский*, указ. соч. С. 109.

²³³ После смерти Пушкина, указ. соч. С. 315.

²³⁴ Там же. С. 314.

²³⁵ Там же. С. 286.

²³⁶ Там же. С. 272.

В октябре 1841 года, вновь беременная, она в очередной раз надеется: «мне посчастливится... — будет мальчик»²³⁷. В начале 1842 года у нее, к великому несчастью, родился мертвый мальчик. Едва оправившись после неудачных родов, восстановив здоровье в Бадене, Катрин с мужем и девочками обосновывается в Вене. Осенью 1842 года она сообщает в Сульц своему свекру Дантесу о детях, что «в Вене они живут привычной для них жизнью: гуляют каждый день, очарованы всем, что видят вокруг себя, что безлюдным улицам предпочитают те, где много народа. Матильда радуется возвращению в Сульц, ей хочется увидеть, какое лицо сделает дедушка, когда встретит ее в саду с вязанием или с книгой в руках. <...> Берта и Лоло бездельничают и растут, все три нежно обнимают дедушку... Мы очень приятно проводим время. Мой муж прекрасным образом охотится, у нас ложа в опере, мы встречаемся со старыми и добрыми знакомыми»²³⁸, далее приветы брату и сестрам Жоржа.

В Сульц по весне Катрин возвращается из Вены беременной в пятый раз. Однажды ей удалось перебороть судьбу, безжалостно оставившую ее в старых девах. Теперь необходимо было снова вступить с ней в единоборство и родить сына. Лето они проводят в загородном доме, откуда ее муж, взбешенный полученной от Гончаровых бумагой о чрезвычайно тяжелом состоянии дел и невозможности уплаты долга, раздражается ответным письмом. Вряд ли он, не желая расстраивать Катрин, ознакомил ее с его содержанием, где в первых строках пишет Дмитрию Николаевичу: «Положение вашей сестры самое плачевное; не желая сейчас начинать с вами спора по тем статьям, которые, как вы утверждаете, изложены в бумаге, что вы мне прислали, я буду говорить только о содержании, которое вы должны выплачивать Катрин, совершенно определенном обязательстве, взятом вами во время моей женитьбы, когда ваше состояние было уже так же расстроено, как и теперь... Действительно, зачем предлагать мне то, что вы не хотели мне давать? Бог свидетель, однако, что, женись на вашей сестре, я имел более благородное чувство в душе, нежели деньги! Кроме того, вы должны помнить, что это вопрос, который я лично даже не хотел обсуждать; но поскольку обязательство было взято, я счел себя в праве на него»²³⁹. Но даже если она не читала письмо мужа, то по многим, хорошо ей известным привычкам его поведения, догадывалась, что вызывает у него раздражение. Только рождением сына она могла бы смыть свою вину, могла бы порадовать мужа, не получавшего на нее ни копейки от Гончаровых.

²³⁷ После смерти Пушкина, указ. соч. С. 295.

²³⁸ *Терновский*, указ. соч. С. 112 (с франц. Перевод мой. — М. Л.).

²³⁹ После смерти Пушкина, указ. соч. С. 308.

Подошло время родов и она, переупрямив в очередной раз судьбу, 22 сентября родила сына. Но, как сказочная царица, «восхищенья не снесла» и после родов уже не вставала. О том, как закончилась ее жизнь, красноречиво написал верный семейный врач доктор Вест барону де Геккерну:

«Сульц, среда 19 октября 1843 г.

Господин барон,

моя печальная миссия по борьбе с болезнью, не подвластной ныне никакому лечению, окончена. Мадам де Геккерн покинула сей мир в воскресенье 15 октября в десять часов утра. Нам понятна ваша глубокая и все возрастающая скорбь, поскольку мы не раз позволяли себе поддерживать в вас тот свет надежды, которую питали сами. Какое-то время я и мои коллеги полагали, что болезнь еще не нанесла организму непоправимый урон и что природа восторжествует. Наши иллюзии длились не долго, и за день до конца стало ясно, что он окажется роковым. Единственное, господин барон, чем я мог бы вас если не утешить — об этом не может быть и речи, когда горе столь велико, то хотя бы отвлечь на мгновение от чувства утраты, — это, я бы сказал, восхищение. Да, господин барон, мадам де Геккерн страдала как мученица и умерла как святая.

У нашей благородной покойной были предчувствия ее смертного часа. Вернувшись в Сульц, она говорила мне: “Доктор, мне страшно входить в это крыло дома, сама не знаю почему, но мне это претит”. Приготавливаясь к приближающимся родам, она сняла свое обручальное кольцо и с глубокой грустью, волнуясь, как бы оно не затерялось в кровати, умолила мужа взять его. Часто в снах ее преследовали мрачные видения и, пересказывая их по утрам, она добавляла со смехом, что ее это не беспокоит, поскольку объясняется ее состоянием и через какие-то три недели она совершенно поправится!

Последние десять часов проходили в борьбе между жизнью и смертью, и побеждала последняя. Приступы были ужасными, мучения жестокими, и не только физические, которые наше ремесло способно облегчить, но тяжелая тоска, которая, не давая передышки, душила ее. И в течение всего этого времени ни одной жалобы, ни нетерпения, только слова: “Боже мой, мой добрый Иисус, дай мне силы это вынести”. В то же время она, ангельски улыбаясь, обращалась к мужу,

умоляя его не огорчаться, заверяя, что не происходит ничего страшного.

Господин Жорж все три недели ни на мгновение не оставлял свою обожаемую жену, дежуря и ухаживая за ней. Со смиренной покорностью она переносила все как самые мелкие, так и самые болезненные предписания, которые нужно было выполнять, самостоятельно напоминая, что пришло время давать или делать ей то-то и то-то. За неделю до конца мадам мне сказала: “Доктор, не оставляйте меня, мне страшно, когда вас нет, ваше присутствие на меня действует благотворно и успокаивает”, и сама же меня выпроваживала время от времени со словами: «“Идите к вашим бедным больным, ведь ваша помощь им необходима, особенно тем, кто страдает как я”».

В ночь с пятницы на субботу наша мужественная больная попрощалась в последний раз со всеми своими родственниками, отсутствующими друзьями, каждого из которых она называла по имени, присутствующим она давала поцеловать в последний раз свою ослабевшую руку и для каждого находила какое-то ласковое слово нежности и утешения. Прощание с бедными детьми было душераздирающим, я не буду повторять ее слова, надо было слышать этот крик души матери, у которой отнимают самое дорогое, что у нее есть на свете, тех, которых она, как вы знаете, так умела любить. И при этом, обращаясь к своему рыдающему мужу, нежно его укоряя за недостаток мужества, говорила ему: “Боже правый так повелел, Жорж, мы были бы слишком счастливы, в мучениях я родила тебе сына, но я бы снова пошла на эти муки и даже на еще большие ради такого счастья”. И она снова окликала его, чтобы еще раз улыбнуться. За несколько часов до кончины умирающая отослала мужа, вынула из моих рук свою, которую я согревал, перекрестилась по своему религиозному обычаю и сосредоточилась надолго в тихих молитвах Богу, который вскоре должен был ее принять, затем она нас снова позвала, обняла своего несчастного мужа и попросила меня натереть ему лоб и виски эфиром. Потом она мне дала несколько рекомендаций насчет здоровья своих бедных детей и благословила их еще раз.

Жорж переносил все столь же стойко, сколь был нежен, он попросил меня не скрывать от него приближение последних минут, чтобы успеть позвать нашего священника. В девять часов ее голос затих, но сердце еще билось и сознание не покинуло. Она снова утешала мужа, сжимая его руку. Около 10 часов жизнь подошла к концу, и священник совершил последний религи-

озный обряд; когда он закончил, сердце перестало биться; эта великая душа покинула смертное тело и достойная женщина заблудилась навсегда в тихих молитвах и с улыбкой на устах. Таковой была кончина этой благородной супруги, матери четырех несчастных детей, которые уже никогда не узнают всю глубину ее души. У нее было в этом мире все, чтобы быть счастливой, чтобы в нем блистать, чтобы делать его лучше, она жила любовью к мужу и детям. Так Бог повелел, чтобы она навсегда покинула эту планету. Блаженны те, кто был счастлив знать ее и, что еще важнее, смог оценить. Блаженны те, кто имел возможность выразить этой необыкновенной женщине уважение и почтение, достойное каждой благородной души и которого заслуживает этот ангел, оказавшийся на мгновение среди нас.

Понедельник 16 октября прошел в печальных хлопотах подготовки к похоронам, по крайней мере, господин Жорж был избавлен от них, поскольку Альфонс и сестры взяли все это на себя. Во вторник утром для родных и для меня пришло время предать земле тело этой достойнейшей женщины, затем, согласно обряду нашей религии, мы засвидетельствовали ей свое уважение и любовь.

Господин Жорж чувствует себя так хорошо, насколько это возможно, мой брат находится здесь несколько дней и дает необходимые, соответствующие обстоятельствам, рекомендации, которые, исходя из истинной дружбы, остаются тем не менее строгими и обдуманно.

Мы временно поместили детей в большую комнату большого дома. Им там хорошо, и они под присмотром. Они здоровы, и бедный малыш, который так дорого обошелся, развивается нормально. До сего дня с кормилицей все обстоит благополучно.

Вот Вам, господин барон, эти грустные подробности, которые я передаю с уверенностью, что они вам необходимы, и всегда остаюсь с уважением и преданностью,

(подпись) Вест»²⁴⁰

Прежде чем отослать это письмо, доктор Вест не мог не ознакомиться с ним облачившегося в черное Дантеса, который его не только одобрил, но и позаимствовал из него некоторые фразы и выражения для своего грядущего траурного письма в Россию.

²⁴⁰ *Терновский*, указ. соч. С. 122–124 (с франц. Перевод мой. – М. Л.).

Как только старший Геккерт получил письмо доктора Веста, то сразу взял на себя печальную миссию и сообщил Гончаровым об ужасном несчастье: «Мой бедный славный Жорж лишился супруги, а у его несчастных детей нет больше матери»²⁴¹.

Когда известие дошло до Дмитрия Николаевича, он поехал к матери в Ярополец и привез ее в Завод, где, как она сообщала в ответном письме овдовевшему зятю в Сульц, они разделили безмерное горе потери дочери и сестры.

Горевали и два других брата, особенно Иван, относительно недавно видевший сестру здоровой, веселой и счастливой.

На смерть дочери откликнулся письмом старшему сыну и отец покойной: «Гнев Божий на наш род. Со всех сторон летят бедствия и напасть на нашу семью. Горя — моря! Слишком молодо, слишком рано перешла Екатерина Николаевна в страну вечного покоя, в царство тишины небесной, непрерывной. Конечно, там будет она наслаждаться сном безмятежным, но сном без пробуждения! Помолимся же за нее: Помяни, Господи... и остави и прости ей вся вольныя ея согрешения и невольныя...»²⁴².

Эхом отозвались в Петербурге на смерть сестры — Александра Николаевна: «Нашей бедной Кати нет больше на свете, помолимся за нее»²⁴³ и Наталья Николаевна: «Ужасно подумать, что Кати нет больше на свете. Каковы должны были быть ее последние минуты — она оставляла четверых маленьких детей; мысль эта должна была быть ей очень горька — бедная, бедная сестра»²⁴⁴.

* * *

Несмотря на давнюю французскую традицию, закрепившую как в устной, так и в письменной речи многочисленные клише для выражения чувств в соответствующих обстоятельствах, овдовевший Дантес находит и собственные слова, отвечая Дмитрию Николаевичу на соболезнования: «Вы правильно делаете, что жалеете меня! Никогда у меня не было такого жестокого и неожиданного удара, эта смерть снова перевернула всю мою жизнь, которую ангельский характер вашей прекрасной сестры сделал такой спокойной и счастливой. Можно было бы сказать — у нас было какое-то предчувствие, что нам мало времени предстоит прожить вместе; никогда мы не разлучались, во всех моих поездках и путешествиях жена меня сопровождала, у меня

²⁴¹ После смерти Пушкина, указ. соч. С. 323—324.

²⁴² Там же. С. 330.

²⁴³ Там же. С. 331.

²⁴⁴ Там же. С. 332.

не было ни одной тайной мысли от нее, равно и Катрин давала мне возможность всегда читать в ее прекрасной и благородной душе»²⁴⁵.

Старая французская сказка «Красавица и чудовище» и ее русский вариант «Аленький цветочек» — «ложь, да в ней намек», что чудные речи, ласка, угождение, преданность, душевная доброта способны растопить сердце и вызвать ответную любовь. Правда, ко всем замечательным качествам души любящего в сказке прилагается и дворец с богатствами. Но чего не было — того не было. Поэтому Дантес в том же письме благодарит за «счастье узнать», что Дмитрий Николаевич «горячо принимает к сердцу интересы детей своей сестры», и надеется, что тот будет «иметь возможность сдержать свои обещания, сделанные таким приятным образом»²⁴⁶.

Но полагаться, исходя из опыта предыдущих лет, на обещанную, конечно, из лучших побуждений, помощь шурина никак нельзя. Тем более что, с точки зрения Дантеса, оказавшегося на родине в совершенно иных, нежели в России, социально-экономических условиях, Дмитрий Николаевич совершенно неправильно ведет дела и «что с самым наилучшим усердием в мире почти невозможно успешно заниматься своими имениями и одновременно иметь на ходу такое предприятие»²⁴⁷, как гончаровская фабрика. Когда к 1841 году (еще при жизни Екатерины Николаевны) долг Гончаровых достиг 10 тысяч рублей, Дантес попытался внести деловые предложения для его погашения: просил переслать ему столько штук полотна, сколько нужно на покрытие этой суммы; вызвался быть посредником при покупке современной рулонной машины для Полотняного Завода у очень крупных эльзасских промышленников того же департамента братьев Кёхлин (Koechlin). Члены этого семейства в находящемся в 20 км от Сульца Мюлузе (Mulhouse) — миллионеры, владевшие мощным текстильным производством, основанным еще их дедами, создатели литейного производства механических конструкций, активно занимавшиеся и политикой, были достойны стремления к дружественным связям с ними и являлись примером для подражания.

Но ни одна из идей Дантеса не воплотилась в жизнь и, как сообщает папаша Геккерн спустя два года (через два месяца после смерти Екатерины Николаевны) 22 декабря 1843 года Дмитрию Николаевичу, их долг — соответственно — увеличился вдвое и стал равняться 20 тысячам рублей. Он просит прислать хоть какую-то часть, поскольку расходы на содержание и воспитание бедных маленьких сирот (они ни в чем не нуждаются, им нанята гувернантка) выше его возможностей.

²⁴⁵ После смерти Пушкина, указ. соч. С. 326.

²⁴⁶ Там же.

²⁴⁷ Там же. С. 310.

Молодому вдовцу с четырьмя малолетними детьми настала пора самым серьезным образом подумать о карьере. В 1837 году он вернулся под отчий кров во Францию, где правил, как его прозвали, «король-гражданин» Луи-Филипп. Против его воцарения юный Дантес даже немного сражался в 1830 году под белым знаменем Бурбонов в «Три славных дня» Июльской революции. Славных не для него, а для победителей. Спустя 7 лет он по-прежнему очень хотел оставаться верным принципам истинных роялистов и не имел охоты вступать в армию под трехцветное знамя. Однако необходимо было приспособливаться и стараться вписаться в новую реальность. Сосед братьев Кехлин – он осваивал науку великолепной отдачи крупных вложений в сочетании с политической деятельностью. Сын двух отцов – он пошел по стопам как родного, так и приемного, то есть решил заняться политикой с желанным выходом на дипломатию.

Еще из Вены в самом начале 1843 года Екатерина Николаевна сообщила брату про мужа, что его выбрали в совет департамента Верхний Рейн. Таким образом, в городе Сульце признали и отличили Дантеса как оппозиционера режиму Луи-Филиппа. Сменив родного отца на этом месте – не бог весть что, но для начала неплохо, он следует также советам приемного отца и в Вене, куда старший Геккерн его зазвал с семьей на зиму 1842/1843 года, пытается наводить дипломатические мосты. С этой целью для возобновления бывшего знакомства порешили отправить Екатерину Николаевну к Долли Фикельмон, жене бывшего австрийского посла в Петербурге, бывшего австрийского министра иностранных дел, исполнявшего в этот период различные дипломатические поручения. И хоть в одном из писем Долли сообщает своей сестре, что не имеет ни малейшего желания «видеться с г-жою Дантес, она не появится в свете, и особенно у меня, ибо ей известно мое отвращение к ее мужу»²⁴⁸, все же в последующей депеше сестре отчитывается менее неприязненно: «Г-жа де Геккерн была у меня недавно вечером с визитом. Меня взволновало свидание с лицом, напомнившим мне о стольком. Я приняла ее, как будто и не переставала с ней встречаться, и у нее был вид несравненно более смущенный, чем у меня»²⁴⁹. Визит к Дарье Федоровне Фикельмон, у которой, как писал в свое время князь Вяземский, «дипломаты и Пушкин были дома»²⁵⁰, на раут к которой когда-то Екатерина Николаевна сочла возможным явиться во время объявленного двором траура по Карлу X

²⁴⁸ Гроссман Л. Записки д'Аршиака. Пушкин в театральных креслах. Карьера Д'Антеса. М.: Худ. лит., 1990. (Забывтая книга). С. 448. В дальнейшем: Гроссман, указ. соч.

²⁴⁹ Там же.

²⁵⁰ Вяземский П.А. Полное собрание сочинений. Т. VII. 1882. С. 226.

в белом платье, да еще до официальной помолвки, стоил ей немало напряжения. Но не было такой жертвы, которую бы она не принесла Жоржу – пусть и напрасную, ибо дом Фикельмонов остался для Геккернов закрыт. И вообще, как отмечает Долли в том же письме сестре, старшего Геккерна «даже мало видно среди... коллег».

Тем больше оппозиционеру Жоржу Дантесу следовало развивать свой первый политический успех на местном уровне. Как ни противны ему были институты Луи-Филиппа, он представил свою кандидатуру на выборах 1846 года в Палату депутатов. Но проиграл, и его карьера на национальном уровне пока заглохла.

Новая революция 1848 года разразилась под лозунгом провозглашения республики, так что роялисту Жоржу Дантесу она была еще более отвратительна. Однако нет худа без добра: избиратели Верхнего Рейна отправили его своим представителем в Учредительное собрание (*L'Assemblée nationale constituante*). В качестве деятеля, имевшего опыт заграничной службы (то есть кавалергардским поручиком на берегах Невы), он сделался членом комитета иностранных дел этой ассамблеи. Голосовал он всегда с твердым постоянством с самых правых позиций: за запрещение политических клубов и, разумеется, против любой амнистии, как и против отмены смертной казни.

Продолжая иметь материальные претензии к семейству своей покойной жены, не удовлетворявшему их ни покрытием прежней задолженности, ни предоставлением части наследства после смерти тещи Натальи Ивановны в 1848 году, Дантес возбуждает против Гончаровых процесс.

13 мая 1849 года его верные избиратели не изменили ему и вручили мандат депутата Законодательного собрания. Роялист Дантес мог быть отчасти утешен, что главой исполнительной власти был избран среди прочих претендентов не поэт-романтик Ламартин, провозгласивший Республику, а Луи-Наполеон Бонапарт, дядя которого хоть и был врагом Бурбонов, но все-таки сам был коронован.

В мае 1851 года Дантес вступает в переписку с царем, не забывая напомнить о «благоволении, которым его величество удостоивал отмечать автора письма во всех случаях»²⁵¹, просит посодействовать ему в деле ликвидации гончаровских долгов. Император отослал просьбу Дантеса шефу жандармов Бенкендорфу «для принятия возможных мер, чтобы склонить братьев Гончаровых к миролюбивому с ним соглашению»²⁵² и, как водится с многочисленными денежными распрями, дело о претензиях Дантеса к Гончаровым затянулось на долгие годы...

²⁵¹ После смерти Пушкина, указ. соч. С. 336.

²⁵² Там же.

Деньги деньгами, но в то же время Дантес представил себя в письме императору Николаю Павловичу важным лицом политическим: «Вот уже четыре года, что я нахожусь в борьбе, что я сражаюсь пером и словом против жалких безумцев, имеющих безрассудное притязание переродить Европу. Приближается момент, когда придется, вероятно, отдать на служение нашему делу и свои руки, и свою жизнь. Я решился это сделать, и я это сделаю»²⁵³.

Провернутый «маленьким племянником большого дяди», как называли Луи-Наполеона, государственный переворот 2 декабря 1851 года обрадовал и воодушевил малозаметного депутата. Принц-президент вполне устраивал Дантеса с его монархическими воззрениями, и надо было по максимуму использовать новую сложившуюся обстановку. Уроки и подсказки папаши Геккерна по-прежнему оставались в силе и приносили свою пользу. Благодаря связям и интригам — а без них в Париже никто никогда ничего бы не добился — он во исполнение декрета Луи-Наполеона от 27 марта 1852 года стал восседать в сенаторском кресле. При распределении крупных государственных окладов Сенат определил оплату услуг барона Жоржа де Геккерна ежегодной суммой в 30 тысяч франков.

Проспер Мериме, сам «загремевший» в сенаторское кресло в 1853 году (благодаря давнему близкому знакомству с семейством испанского гранда графа де Монтихо, дочь которого Эухения, выйдя замуж в начале этого года за Луи Наполеона Бонапарта, сделалась императрицей Евгенией), невысоко оценивал умственные способности собратьев по Сенату, к которым он должен был однажды обратиться с речью: «Двести болванов» не стоят того, чтобы «перед ними волноваться»²⁵⁴. Много путешествуя как по долгу службы (поскольку являлся главным инспектором исторических памятников), так и из собственных литературных интересов, он показывался там редко.

А про самого Мериме ходили упорные слухи — должны же были о нем, таком не похожем на них *le loup blanc*²⁵⁵, болтать в свете — что он и есть настоящий отец Евгении. Сенаторы выполняли функции чисто декоративные, отличаясь парадными мундирами с шитьем золотыми пальмами. Серьезного веса в государственной системе это учреждение не имело.

Сенатским трудом, письменным контактом с российским императором Дантес приблизил вожделенный момент — он получил от

²⁵³ Казанский Б. В. [Рецензия на кн.: Гроссман Л. П. Карьера д'Антеса] // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии / АН СССР. Ин-т литературы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. [Вып.] 1. С. 352–353. Рец. на кн.: Гроссман Л. П. Карьера д'Антеса. М.: Журн. — газ. объедин., 1935.

²⁵⁴ Гроссман, указ. соч. С. 333.

²⁵⁵ белом волке (фр.), соответствует русскому выражению «белая ворона».

Луи-Наполеона роль государственного деятеля, которую успешно сыграл. В мае 1852 года он отправился в Вену и Берлин с совершенно секретной миссией, чтобы разузнать, не будут ли европейские монархи возражать, если принц-президент пожелает преобразиться в императора Наполеона III. Австрийский император, прусский король и русский царь, который как раз был в гостях в Берлине, выразили хозяину Елисейского дворца единодушное согласие. «Коронованные головы», как говорят французы, предпочли видеть Францию империей, а не республикой с какой-нибудь «революционной партией» у власти. Николай Павлович не сумел, правда, предвидеть, что всего через два года новый собрат-император начнет Крымскую войну, бедственную для николаевской России.

Тем временем, пока Дантес все силы вкладывал в свой путь наверх, воспитанием детей самоотверженно занималась его незамужняя младшая сестра Адель. После домашнего воспитания девочкам из аристократических семей полагалось его продолжать в предназначенных для этого платных заведениях, обыкновенно это были пансионы при монастырях, «где образование преследовало несколько целей: привитие хороших манер и послушания; обучение навыкам ведения домашнего хозяйства; воспитание религиозных дам, которые впоследствии не отойдут от церкви и будут подчинены ее влиянию»²⁵⁶.

На летние каникулы детей отпускали в имения их родителей. Несь службу в Париже, сам Дантес только изредка навещался в Сульц. После удачно проведенной миссии с тремя коронованными особами он пишет своим 14-, 13-, 12-летней дочкам письмо: «Париж, 25 июня 1852 / Дорогие мои маленькие, / Сегодня утром я получил ваше хорошее письмо и хочу на него сразу же ответить, хотя вчера я уже писал Леони. Я счастлив видеть, как хорошо вы осознаете все величие обряда, который собираетесь свершить. Да, вы совершенно правильно делаете, молясь, чтобы ваша бедная мать (которая была образцом женщины) вас хранила: старайтесь быть когда-нибудь на нее похожими, это мое единственное желание, которое я могу выразить для вашего блага. Поскольку я не могу присутствовать при вашей конфирмации, я посылаю вам свое благословение и от всего сердца прощаю вам все мелкие огорчения, которые вы могли когда-либо мне доставить. Я делаю это с такой готовностью, потому что вы добрые и чудесные создания, которых я люблю всем сердцем и так крепко,

²⁵⁶ *Королева Т. В.* Высшее женское образование и женское движение во Франции в XIX – начале XX в. // *Женщина в российском обществе*. 2005. № 3–4. С. 7. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vysshee-zhenskoe-obrazovanie-i-zhenskoe-dvizhenie-vo-frantsii-v-xix-nachale-xx-v/viewer>.

как только может любить отец своих детей. /Нежно обнимающий вас Ж. де Г.»²⁵⁷

Из этой записки явствует, что дети воспитывались с глубоким почтением к покойной матери, что, помяная ее, молились в церкви и на ее могиле. Осенью того же 1852 года, после смерти дедушки Дантеса, их уже весьма состоятельным отцом были произведены работы, сделавшие старый дом с садом, конюшней, навесами, флигелем более комфортабельным. В справке о замке Геккернов-Дантесов в Сульце отмечено: в течение второй половины XIX века семейство обновило отделку интерьера (окраска потолков, устройство камина из песчаника, украшенного гербом)²⁵⁸.

Звездный дипломатический час, подобный майской тайной миссии 1852 года, больше не повторился, посему с трибуны Сената, ни на шаг не отступив от своих правых рубежей, не изменив своим ретроградным взглядам, Дантес с выражением произносил речи, причем тот же Мериме, присутствуя на заседаниях Сената, с удивлением оценил их как весьма складные. Писателя интересовало все, что касается Пушкина, которого он не только читал, но и переводил; поэтому его внимание и занимала фигура Жоржа Дантеса: «...на трибуну взошел г. Геккерн, тот самый, который убил Пушкина. Это человек атлетического сложения, с германским произношением²⁵⁹, с видом суровым, но тонким, а в общем субъект чрезвычайно хитрый. Я не знаю, приготовил ли он свою речь, но он ее превосходно произнес с тем сдержанным возмущением, которое производит впечатление»²⁶⁰. (Из письма с заседания Сената 28 февраля 1861 года). Дантес горячо отстаивал интересы папства в ущерб движению итальянцев за объединение их страны, нерушимо стоял против любых уступок со стороны императорской власти, не желал допустить малейшего ослабления контроля над прессой. Такая реакционная стойкость была достойно вознаграждена: 12 августа 1863 года его мундир был украшен крести-

²⁵⁷ *Терновский*, указ. соч. С. 119 (с франц. Перевод мой. — М. Л.).

²⁵⁸ Электронная база данных архитектурного наследия Mérimée, справедливо носящая имя Проспера Мериме, поскольку именно он с 1834 до 1860 года являлся главным инспектором исторических монументов и заведовал составлением реестра исторических памятников.

URL: http://www2.culture.gouv.fr/public/mistral/merimee_fr? ACTION=CHERCHER&FIELD_1=REF&VALUE_1=IA00111954.

Здесь же сообщается, что проданное наследниками имение с 1984 года принадлежит городу.

²⁵⁹ Очевидно, что, будучи уроженцем Эльзаса, Дантес говорил с эльзасским акцентом, при котором интонация изменяется, в основном, за счет того, что ударение в словах французского языка с последнего слога часто переносится на первый. Например, не bonJOUR, а BONjour. URL: <http://kientzheim.ouest-atlantis.com/patois-alsacien.html>.

²⁶⁰ *Гроссман*, указ. соч. С. 445.

ком офицера Почетного легиона, а 14 августа 1868 года император возвел его в ранг командора.

К этому времени две дочери — Матильда-Евгения и Берта-Жозефина, которых в свое время начали вывозить в свет, где «Императрица Евгения выказала им свою благосклонность, по-матерински интересуясь их судьбой, допустила в интимный круг Тюильри и осенних местопребываний двора в Компьене²⁶¹ и Фонтенбло»²⁶², были уже замужем.

* * *

«Какие розы» им заготовил Гименей? Старшая вышла за генерала Жана-Луи Метмана²⁶³, обучавшегося с 1832 года в Сен-Сирской

²⁶¹ Речь идет о так называемых осенних, приуроченных к периоду охоты, «Компьенских сериях», которые длились в Компьенском дворце и его окрестностях от одного до полутора месяцев. Это была череда пребываний в течение одной недели примерно ста человек, приглашенных императорской четой. Списки приглашенных со всей тщательностью составлялись самой императрицей вкупе с главным императорским камергером. Среди более 5000 приглашенных с 1856 до 1869 года там побывали: иностранные коронованные особы с относительно краткими визитами, послы разных стран; приближенные к власти: министры, видные государственные деятели, высшее офицерство; преуспевающая элита общества: банкиры, промышленники, адвокаты и т.п. Приглашения получали также видные ученые, писатели, архитекторы, композиторы, артисты, художники.

Каждому приглашаемому отправлялся стандартный бланк, с вписанным туда именем и датой:

«Согласно императорскому приказу честь имею вас уведомить, что вы приглашены провести семь дней в Компьенском дворце с... по... Придворный транспорт будет ожидать вас для посадки... числа к моменту вашего прибытия из Парижа в Компьень в... часов... минут, чтобы доставить вас во дворец. Примите... заверения всяческого уважения».

Апартаменты распределялись в полном соответствии с иерархией — чем почетней гость, тем его жилище было роскошней и тем ближе располагалось к императорским апартаментам: на втором этаже по ранжиру от буквы «А» до буквы «М». Менее важных особ размещали на третьем этаже или даже в весьма отдаленных крыльях дворца в более скромных комнатах.

Этикет был менее строгим, нежели в Тюильри, и приглашенные могли — во время бесконечных завтраков, обедов, ужинов, чаепитий, приемов, балов, танцев, игр, театральных зрелищ, выездов на охоту и на экскурсии — свободней общаться с императорской четой, которая, в свою очередь, укрепляла связи с элитой нации, рассчитывая на ее благодарность и поддержку (с франц. Перевод мой. — *М. Л.*).

URL: https://chateaudecompiagne.fr/sites/palaisdecompiegne.fr/files/appts_invites.pdf.

²⁶² *Metman L. Georges Charles d'Anthes // Пушкин и его современники: Материалы и исследования / Комис. для изд. соч. Пушкина при Отд-нии рус. яз. и словесности Имп. акад. наук. — Пг., 1916. Вып. 25/27. С. 304. (Со ссылкой на книгу: *Marquis P. de Massa. Souvenirs et Impressions (1840–1871) ouvr. cité, p. 150.*)*

URL: <http://feb-web.ru/feb/pushkin/serial/pss/pss32902.htm>. В дальнейшем: Метман, указ. соч.

²⁶³ <http://www.histoireeurope.fr/RechercheLocution.php?Locutions=Jean+Louis+Metman>

военной школе и в 1835 году ее закончившего (в отличие от тестя, который всего на 2 года был старше зятя). Таким образом, жениху 24-летней Матильды было уже 47 лет в 1861 году, когда они заключили брак. Ужель тот самый майор Шатофор, волочившийся когда-то за Жюли де Шаверни до самой ее внезапной смерти? В связи с этим печальным обстоятельством, как следует из новеллы Мериме, «он отказался от многих приглашений на балы и в течение некоторого времени всюду показывался не иначе как в черном». Потом он вполне мог, утешившись, выбрать себе новый объект для поклонения вплоть до «полного счастья» с одной из не очень счастливых в замужестве дам света, или с дамой полусвета. О, давняя парижская традиция, о ней еще путешествующий по Франции секретарь главы русской дипломатии Н. И. Панина Денис Иванович Фонвизин в 1778 году писал: «Здесь все живут не весьма целомудренно; но есть состояние особенное, называющееся *les filles*, то есть: непотребные девки, осыпанные с ног до головы бриллиантами. Одеты прелестно; экипажи такие, каких великолепнее быть не может. Дома, сады, стол — словом, сей род состояния изобилует всеми благами света сего. Спектакли все блистают от алмазов, украшающих сих тварей. Они сидят в ложах с своими любовниками, из коих знатнейшие особы имеют слабость срамить себя публично, садясь с ними в ложах... Наилучшие экипажи, ливреи, лошади — все это... девкам! В прекрасной карете сидит красавица вся в бриллиантах. Кто ж она? Девка. Словом сказать, прямо наслаждаются сокровищами мира одни девки. Сколько от них целых фамилий вовсе разоренных! Сколько благородных жен несчастных! Сколько молодых людей погибших! Вот город, не уступающий ни в чем Содому и Гоморре»²⁶⁴.

Традиция ничуть не устарела за почти 70 лет, когда Мериме в «Двойной ошибке» весьма ярко, хоть и мимолетно, представляет читателям «молодую женщину, очень красивую и разряженную, с великолепными розовыми перьями в прическе». Жюли поневоле пришлось разделить ложу в опере с этой дамой и сопровождающим ее герцогом Г.: «Во время всего спектакля дама с перьями не в так постукивала пальцами и вкривь и вкось толковала о музыке. Она расспрашивала Жюли, сколько стоит ее платье, ее драгоценности, выезд. Жюли еще никогда не видала подобных манер. Она решила, что незнакомка приходится какой-нибудь родственницей герцогу и только что приехала из Нижней Бретани». Жюли сочла себя ужасно оскорбленной и скомпрометированной перед обществом, когда после спектакля Шатофор поведал ей, что эта дама — «Любовница герцога Г., Мелани Р.

²⁶⁴ Фонвизин Д. И. Собрание сочинений в 2 томах. Т. 2. М.; Л.: ГИХЛ, 1959. С. 446.

— Боже! — воскликнула Жюли, посмотрев на Шатофора с изумлением. — Этого не может быть!

Шатофор пожал плечами и, провожая ее к карете, добавил:

— Это же самое говорили и дамы, которых мы встретили на лестнице. Для своего разряда это еще вполне приличная женщина. Она требует внимания, почтительности... У нее даже есть муж».

А современник Мериме, 24-летний Александр Дюма-сын, представляя в 1848 году публике свой роман «Дама с камелиями», призывал читателя быть совершенно уверенным «в реальности этой истории, в которой все герои, кроме героини, и поныне здравствуют».

Был ли военный холостяк Метман одним из счастливцев, трагивших деньги на одну из многочисленных дам с камелиями? Или просто военная карьера, которую он успешно продвигал, занимала его целиком и не оставляла времени для устройства семейного счастья?

В 1843 году он — капитан, в 1848 году — командир батальона пехоты, в июне того же года он был ранен в левую руку во время уличных боев при усмирении восстания в Париже; в 1852 — кавалер ордена Почетного легиона; 1854 — участник Балканской экспедиции, в чине подполковника пехотного полка принимал участие и отличился в Сражении у Черной речки в Крымской войне²⁶⁵ в августе 1855 года, за что был произведен в офицеры Почетного легиона. Следующий чин по возвращении во Францию — полковник; в 1857 — командир гренадерского полка Императорской гвардии. Во время Итальянской кампании при захвате моста и других навигационных укреплений (хоть и с очень большими потерями) обеспечил победу при Маджента, получил Крест Командора Почетного легиона. В августе 1860 года Метман — бригадный генерал.

На этом витке своей жизни он задался вопросом: «Жениться? Ну... зачем же нет?..». Пленилась ли Матильда военной выправкой генерала Метмана, его подвигами в сраженьях? Уступила ли выбору отца, который предварительно заводил с потенциальным женихом беседы, мол, «а там / Зачем откладывать бы дальше / Речь завести об генеральше»? Все ли для нее были «жребии равны», как «для бедной Тани», в муже которой Анна Петровна Керн, читая «Онегина», со всей определенностью узнала ненавистного ей мужа-генерала, сделавшего ее замужество таким несчастным? Но ее отцу-деспоту больше всего на свете хотелось, чтобы дочь была генеральшей.

Год спустя у Метманов родился сын Луи, связавший впоследствии свою жизнь с искусством, занимавший должность хранителя Музея

²⁶⁵ В том же сражении с противоположной стороны участвовал автор «Севастопольских рассказов» граф Лев Толстой, написавший тогда сатирическое стихотворение «Песня про сражение на реке Черной 4 августа 1855 года».

декоративных искусств в Париже, коллекционировавший предметы японского искусства, оставивший «Записки»²⁶⁶ о своем деде Жорже Дантесе. Немного позже родились еще два сына.

Средняя дочь Берта в 1864 году в возрасте 25 лет вышла за 51-летнего вдовца графа Эдуара Вандаля (всего одним годом младше тестя), государственного советника, сделавшего к тому времени крупную административную карьеру в ведомстве прямого налогообложения, занимавшего пост Главного директора почт. Была ли она счастлива с этим — по сохранившейся фотографии²⁶⁷ — худощавым пожилым господином с поредевшими волосами, глубоко посаженными под низкими бровями светлыми глазами, с бородкой и усами à la Наполеон III (как тогда почти поголовно носили все его приверженцы), с орденом в петлице? Некоторые, подписанные его рукой, украшенной на мизинце перстнем-печаткой с графским гербом, важные скучные документы хранятся в Национальной библиотеке Франции, например: «Замечания о земельном налоге» 1855 года, или «Циркуляр n° 392: Применение французского законодательства к новым департаментам, присоединенным к Империи. Париж, 5 сентября 1860 г.», или «Отчет министерству финансов об управлении почтами» 1865 года и другие. Все это по службе, а дома? От первого брака у него был 13-летний сын Альбер — в дальнейшем историк, писатель, член Французской академии. От второго брака с Бертой де Геккерн Дантес родился тоже единственный сын — Мари Эдуар Вандаль. Портрет его матери во весь рост — очень элегантной, высокой, статной, светловолосой и светлоглазой графини Берты Вандаль Геккерн, дамы довольно строгого вида, работы весьма модного в 1878 году (когда писался портрет) французского художника Шарля Дюрана (Charles Durant) находится в флорентийской Галерее современного искусства во дворце Питти²⁶⁸. Сияющий шелк, украшения, кружева, оборки, шлейф, роскошная накидка... У ее сына, после того, как она стала вдовой, родились в начале уже нового века три дочери подряд.

Надо полагать, что молодому тестю было о чем потолковать со своими пожилыми зятями, особенно когда он вынужденно удалился от политики. Наполеон III назначал сенаторов пожизненно, но в 1870 году приказала жить сама Вторая империя, а с нею и ее Сенат.

Муж старшей дочери в это время уже стал дивизионным генералом, во время Франко-прусской войны был в плену, а освободившись, командовал дивизией 3-го корпуса Версальской армии.

²⁶⁶ *Metman*, указ. соч. С. 290–307.

²⁶⁷ <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b53050547f>

²⁶⁸ <https://www.ackimages.fr/CS.aspx?VP3=SearchResult&VBID=2UMESQ5IGCXTKF&POPUPPN=4&POPUPID=2UMDHUKAD67L>

Муж второй дочери с 1871 по 1875 год был Президентом Совета Компании трансатлантических судов. Основателями и владельцами этой компании, так же, как и многими другими предприятиями периода бурного индустриального развития времен Второй империи, являлись братья Эмиль и Исаак Перейр. У них также были банки, недвижимость, железные дороги, морской транспорт, страховые компании. Так что благодаря самой близкой родне и тесным связям с исключительно компетентными соседями барон Жорж де Геккернажил солидный капитал, построил трехэтажный особняк на Елисейских Полях.

Матильда и Берта, таким образом, были устроены. Когда-то ими так гордилась Екатерина Николаевна, потому что, писала она брату, они «так же красивы, как и милы, и особенно что в них замечательно — это здоровье: никогда никаких болезней, зубки у них прорезались без малейших страданий, и если бы ты увидел моих маленьких эльзасок, ты бы сказал, что трудно предположить, чтобы из них когда-нибудь вышли худенькие, хрупкие женщины. В любую погоду, зимой и летом, они гуляют; дома всегда ходят в коротких открытых платьях с голыми ручками и ножками, никогда никаких чулок, только очень короткие носочки и туфельки, вот их костюм в любое время года. Все при виде их удивляются и ими восхищаются. У них аппетит как у маленьких волчат, едят они все, что им нравится, кроме варенья и сладостей»²⁶⁹.

Их мать умерла рано, и ей не дано было увидеть их взрослыми, а своего молодого красивого мужа — состарившимся. Им же не довелось увидеть своих мужей молодыми. Как жили они, чем занимались, что читали, какую музыку слушали, о чем сожалели, чему радовались? Об этом можно только догадываться и искать их следы, шелест их платьев в произведениях Гюго, Мюссе, Дюма, Золя, Флобера, Мопассана, в музыке композиторов, картинах художников того времени.

Как, впрочем, и следы их младшего брата Луи Жозефа Мориса Шарля де Геккерна Дантеса, который, как пишет о нем его племянник Луи Метман в своих «Записках», «сочетал мужество и необычайную энергию со своими физическими качествами»²⁷⁰. Будучи офицером, он участвовал и был тяжело ранен в Мексиканской экспедиции (так называемая в современных учебниках Англо-франко-испанская интервенция в Мексику (1861–1867), имевшая целью подчинить европейскому влиянию Латинскую Америку и закончившаяся для коалиции неудачно). С момента объявления войны с Пруссией в июле 1870 года он вступил в армию, как отмечает автор «Записок», простым солдатом и с полком конных егерей отправляется на войну.

²⁶⁹ После смерти Пушкина, указ. соч. С. 295–296.

²⁷⁰ *Metman*, указ. соч. С. 305.

Был офицер — стал солдат? Разжалован, как когда-то его отец за подобные грехи?

Он участвовал во всех баталиях под Метцем, а после капитуляции города сумел, хоть и был дважды задержан, перейти прусскую границу, переодевшись в крестьянское платье и пользуясь своим прекрасным знанием немецкого языка. Потом, принимая участие в других битвах и отступлениях, он закончил свою военную карьеру в Бордо в чине капитана.

Только через 12 лет в 1883 году в возрасте 39 лет он женился в Сульце на 20-летней Марии-Луизе-Виктории-Эмилии Шауэнбург-Люксембург, от которой имел, по разным сведениям, то ли пятерых²⁷¹, то ли четверых²⁷² детей: два сына и две дочери, одну из которых назвали Катрин²⁷³.

Единственному долгожданному сыну Жоржа и Катрин де Геккерн Дантес, стойшему его матери долгих молитв, надежд, мучений и самой ее жизни, мы обязаны краткими сведениями о его третьей сестре. Луи Метман в «Записках» ограничивается об этой своей тете, как и о других, не совсем, с его точки зрения, нужных подробностях семейной хроники, буквально одной фразой: «Леони-Шарлотта, оставшись одинокой, умерла в Париже 30 июня 1888 года»²⁷⁴.

Через 11 лет после ее смерти, в год 100-летнего юбилея Пушкина 56-летний барон Геккерн-Дантес-сын поделился сведениями о своей покойной сестре с постоянным парижским корреспондентом петербургской газеты «Новое время» И. Яковлевым (И. Я. Павловским). Они были опубликованы в № 8364 от 12 июня 1899 года.

²⁷¹ <https://gw.geneanet.org/garric?lang=fr&p=georges+charles+maurice&n=de+heeckeren+d+anthes>

²⁷² <https://gw.geneanet.org/pierfit?lang=fr&p=georges&n=de+heeckeren+d+anthes&oc=1>

²⁷³ Некоторые сведения о Дантесе-сыне есть в одной (во всех отношениях дешевой) книжке «Секреты полиции: самые знаменитые досье прошлых времен». Например, в 1873 году, заметив в ложе парижского Варьете актрису Каролину Летесье (Caroline Letessier), находящуюся у него на содержании, в компании с одним из князей Долгоруковых, он отвесил князю пощечину. На состоявшейся по этому поводу дуэли Дантесу-сыну повезло — он раздробил своему противнику плечо. Но ему повезло еще больше в игорном доме на Елисейских Полях, когда в 1875 году, поставив на рулетке 800, он выиграл целых 90 000 франков. Впрочем, возможно, что автор книги просчитался в этих сведениях так же, как и в датах рождения и смерти тех, о ком он пишет. Так, он довольно нелепо указывает, что Катрин Гончарова, дав жизнь единственному сыну, умерла в 1844 [!] году, а чуть ниже приводит годы жизни сына: 1841—1909 [!]. На самом деле, Дантес-сын, родившись в 1843, умер в 1902 году.

Luytens D.-C. Secrets de police: Les plus célèbres fiches de police du temps passé. Éd. Jourdan, 2014.

²⁷⁴ *Metman*, указ. соч. С. 305.

Трудно отнестись с полным доверием к высказанным с пафосом заявлениям: «Эта девушка обладала особенностью русской женщины: она любила науку, любила учиться...»; или: «Пушкин! Как это имя связано с нашим...»; к безвкусным пассажам, претенциозность которых можно было бы, конечно, объяснить неполноценным переводом: «Она обожала Россию и больше всего на свете — Пушкина!...»; «Дочь Дантеса молилась перед портретом своего дяди, в которого была влюблена. С отцом она не говорила после одной семейной сцены, когда назвала его убийцей Пушкина. Сумасшествие ее было на почве загробной любви к дяде. Стихи Пушкина она знала наизусть».

Не имея других, более строгих и точных документов, можно только попытаться осторожно предположить: эту девушку не устраивала судьба, на которую согласились и считали единственно возможной, как большинство их современниц, старшие сестры. Не желая предаваться доступным ей однообразным радостям двора, «где, — как продолжает вспоминать младший брат, — бушевало такое шумное веселье, она проходила, — конечно, дома²⁷⁵ — курс *Ecole Polytechnique*²⁷⁶, весь курс, — и по словам своих профессоров, была первой...». Если Леони в самом деле выучила русский язык и читала Пушкина, то могла узнать себя в его стихах: «Она в семье своей родной / Казалась девочкой чужой». Что вызвало интерес и охоту к русскому языку? Полурусское ли ее происхождение; врожденная ли склонность к знаниям вообще и к языкам в частности; желание ли разобраться в несчастной дуэли, о которой все в семье, конечно, в общих чертах знали, как и о русских дядях, тетях, кузенах и кузинах; потребность ли понять, что за женщина была ее мать, которую она с раннего детства знала только

²⁷⁵ «Во Франции женщины не имели доступа к высшему образованию до самого конца Второй Империи, и университет являлся исключительно мужским учреждением. Традиционно прививаемое женщинам воспитание предписывало держаться от университета подальше, и его завоевание было делом длительным и трудным. Причем право на сдачу экзаменов было получено еще до того, как женщины смогли присутствовать на занятиях, поскольку в первом случае было легче контролировать взаимоотношения двух полов. На некоторые факультеты доступ был менее сложным, нежели на другие: так изучение права оставалось в течение долгого времени уделом мужчин. Но все же “час женщин пробил”, позволив этим пионеркам “по собственной воле получать образование и способствовал их переходу от положения милой ненужности или простой кормилицы к социальной силе”».

Christen-Lécuyer Carole, «Les premières étudiantes de l'Université de Paris», *Travail, genre et sociétés*, 2000/2 (N° 4), p. 2. с цитатой во внутренних кавычках из:

Françoise Vitry, «L'heure de la femme», *La Renaissance politique, littéraire et artistique*, 27 août 1921.

(с франц. Перевод мой. — М. Л.)

URL: <https://www.cairn.info/revue-travail-genre-et-societes-2000-2-page-35.htm>.

²⁷⁶ Политехнического института.

по портретам; альбомы ли со стихами на русском языке, которые она нашла в материнских вещах?..

Жизнь ее, что доподлинно известно, закончилась, увы, в больнице для душевнобольных. Очевидно, сопротивление общепринятому течению жизни, желание не погружаться в заботы «суетного света», а в «просвещении стать с веком наравне», стоили Леони большого напряжения и подорвали ее здоровье.

Дантес свои последние годы доживал в родном Сульце, пережив:

- младшую дочь Леони-Шарлотту на 7 лет;
- обоих зятьев на 6 лет – генерал умер 1 июня 1889 года, а через полгода в декабре того же года умер граф;
- старшую дочь Матильду-Евгению почти на 3 года, ее не стало 29 января 1893 года.

Сам он умер 2 ноября 1895 года гражданином Французской республики, но в Германии. Ни он, ни Наполеон III не могли вообразить, что после поражения Франции в войне с Пруссией Эльзас станет немецким. Вплоть до 1919 года, но это уже другая история.

Само имя мелкого, каких множество, сановника Второй империи, впрочем, дошедшего «до степеней известных», было бы так же забыто во Франции, как в России, когда бы не трагическая дуэль на Черной речке близ Петербурга в конце января 1837 года.

Содержание

Часть I

Марина Ломовская

Тематический обзор материалов и новые архивные изыскания
об окружении А.С. Пушкина перед его кончиной

Предисловие	7
Счастливая бедная Катя.....	11

Часть II

В.М. Вогман (В.М. Есипов)

Пушкин и Николай I. Исследования и материалы

Хроника отношений Императора и Поэта <i>по письмам, дневникам и документам</i>	113
Введение	113
Освобождение из ссылки	114
«В надежде славы и добра...»	122
Расследование о «Гавриилиаде».....	132
«Обласкан царем».....	136
Холерные бунты (восхищение царем).....	149
Конец иллюзий	158
Пожалование в камер-юнкеры и «История Пугачевского бунта».....	165
«Ух, кабы мне удрать на чистый воздух»	174
Под гнетом долгов.....	181
«Современник».....	190
Дуэль и смерть.....	194
Послесловие	200

Часть III

Р. Гальцева

Статьи о Пушкине

По следам гения	209
Пушкин и свобода человека	209

**Эон. Альманах старой и новой культуры:
Семейное окружение Пушкина в последний период его жизни
и после смерти**

Серийное оформление: П.П. Ефремов
Макет и дизайн обложки Л.В. Лобанова
Редактор и корректор М.П. Крыжановская

По издательским вопросам обращаться:
«Центр гуманитарных инициатив»
e-mail: unikniga@yandex.ru. Руководитель центра Соснов П.В.

Подписано к печати 05.09.2021. Формат 60х90 1/16. Заказ № 1054
Усл. печ. л. 14,25.
Тираж 500 экз.

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного оригинал-макета
в Публичном акционерном обществе «Т8 Издательские Технологии»
109316, Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корпус 5.
Тел.: 8 (495) 221–89–80

Альманах старой и новой культуры в течение долгих лет выходил в ИНИОН РАН, издано 14 томов. Данный выпуск, подготовленный Отделом философии ИНИОН, посвящен новым изысканиям зарубежных исследователей творческого пути и жизненных обстоятельств поэта, чья гибель остается незаживающей раной для русской души. В подготовке выпуска принимали участие филолог, литературовед, переводчик, исследователь Серебряного века М.В. Ломовская — автор тематического обзора материалов и новых архивных изысканий об окружении А.С. Пушкина перед его кончиной (рассказывающего о судьбе старшей свояченицы А.С. Пушкина Е.Н. Гончаровой — жене Дантеса); пушкинист, автор многих книг и исследований о Пушкине В.М. Есипов (Вогман), в работах которого рассматриваются сложные отношения между императором и поэтом: «Пушкин и Николай I», а также известный культурфилософ Р.А. Гальцева, автор работ о Пушкине «По следам гения», «Пушкин и свобода». Альманах предназначен для широкого круга читателей.

